

Индекс 54916

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит два раза в год
2013, № 1 (6)

Учредитель

**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

*Алексеев А.Н. (гл. редактор), Андреева Т.Е., Антонов Е.П.,
Боякова С.И. (зам. гл. редактора), Бурцева Ж.В., Варламов А.Н.,
Винокурова Д.М., Данилова Н.И., Ефремов Н.Н. (отв. секретарь), Жукова Л.Н.,
Игнатьева В.Б., Ларионова А.С., Попова Н.И. (зам. гл. редактора),
Романова Е.Н., Романова Л.Н., Слепцов П.А.*

Редактор *Е.Ф. Молотков*
Английский текст *О.Н. Кочмар*
Верстка *А.А. Строева*
Обложка *А.И. Харитонов*

ISSN 2218-1644

© ИГИиПМНС СО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Бравина Р.И.</i> Погребальные памятники якутов Верхоянья (XII–XVIII вв.)	5
<i>Васильев В.Е.</i> Запад и Восток в евразийской политике России XVI–XVIII веков: к проблеме присоединения Ленского края	9
<i>Яковлев Э.М.</i> Из истории банковского дела в Якутии. 1883–1919 гг.	14
<i>Бурнашева Н.И.</i> Проблемы развития кооперации в Якутии в исторических исследованиях 50–80-х годов XX века.....	21
<i>Сулейманов А.А.</i> Российско-германское сотрудничество по научному изучению арктических районов Якутии в конце XX века.....	25

Этнография

<i>Бакаева Э.П.</i> Калмыцкий эпос «Джангар» и календарная обрядность.....	34
<i>Марфусалова В.П.</i> Этнокультурные связи коренных малочисленных народов Северо-Востока России.....	40

Философия

<i>Яковлева Е.П.</i> О биологических механизмах биосоциальной адаптации человека.....	46
<i>Пудов А.Г.</i> Функциональность языковой и этнокультурной среды: онтологический аспект.	50
<i>Саввинов А.С.</i> Исидор Барахов: творческое применение марксизма в Якутии 1920-х годов.	55

Филология

<i>Новгородов И.Н.</i> К междисциплинарному исследованию истории якутского языка.....	60
<i>Харабаева В.И.</i> Категория лица в якутском языке: функциональный аспект	66
<i>Прокопьева А.Е.</i> Полипредикативные конструкции с деепричастиями в колымском диалекте юкагирского языка: диахронический аспект.....	70
<i>Шамина Л.А.</i> Инфинитив в тувинском языке.....	77
<i>Мухомлева С.Д.</i> Архив как «строитель национального самосознания и идентитета»: К вопросу архивации рукописей олонхо и фольклорных документов коренных народов Якутии.....	82
<i>Данилова А.Н., Заболоцкая П.Е.</i> Характеристика образа богатыря в олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»	89

Путевые заметки исследователя

<i>Васильев В.Е.</i> Этнографические этюды Момского улуса	98
<i>Ушницкий В.В.</i> Экспедиция летом 2011 г. в Синьцзянь-Уйгурский национальный округ на озеро Канас..	103

Наши юбиляры

<i>Данилова Н.И.</i> Спиридон Алексеевич Иванов (К 85-летию со дня рождения).....	107
<i>Монастырев В.Д., Васильева Н.Н.</i> Петр Алексеевич Слепцов (К 85-летию со дня рождения).....	109
<i>Романова Л.Н.</i> Николай Николаевич Тобуроков (К 80-летию со дня рождения).....	112
<i>Антонов Е.П.</i> Василий Игнатьевич Федоров (К 80-летию со дня рождения).....	115
<i>Андреева Т.Е.</i> Гаврил Николаевич Курилов – Улуро Адо (К 75-летию со дня рождения)	118
<i>Куприянова Е.С.</i> Петр Никифорович Дмитриев (К 75-летию со дня рождения)	120
<i>Дьячковский Ф.Н.</i> Анатолий Гаврильевич Нелунов (К 70-летию со дня рождения).....	122

Некролог

<i>Данилова Н.И., Попова Н.И.</i> Николай Егорович Петров	124
Сведения об авторах	126

CONTENTS

History

<i>Bravina R.I.</i> Funeral monuments of the Yakuts in the Verkhoyanye (XVII–XVIII centuries).....	5
<i>Vasilyev V.E.</i> The West and the East in the Eurasian politics of Russia in XVI–XVIII centuries: to the problem of joining Lensky edge	9
<i>Yakovlev E.M.</i> From the banking history in Yakutia. 1883–1919	14
<i>Burnasheva N.I.</i> Problems of Yakutian cooperation development in historical researches of 50-80th years of the XX-th century.....	21
<i>Suleymanov A.A.</i> Russian-German co-operation on the scientific studying of the Arctic districts of Yakutia in the end of XX century.....	25

Ethnography

<i>Bakayev E.P.</i> Kalmyk epos “Dzhangar” and calender ceremonialism.....	34
<i>Marfusaloova V.P.</i> Ethnic-cultural ties of the minorities native people of the North East of Russia.....	40

Philosophy

<i>Yakovleva E.P.</i> About biological mechanisms biosocial human adaptation.....	46
<i>Pudov A.G.</i> Functionality of the language and ethnic-cultural environment: ontological aspect.....	50
<i>Savvinov A.S.</i> Isidor Barakhov: the creative application of Marxism in Yakutia in the 1920 th years.....	55

Philology

<i>Novgorodov I.N.</i> To multidisciplinary research of history of the Yakut language.....	60
<i>Kharabaeva V.I.</i> The category of the person in Yakut language: functional aspect.....	66
<i>Prokopyeva A.E.</i> Polypredicative constructions with verbal adverbs in the Kolyma dialect of the Yukaghir language: diachronic aspect.....	70
<i>Shamina L.A.</i> The Infinitive of Tuvian language.....	77
<i>Mukhopleva S.D.</i> Archive as the «builder of national consciousness and identity»: to the question of archiving manuscripts of Olonkho and folklore documents of the native people of Yakutia.....	82
<i>Danilova A.N., Zabolotskaya P.E.</i> Characteristic image of the bogatyr in the Olonkho «Obstinate Kulun Kullustuur».....	89

Researcher’s itinerary

<i>Vasilyev V.E.</i> Ethnographic sketches on Momsy ulus.....	98
<i>Ushnitskiy V.V.</i> Expedition by summer of 2011 in Sintszyan-Uygursky the national district on the lake Kanas.....	103

Our jubilee celebrator

<i>Danilova N.I.</i> Spiridon Alexeevich Ivanov. To his 85 th anniversary.....	107
<i>Monastirev V.D., Vasilyeva N.N.</i> Petr Alekseevich Sleptsov. To his 80 th anniversary.....	109
<i>Romanova L.N.</i> Nickolay Nickolaevich Toburokov. To his 80 th anniversary.....	112
<i>Antonov E.P.</i> Vasilij Ignatyevich Fedorov. To his 80 th anniversary.....	115
<i>Andreeva T.E.</i> Gavril Nikolayevich Kurilov – Uluro Ado. To his 75 th anniversary.....	118
<i>Kupriyanova E.S.</i> Petr Nikiforovich Dmitriyev. To his 75 th anniversary.....	120
<i>Dyachkovskiy F.N.</i> Anatoliy Gavrilovich Nelunov. To his 70 th anniversary.....	122

Obituary

<i>Danilova N.I., Popova N.I.</i> Nikolay Egorovich Petrov	124
<i>Information about authors</i>	126

УДК 902.22(=512.157)"15/17"

Р.И. Бравина

Погребальные памятники якутов Верхоянья (XVII–XVIII вв.)

В статье обобщены материалы Саха-французской археологической экспедиции по изучению погребальных памятников якутов Верхоянья. Рассматриваются конструктивные особенности погребальных камер и особенности ритуала погребений, приводится описание предметов сопроводительного инвентаря. Особое внимание уделяется кремации и погребению с конем, истоки которых свидетельствуют об исторических параллелях с погребальным обрядом древнего населения сопредельных территорий.

Ключевые слова: якуты, позднее средневековье, Верхоянье, погребальные памятники, сопроводительный инвентарь, парные захоронения, погребение с конем, арангасная форма захоронения, трупосожжение.

Целенаправленные археологические изыскания памятников позднего средневековья верхоянских якутов начались с 2010 г. и связаны с деятельностью Саха-французской международной экспедиции. Всего исследовано около 30 погребений в Арылахском, Бабушкинском (с. Боронук), Дулгалахском, Суордахском и Столбинском наслегах.

Погребения расположены на невысоких террасах аласных лугов, что диктуется характером сенокосно-пастбищной системы хозяйства якутов. По всей вероятности, горы не входили в культурный ландшафт якутов, воспринимавших их как «чужое» пространство. По свидетельству И.А. Худякова [1969, с. 99], верхоянские якуты горы называли чубуку сирэ (букв. земля горных баранов), где проживали таас омуктара («горные инородцы»).

Рис. 1

Из изученных нами погребений наибольший интерес представляют двойные захоронения, когда в одном гробу находятся два костяка. Погребение Ыаргалаах расположено на территории Арылахского наслега, в районе молочно-товарной фермы Таргана. На уровне 46 см от дневной поверхности находился гроб из лиственницы, разделенный продольной перегородкой на две секции (рис. 1). Костяк, лежащий слева, принадлежит мальчику примерно 10–13 лет, а костяк справа — молодой девушке от 14 до 17 лет. Оба костяка ориентированы головами на север. В ногах лежали сопроводительные предметы: кумысный кубок чороон на поддоне, нож и деревянная миска кытыйа. В наибольшей сохранности оказался наряд девушки, одетой в шубу из меха, по краю пола окантована полоской из шелка и меховой опушкой из соболя, изнутри шуба подбита заячьим мехом. Поверх шубы имеется гривна кылдыы. Внутренняя одежда представлена коротким летним платьем и натазниками с бисерной вышивкой. В отличие от девушки одежда мальчика не имеет декора, сшита из конской шкуры [Кириянов, 2010, с. 26–32]. Это может быть захоронение брата и сестры, умерших одновременно, или же по бедности одежды мальчика можно допустить погребение девушки из богатой семьи в сопровождении бедного родственника или слуги. Гробы с продольной перегородкой встречаются в могилах хуннов Забайкалья [Коновалов, 1975, с. 156].

Рис. 2

Второе двойное погребение обнаружено в местности Тысагастаах Дулгалахского наслега, в 2 км от местности Хайыкаан, где находится коневодческая база Кубалаах. Возле погребения установлено ритуальное сооружение кэрэх весьма необычной конструкции — на 2 деревьях (рис. 2). В одном гробу погребены мальчик лет 5 и женщина в богатой одежде. По наличию серебряных кругов кюн возле голов, можно предположить, что они одностатусные — оба из богатой семьи. Слева от головы женщины сохранились фрагменты берестяной основы рож-

Рис. 3

ков шапки с темной меховой окантовкой по краю. Зафиксированы четыре проволочные серьги разного размера (рис. 3). Под подбородком женщины обнаружен коготь птицы, подвешенный, судя по фрагментам, на кожаный

Рис. 4

шнурок. По свидетельству И.А. Худякова [1969, с. 272], «на Дулгалахе считали богом гагару и держали ее изображение, украшенное по шее, бровям и пр. разноцветным бисером». На шее медная гривна кылдыы с четырьмя петлеобразными изгибами (рис. 4). Судя по сохранившимся фрагментам, женщина одета в двойную одежду — верхнюю (шуба) и внутреннюю (пальто, натазники, ноговицы). Шуба из собольего меха, по краю пола окантована меховой опуш-

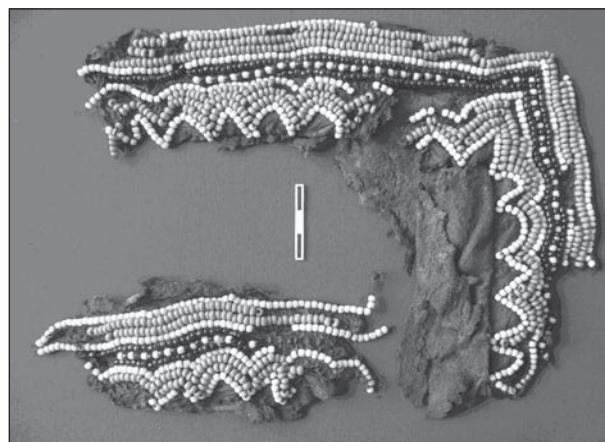

Рис. 5

кой из меха темного окраса, обильно обшита бисером (рис. 5) на шубе имеются набедренные украшения ёттук симэгэ, составленные из треугольных медных пластин с привязанными к ним одекуй голубого цвета. Внутренняя одежда представлена коротким пальто из ровдуги, которое подпоясывалось кожаным поясом с медной пряжкой. На костяке натазники сыалдыа из обработанной конской шкуры. Хорошо сохранился набедренный пояс кыбака симэгэ, состоящий из нескольких рядов медных пластин (рис. 6). Слева в области поясницы обнаружен

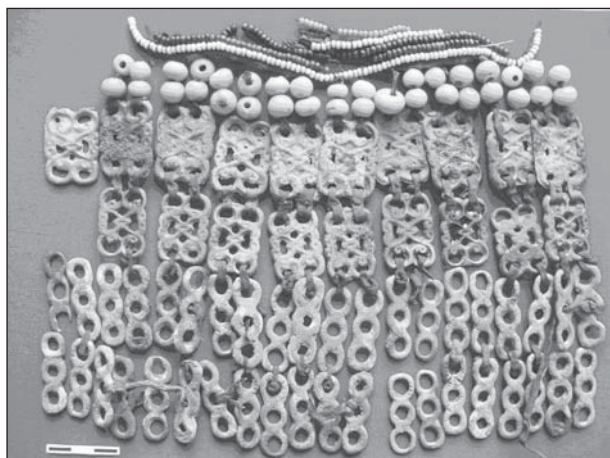

Рис. 6

нож и фрагменты ножен из кожи, обшитых мелким бисером. Ноговицы сутуруо также выполнены из обработанной конской шкуры и украшены бисерным орнаментом, а торбаза сделаны из продубленной конской кожи саары. Возле ног деревянная миска кытыйа с арочным орнаментом и 6 конских ребер. Костяк ребенка завернут в продыmlенную кожу. Никаких остатков какой-либо одежды у него не сохранилось.

Погребения с конем одно из ярких свидетельств о этнокультурных связях якутов с тюрками Саяно-Алтая. Исследователи отмечают их сходство с захоронениями усть-талькинской культуры юга Средней Сибири XII–XIV вв.: положение коней — на животе с подогнутыми ногами и инвентарь (удила, стремяна, пряжки, кольца). По мнению иркутских археологов, носителями усть-талькинской культуры являлись тюркоязычные туматы, которые мигрировали в конце XI в. в Предбайкалье с предгорий Саяно-Алтая. В конце XIV — начале XV в. в Среднюю Сибирь проникают новые племена с юга и юго-востока, которые вытесняют туматов, судя по однотипности погребений с конем, в долину средней Лены [Николаев, 2004, с. 159].

На территории Верхоянья обнаружены три погребения с конем, притом разного типа. Это погребение Боронук, где конь лежит на правом боку, погребение Тюмээски, в котором обнаружены отдельные кости лошади и предметы конского снаряжения: удила, стремя, железные крючки седла, подпружные пряжки, и погребение Уус Сирэ с черепом коня.

До принятия христианства арангасная, или так называемая «воздушная» форма захоронения существовала в Якутии повсеместно и была одним из основных способов трупоположения.

В местности Ыккыл был исследован арангас Массааны, князца II Энгэсского наслега. В гробу лежал мужчина, под голову которого было подложено седло. В сопроводительный инвентарь входили пальма батас, лук, 7 стрел, деревянная чаша кытыйа и курительная трубка. «Голова на седле» является традицией тюрко-монгольских кочевников.

В погребении, расположенном в местности Бюгюйэх на высоте 175 м над уровнем моря (по Балтийской системе) и 43 м над урезом р. Яна, зафиксировано трупосожжение (кремация). Наполнение могильной ямы состоит из разных горных пород, общей мощностью 50 см. При их разборке выявилась крышка деревянной внутримогильной камеры. Сохранились также сильно деформированные стенки ящика-гроба из плах. Костяк отсутствовал. Вместо него по центру гроба располагалось обожженное вытянуто-овальное пятно длиной 170 см с большим количеством обломков плиточника со следами огня [Кириянов, 2010, с. 40–47]. По всей вероятности, здесь была произведена кремация. При этом сначала было кремировано тело, потом вокруг праха сооружен гроб. По записям А.А. Саввина, последняя кремация в Верхоянье была совершена в 1938 г., согласно завещанию шамана Часыы, с просьбой похоронить его по обычаю предков [Саввин, л. 51–52].

В документах XVII в., относящихся к истории якутов, имеются упоминания о трупосожжении — «извычай у них таков, что умерших жгут», при этом, судя по некоторым данным, сжигали преимущественно убитых и умерших вдали от родных мест [Токарев, 1939, с. 101]. В практике изучения якутских погребений зафиксировано всего два случая, которые предварительно можно отнести к данному обряду погребения. Первый из них — погребение шамана Кынкырдыа в Таттинском улусе: «...погребение пользуется почитанием местного населения... Раскопки ничего не дали, поскольку погребение оказалось сгоревшим дотла. Обнаружены только не подверженные действию огня пара железных стремян, железные подпружные пряжки, медная чашечка курительной трубки» [Константинов, 1971, с. 36]. Второе погребение с кремацией расположено на естественной возвышенности близ местности Суола в Мегино-Кангаласском районе. На поверхности никаких следов надмогильного сооружения не выявлено. На глубине 20 см. от дневной поверхности находился деревянный гроб, подверженный воздействию огня. В гробу — обгоревший костяк женщины, лежащей на боку.

Отсутствие в заполнении могилы каких-либо следов огня наводит на мысль о том, что гроб с телом умершей был сожжен внутри ямы, а затем засыпан землей [Бравина, Попов, 2010, с. 151].

В якутских легендах традиция трупосожжения в основном приписывается другим племенам, некогда проживавшим на территории Якутии. Еще до прибытия прародителей якутов Омогой Бая и Эллэй Боотура на Лену переселилось из южной стороны племя кыргыс с конным и рогатым скотом. Когда у них умирал человек, то ему прикрывали лицо брюшным жиром лошади, клали его в выдолбленное дерево и уносили в лес. Собравшись в лесу, устраивали ысыах, где усопшего, снабдив всем необходимым, сжигали. По преданию, те люди впоследствии вымерли, не оставив потомства [Исторические предания..., 1960, с. 94]. В другом предании говорится о «многочисленном лесном народе» сортолах, которые после победы над врагами «нагромождали трупы своих врагов кучами до половины дерева высотой и сжигали. Своих же покойников сортолы хоронили на поверхности земли...» [Окладников, 1946, с. 81]. Сами якуты считали сортолов предками тунгусов и других северных племен, но последние их таковыми не признавали. Вместе с тем интересно отметить, что этноним «сартул» известен и у бурят Забайкалья [Долгих, 1960, с. 315]. Более того, в XIII в. так называлось население Туркестана, часть которого была переселена в Монголию. Были ли якутские племена сортол (сартол) связаны с названными племенами, сказать сложно. В этом плане примечательно замечание А.П. Окладникова относительно так называемых сортол-ётёхов (ётёх — древнее жилище), обитателей которых местные жители приписывали древним племенам, перебитым оленеводами-тунгусами, занявшими после них область Верхоянских гор [Окладников, 1949, с. 355]. Расположение погребения с кремацией на высокой точке горы может в этом случае рассматриваться как погребение якутами чужака за пределами своего культурного пространства.

В культурах, исторически близких к якутской, данный способ погребения имел распространение у курыкан, тюрков-тугу и енисейских кыргызов. В документах XVII — начала XVIII в. говорится, что хакасы преимущественно сжигают убитых, хотя в древности они сжигали всех умерших независимо от характера смерти [Кызласов, 1975, с. 206]. Из соседних с якутами народов трупосожжение также практи-

ковали западные буряты, близкие к якутам по своему антропологическому типу. Показательно, что в якутском языке название могилы звучит как киси унгуога (человеческие кости), что аналогично хакасскому, шорскому, алтайскому, тувинскому сөөк — кость, останки, труп, могила (от тюрк, сёнгюк) [Антонов, 1971, с. 149]. Надмогильное сооружение якуты называют киси унгуогун эргитиитэ (букв.: окружение (ограждение) человеческих костей). Очевидно, что некогда распространенная традиция трупосожжения у якутов своим происхождением обязана культуре курыкан Прибайкалья. Курыканы в свою очередь, вероятнее всего, переняли эту традицию у своих соседей — енисейских кыргызов, влияние которых в то время было наиболее сильным и доходило до среднего Амура [Савинов, 1973, с. 91–92].

Таким образом, исследованные памятники свидетельствуют, что Верхоянье является одним из древних очагов якутской традиционной культуры, возникшей там, вероятно, задолго до прихода русских. Хотя исследованные нами памятники в большинстве своем предварительно датируются XVIII в., можно допустить, что ввиду природно-климатических условий наиболее распространенной формой захоронения являлся арангасный способ.

Литература и источники

- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1971.
- Бравина Р.И., Попов В.В. Погребения со следами огня у якутов // VI Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Н.Н. Дикова и 50-летию образования СВКНИИ ДВО РАН. — Магадан, 2010. — С. 150–152.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Исторические предания и рассказы якутов. — М.;Л.: Наука, 1960. — Т. 1.
- Кириянов Н.С. Отчет о проведении археологической разведки на территории Верхоянского района РС(Я) в 2010 г. (Саха-французская археолого-этнографическая экспедиция по изучению погребальных обрядов якутов дохристианского периода). — Якутск, 2010.
- Коновалов П.Б. Погребальные сооружения хунну // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск: Наука, 1975. — Т.3: История и культура Востока Азии. — С. 17–46.
- Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века: (По материалам погребений). — Якутск: Якутиздат, 1971.
- Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири. — Л.: Наука, 1975.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талыкинская культура. — Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004.

Окладников А.П. Ленские древности. — Якутск, 1946. — Вып. 2.

Окладников А.П. История Якутии. — Якутск: Якутгосиздат, 1949. — Т. 1: Прошлое Якутия до присоединения к Русскому государству.

Саввин А.А. Сожжение тела шамана (Ойууну убаты): Этнографические заметки. 1940 год, Верхоян-

ский район // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед.хр. 38. Л. 51–52.

Савинов Д.Г. О границах государственности енисейских кыргызов в IX–X вв. // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973. — С. 91–92.

Токарев С.А. Шаманство у якутов в XVII веке // Советская этнография: Сб. ст. — М.; Л., 1939. — С. 88–103.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / Под ред. В.Г. Базанова. — Л.: Наука, 1969.

R.I. Bravina

Funeral monuments of the Yakuts in the Verkhoyanye (XVII–XVIII centuries)

In article are generalized the materials of the Sakha-French archaeological expedition to study the funerary monuments of Yakuts in the Verkhoyanye. We consider the design features of the burial chambers and features of the ritual burials, provides a description of the subjects of the accompanying equipment. Special attention is paid to the cremation and burial with a horse, the origins of which reflects the historical parallels of the burial rites of the ancient population of neighboring territories.

Keywords: Yakuts, the later Middle Ages, Verkhoyanye, funerary monuments, accompanying equipment, pair burials, burial with a horse, an arangasny form of burial, cremation.

УДК 94(470+571)"15/17"

В.Е. Васильев

Запад и Восток в евразийской политике России XVI–XVIII веков: к проблеме присоединения Ленского края

В статье доказывается, что научная концепция «вхождения» Якутии в состав России возникла в эпоху сталинизма и противоречит концепции присоединения Сибири к Русскому государству. В связи с этим автор предлагает пересмотреть периодизацию истории Якутии XVII–XVIII вв. и исправить идеологические ошибки советского периода.

Ключевые слова: Московское царство, Российская империя, Сибирь, Якутия, аборигены, завоевание, колонизация, присоединение, вхождение, ясак.

Сложный вопрос включения Сибири в состав России в российской историографии в целом освещается в отрыве от внешней политики, прежде всего не учитываются западные войны Руси-России, которые она вела за выход к Балтийскому и Черному морям. Это наводит на мысль о том, что историки недостаточно объективно расценивают роль Сибири в становлении Российской державы. Так, Л.Р. Павлинская пишет, что Россия как евразийская держава укрепилась в экологической нише, удобной для земледелия. Московское же царство прирастало Сибирью таким образом, что вновь обретенные земли становились *естественным продолжением* уездов, а коренные жители — *подданными* единого цар-

ства [Павлинская, 2011, с. 166–174]. А.Ю. Бобровский [2011, с. 25–28] идет еще дальше, считая, что в свете концепции освоения Сибири в виде *миграции* русского населения и *экспансии* царизма в том же направлении труды авторов, пишущих о *завоевании* Сибири, свидетельствуют о методологическом кризисе в исторической науке

В целом, наблюдается тенденция умаления колониального прошлого России и выделения роли мирной колонизации Сибири. Основные принципы устройства *кочевых* и *земледельческих* обществ были различными, что привело к распаду Монгольской империи и образованию Русского государства, которое базируется на земледельческой культуре. Однако для многих

окраин Азиатской России *хлебопашество* не играет решающей роли. Одно это уже показывает уязвимость идеи о земледельческой колонизации Сибири.

Иную точку зрения предлагает Л.И. Шерстова [2012, с. 238–241]: после *завоевания* Руси Батыем Московия многое восприняла от монгольской модели правления и использовала этот опыт на Востоке. Тюркские народы, накопившие такой же опыт со времен гуннов до маньчжуров, наладили *диалог* с русскими, и это привело к быстрому объяснению Сибири. Принцип центральноазиатской традиции заключался в *минимальном вмешательстве* государства во внутренние дела данников при *полном подчинении* их господствующему этносу. После падения Джунгарии алтайцы приняли подданство России, чему способствовала и нестабильность русско-китайских отношений до конца XVIII в.

При различии подходов к роли Монгольской империи в истории стран Евразии историки едины во мнении, что в результате нашествия Батыя Русь была включена в состав Золотой орды. После ликвидации ордынского ига народы Сибири *мирно вошли* в состав Московского царства, так как не видели большой разницы в управлении татар и русских. Эта концепция представляется также мало убедительной, ибо русские цари применяли ордынские методы покорения. А они были далеко не мирными. Напомним, что Джунгарское ханство существовало в 1635–1758 гг. и пало под ударом империи Цин [Гатапов, 2008, с. 122]. После разгрома ойратов над тюрками Алтая нависла угроза геноцида со стороны маньчжурских войск, что заставило их принять покровительство России.

Довольно неудачную попытку примирить старые и новые взгляды на историю России мы видим в коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи», в которой утверждается, что процесс *вхождения* Сибири в состав России начался в конце XVI в. и закончился к середине XIX в. В освещении этого вопроса применяются термины «включение», «властное освоение», «интеграция». Авторы предлагают отказаться от идеологических понятий *завоевание*, *покорение*, *присоединение* и *вхождение*. Первый этап *инкорпорации* Сибири рассматривается как курс «собирания земель и укрепления границ национального государства» [Сибирь в составе Российской империи, 2007, с. 13–14, 20, 203].

В книге отчетливо видно стремление ученых завуалировать проблему под иностранными

терминами, но им все же не удалось уйти от политизации российской истории. Интересно, что раньше один из авторов этого труда вполне внятно писал о том, что *присоединение* Сибири привело к *включению* в состав России около 30 коренных народностей [Дамешек, 1983, с. 3]. В духе идеи «собирания земель» России пишет В.В. Алексеев: *освоение* Сибири в основном диктовалось *внутриполитическими* причинами, в том числе устранением угрозы со стороны ханства Кучума. *Присоединение* Восточной Сибири произошло фактически без сопротивления ее народов [Алексеев, 1990, с. 21, 29].

Эта точка зрения противоречит концепции Андреаса Каппелера, по которой экспансия в Сибирь была этапом «собирания земель Золотой Орды», а также продолжением северо-восточного движения Новгорода и Москвы. Термины *завоевание* и *присоединение* применимы в том контексте, что администрация рассматривала Сибирь наравне с Казанским ханством [Каппелер, 2000, с. 31–35]. Экспансия Московского царства на Восток находилась в неразрывной связи с его экспансией на Запад и Юг. Покорение Казани и Астрахани в 1558 г. нашло продолжение в экспансии к Балтийскому морю. В этом направлении внешняя политика России прошла через три северные войны и привела к четырем разделам Польши [Там же, с. 49].

Как видим, постсоветские историки пытаются увязать две противоположные линии, подразумевая под «собиранием земель» мирное «вхождение» Сибири в состав России, тогда как зарубежные историки пишут о наличии восточной экспансии, связанной с западной экспансией Российской державы. При помощи Сибири Россия присоединила западные территории, которые в культурном и экономическом развитии опережали метрополию. Естественно, что и восточная экспансия империи не могла проходить идеально мирно, так как многие коренные жители оказывали чужеземцам ожесточенное сопротивление.

Панорама политической картины Евразии показывает, что Россия не хотела войны с государством Цин и Джунгарией, так как была занята войнами на Западе. Для обзора событий на этом театре военных действий воспользуемся хроникой Б.Г. Пашкова [1997, с. 552–562]. Итак, Иван Грозный методично, с интервалами в два года, начинал военные действия против татар. В 1552 г. он взял Казанское ханство, а в 1554–1556 гг. захватил Астрахань и Поволжье. Укрепив свой азиатский тыл, в 1558 г. царь начал Ливонскую войну, а в 1559 г. совершил поход

на Крым. Однако Ливонская война через 25 лет закончилась поражением от Польши и Швеции. На юге дела также вызывали тревогу. Результаты войн были следующими: нападение турок и татар на Астрахань в 1569 г., сожжение Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г. Страна была деморализована опричниной и не оказала татарам сопротивления.

В 1581–1584 гг. Ермак разгромил Сибирское царство за «Камнем». Но этим приобретением царь не смог воспользоваться, так как в 1582–1584 гг. против Москвы восстали народы Поволжья. На западном фронте в 1581 г. шведы взяли Нарву и Иван-город, а поляки Стефана Батория осадили Псков. На этом фоне поражений в 1584 г. скончался Иван Грозный. В «смутное время» Россия не рисковала воевать с восточными соседями. В 1630 г. ойраты вышли к Волге и захватили русские территории. На это у них были свои аргументы: на юге Западной Сибири русские брали двойной ясак с подданных Джунгарии. Эта ситуация с двоеданцами и спорными землями от Волги до Амура показывает, насколько аморфными были восточные границы Русского государства.

В начале XVII в. положение России было тяжелым. Казна была пуста, и новый царь Михаил Романов обратился к братьям Строгановым с просьбой, чтобы они дали займы государству денег, хлеба и товаров [Там же, с. 300–301]. Обращение царя за помощью к богатым купцам наглядно показывает, кому было выгодно завоевание Сибири. В 1618 г. был заключен Деуленский договор, по которому к Польше отходили смоленские, черниговские, новгород-северские земли с 29 городами. Почти через 70 лет после Ливонской войны Россия вновь начала войны с Польшей (1654–1667 гг.) и Швецией (1656–1658 гг.), но за 13 лет войны она не смогла выйти к Балтийскому морю. Только через 50 лет, в ходе Северной войны 1700–1721 гг. Петр Великий прорубил «окно в Европу».

Таким образом, с начала Ливонской войны до конца Северной войны прошло 163 года, и за этот период Россия провела три войны общей продолжительностью в 59 лет. До начала второй войны с Польшей Россия копила силы за счет ясака из Сибири, создавала новую армию, строила оружейные заводы. Именно в период затишья 1620–1640-х гг. казаки успели дойти до Охотского моря. Такая спешка объясняется острой нуждой пополнения государственной казны. Казачьи атаманы собирали ясак с населения бывшей Монгольской империи, создавая ситуацию многоданства.

С.А. Токарев считал, что первое десятилетие освоения Якутии в 1632–1642 гг. можно назвать *завоеванием*. Тунгусы и саха много раз поднимали восстания, из них крупными были выступления 1634, 1636, 1639–1640, 1642 гг. Тяжелый гнет историк доказывал данными 1682–1683 гг., в которых численность беглых ясачных доходила до 40–70% [Токарев, 1940, с. 63–105]. В начале XVII в. восстания происходили через каждые два-три года и сопровождалась осадой Ленского острога, что исключает стихийность вооруженных выступлений.

На наш взгляд, вопрос о подданстве не решается одним фактом уплаты ясака. Из истории известно, что Рим и Китай часто откупались от нашествий варваров «подарками» и оставались свободными. Вопрос о подданстве сибирских народов нужно рассматривать в связи с *земельными реформами*, введением *православия* и установлением *границы* между Россией и Китаем. Эти процессы завершились в XVIII в. [Васильев, 2011, с. 38–39]. В начале XVII в. вопрос о превращении этносов Сибири в подданных не мог стоять, ибо Россию в это время больше волновало освобождение западных городов от поляков. Походы землепроходцев до Тихого океана можно объяснить стремлением обрести *новых данников* в Азии. Эти походы всецело подчинялись военной стратегии западной политики Московского царства. В то же время начинается сибирская ссылка и пополнение гарнизонов служилыми людьми из числа пленных поляков, шведов и татар. Эта практика на Лене стала ежегодной с 1642 г. [Сафонов, 2010, с. 481, 500].

Вопрос о «вхождении» народов Сибири в состав России выходит за рамки научной проблемы и имеет политическую подоплеку. С научной точки зрения эту проблему нужно рассматривать параллельно с татаро-монгольским игом на Руси. Монгольские ханы облагали русские княжества данью, вручали князьям ярлыки, проводили перепись населения, оберегали ясачных от нападения внешних врагов, а непокорных подавляли силой оружия самих же вассалов. Опыт Орды русские успешно применяли в обложении ясаком, известном на Руси со времен аваров и хазар.

Дань, или ясак, в словаре В. Даля толкуется как «подать покоренного народа победителю» [Даль, 1978, с. 413]. Отсюда следует, что ясак платили побежденные народы. Они могли находиться под двойным игом чужеземцев, а их

положение отражало отношения вассалитета или временного «союза». Применительно к Сибири данный процесс начинается с разгрома ханства Кучума и заканчивается попытками покорения чукчей. Тюркоязычные народы подчинялись Казанскому приказу, а затем — отделению Сибирского приказа, который отделился от Казанского приказа в 1662 г. [Демидова, Раев, 2010, с. 3]. Народы северо-восточной Азии имели одинаковый статус с татарами.

Историк А.С. Зуев [2010а, с. 9–10] пишет, что Русское государство видело в аборигенах Сибири прежде всего податных *чужеземцев*, а затем *иноверцев*. Для сбора дани захватывались заложники. Вождей племен приводили к присяге *шерти*, что, по мнению автора, содержало в себе элементы *договора*. Выплата дани, шертование, аманатство и невмешательство во внутреннюю жизнь зависимых способствовали их относительно *мирному включению* в структуру России. До 2-й половины XVIII в. *иноземцы* Сибири не считались полностью *включенными* в государство.

По мнению А.С. Зуева, *присоединение* Сибири к России представляло собой сложный процесс. Историк приводит в качестве примера ситуацию в Западной и Южной Сибири, где коренные народы платили ясак одновременно русским, джунгарам, кыргызам, телеутам и хотогоятам. В 1630 гг. на Лене, Вилюе и Алдане якутские роды пытались оказать сопротивление русским, но межродовые разногласия обрекли их борьбу на поражение. После разгрома в 1634–1642 гг. непримиримых *тойонов* якуты «признали русскую власть и... даже оказали помощь в покорении других народов» [Зуев, 2010б., с. 693–696].

Исследователь казачества А.С. Чертков пишет, что концепции вхождения в состав России и присоединения Ленского края появились с середины 1950 гг. Так, Г.П. Башарин в 1965 г. озвучил спорный тезис: *присоединение* Якутии к России снимает актуальность темы *завоевания*. В 1987 г. Г.П. Башарин писал уже о *добровольном вхождении* Якутии в состав России. В наше время историки Якутии занимают двойственную позицию, хотя в академических трудах этот процесс давно расценивается как *присоединение* Сибири [Чертков, 2012, с. 40–51, 76, 88–89]. Российское государство, как пишет автор, стремилось к *завоеванию* ресурсных территорий, новых рынков, обретению ясачных объектов. Ученым предстоит еще прояснить этапы *легитимизации прав* феодального

государства на приведение к подданству новой «вотчины». При этом *шертование* нельзя приравнивать к равноправному договору [Там же, с. 83–92, 98–99].

Мы согласны с мнением автора о том, что *шертование* или приведение к покорности очень далеко от юридического договора не только по форме, но и по смыслу. Разбор средневековых источников не входит в нашу задачу, поэтому ограничимся общеизвестным фактом. Под страшной клятвой якутские князцы обещали, что они не будут убивать русских промысловиков и восставать против казаков, не будут убегать к монголам, бурятам, маньчжурам и воевать в союзе с ними против русских. Такую клятву могли давать побежденные враги. Эта тема в советское время умалчивалась под угрозой обвинения в национализме.

Здесь следует добавить еще один факт: идея о *добровольном вхождении* Якутии в состав России с новой силой зазвучала в 1986 г., когда партия развернула активную борьбу против «национализма» среди якутских студентов. Автор этих строк помнит семинар по истории колонизации Средней Азии, где проф. Г.П. Башарин заявил: «Я глубоко убежден, что не только Якутия и Сибирь, но и весь Казахстан, Средняя Азия и Кавказ присоединились к России добровольно». В те годы некоторые идеологи открыто говорили об опасности появления «якутского фашизма».

Изучая предысторию возникновения концепции «вхождения» Якутии в состав России, можно найти и более ранние источники. Еще в 1949 г. А.П. Окладников на страницах «Советской этнографии» разоблачал «буржуазно-националистические» легенды о Тыгыне. По его словам, этот «деспот» жил в эпоху «кровавых битв и междоусобиц», когда Якутия еще не *вошла* в состав России [Окладников, 1949, с. 101–115, 118].

В Архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), в фонде этнографа А.А. Попова, хранятся два письма директора ИЯЛИИ ЯФ АН СССР З.В. Гоголева. Они отправлены в 1952 г. и имеют приложение — докладную записку Г.П. Башарина «С.И. Боло, собранные им легенды и предания» объемом в 62 листа. Согласно этому документу, «буржуазно-националистические» предания, собранные С.И. Боло, извращают историю и идеализируют Тыгына, который выступал против *присоединения* Якутии к России. В них идеализируется царская Якутия вместо Советской Якутии, *вошедшей* в состав Великого

Советского Союза [Попов, 1952, л. 20]. Автор записки утверждал, что С.И. Боло призывает собирать легенды о борьбе якутов против всех племен и народов, в том числе и против русских. Этот «тойонский фольклорист» клеветает на таких «патриотов России», как Ермак, Иван Грозный и Петр Первый, называя всех их «завоевателями», и выступает против «нерушимой Сталинской дружбы народов» [Там же, с. 29, 31].

Таким образом, эти материалы могут свидетельствовать о том, что идею о *вхождении* Якутии в состав России впервые высказал А.П. Окладников в 1949 г. Спустя три года схожая идея проскользнула в докладной записке Г.П. Башарина, правда, относительно Якутской АССР, вошедшей в состав СССР. Однако ни один из них не осмелился обратить взор на запад, где после войны начали массовую депортацию нерусских народов — «изменников» Родины.

По сути, сама идея о «добровольном вхождении» всех народов в состав Советского Союза была призвана оправдать курс жесткой национальной политики. Неслучайно эта идеология сначала охватила Украину, а на другом конце — Якутию, связав их узлом «сталинской дружбы». Разница только в том, что на западе страны жили репрессированные народы, а на востоке строили для них лагеря ГУЛАГа. Восточная Сибирь снова превратилась в «тюрьму народов», а заодно и в основного поставщика золотых запасов державы.

Все эти исторические нюансы должны учитываться при составлении новой «Истории Якутии». Иначе якутская историография останется на уровне наследия 50-х гг. XX в., практически сохраняя идеологическую основу периода сталинской диктатуры. Совершенно очевидно, что в истории Якутии необходима новая периодизация, отражающая этапы покорения и обложения данью Ленского края, а также постепенного привлечения ясачного населения в культурное и юридическое пространство империи с конечной целью превратить их в подданных Российской империи.

Литература и источники

Алексеев В.В. Освоение Сибири: исторический опыт и современность. — Свердловск: Ин-т истории и археологии УрО АН СССР, 1990. — 34 с.

Бобровский А.Ю. «Завоевание» или «присоединение»? (о способе решения важной проблемы истории Сибири) // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. — СПб.: МАЭ РАН, 2011. — С. 25–34.

Васильев В.Е. «Вхождение» Якутии в состав России и периодизация истории XVII в. (постановка проблемы) // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии... — С. 35–39.

Гатапов А.С. Джунгарское ханство (1635–1758) // Энциклопедический справочник. — Улан-Удэ, 2008. — С. 122–124.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А–З. — М.: Русский язык, 1978. — 699 с.

Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX века. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. — 136 с.

Демидова Н.Ф., Раев Д.В. Казанский приказ // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К–Р. — Новосибирск, 2010. — С. 3.

Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А — И. — Новосибирск, 2010а. — С. 9–14.

Зуев А.С. Присоединение Сибири к России // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К — Р. — Новосибирск, 2010б. — С. 693–698.

Каппелер Андреас. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад / перевод с нем.: С. Чевонная. — М.: Прогресс — Традиция, 2000. — 344 с.

Окладников А.П. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (легенды о Тыгыне и историческая действительность) // Советская этнография. — 1949. — № 2. — С. 101–118.

Павлинская Л.Р. Некоторые особенности формирования Российской империи // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии... — С. 163–175.

Пашков Б.Г. Русь — Россия — Российская империя: Хроника правлений и событий 862–1917 гг. 2-е изд. Учебное пособие. — М.: ЦентрКом, 1997. — 640 с.

Попов А.А. Полевые материалы и научные труды. 1952 г. (Там же см. Приложение: Г.П. Башарин. С.И. Боло, собранные им легенды и предания. 1952 г.) // Архив МАЭ РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 173. 62 л.

Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке // История Северо-Восточной Азии: XVII — начало XX в. Избранные труды. — Новосибирск: Наука, 2010. — С. 450–531.

Сибирь в составе Российской империи / авт. колл. Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, А.В. Ремнев и др. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с.

Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. — М.: Соцэкгиз, 1940. — 248 с.

Чертков А.С. Присоединение Северо-Востока Азии к Русскому государству. Историографическая традиция институциональных трансформаций. — М.: Алмазы и золото, 2012. — 123 с.

Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI–XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: Мат. Междунар. научной конференции. — Барнаул: АлтГПА, 2012. — С. 238–245.

V.E. Vasilyev

The West and the East in the Eurasian politics of Russia in XVI—XVIII centuries: to the problem of joining Lensky edge

The author of article proves that the theory of «occurrence» of Yakutia in structure of Russia arose during the epoch of Stalinism and contradicts the concept of accession of Siberia in structure of the Russian state. In this regard it is necessary to reconsider a periodization of history of Yakutia in the XVII—XVIII centuries and to correct ideological errors of the Soviet period.

Keywords: Moscow kingdom, Russian Empire, Siberia, Yakutia, natives, gain, colonization, accession, occurrence, yasak.

УДК 94(571.56)"18/19"

Э.М. Яковлев

Из истории банковского* дела в Якутии. 1883—1919 гг.

В статье рассматривается начальная история возникновения и становления банковского дела с 1883 по 1919 г. В мероприятиях, обеспечивших развитие банковского дела в рассматриваемый период, автор выделяет открытие Якутской городской сберегательной кассы при областном казначействе в 1883 г., основание в 1910 г. Якутского отделения Русско-Азиатского банка и «Якутского городского банка имени Н. Д. Эверстова (Сэрбэкэ)» в 1911 г. и начало деятельности Якутского отделения Государственного банка России в 1917 г. Подчеркивается вклад купцов Якутской области в этот процесс.

Ключевые слова: банковское дело, банковские учреждения, областное казначейство, ссуды под векселя, Русско-Азиатский банк, ссудо-сберегательные кассы, общественный городской банк, Якутское отделение Государственного банка России.

Банковское дело Республики Саха (Якутия) в настоящее время представляет собой двухуровневую систему: Национальный банк Республики Саха (Якутия) Центрального банка Российской Федерации и сеть коммерческих учреждений республики. Банковское дело Якутии имеет свою историю возникновения, становления и функционирования.

Отдельные вопросы, связанные с данной темой, освещали исследователи З.В. Гоголев [1970]; В.И. Федоров [2002а, б]; В.П. Захаров [2002]; Н.И. Бурнашова [2011].

В 2007 г. вышла в свет работа, конкретно посвященная данной теме, — статья С.И. Бояковой, В.П. Захарова «Финансово-кредитные учреждения г. Якутска», охватывающая большой промежуток времени — с 1897 г. по 90-е гг. XX в. В ней содержатся сведения о финансово-кредитной системе в Якутской области в конце XIX — начале XX в., о появлении первых банков в дореволюционной Якутии.

Автор предлагаемой статьи сделал попытку осветить только начальный период становления банковского дела в Якутской области в

1883—1919 гг. в основном по документам НА РС(Я), но более подробно.

Выбор хронологических рамок обусловлен следующим: во-первых, в 80—90-е гг. XIX в. развитие рыночных отношений в Якутии шло по восходящей линии, в это время возникла необходимость обслуживания денежных отношений на цивилизованном уровне; во-вторых, в 1917—1919 гг. XX в. на просторах Российской империи, в том числе и в Якутской области, происходит крутая ломка политической и экономической жизни, на смену царской власти пришла советская власть, в конечном счете, все это отразилось и в сфере функционирования банковского дела в Якутии.

Основу данной статьи составили архивные документы Национального архива Республики Саха (Якутия). Для освещения начальной истории развития банковского дела в основном использованы фонды: 12-и «Якутское областное правление», 165-и «Якутская городская управа», 411-и «Якутская городская сберегательная касса», 412-и «Якутский городской общественный банк Н.Д. Эверстова», 413-и «Якутское отделение

* До 1920 г. по архивным документам проходит слово «банковое», «банковый», «банковая», «банковые».

ние Русско-Азиатского банка», 576-и «Якутский инспектор мелкого кредита». Ежегодные отчеты (начиная с 1912 г. по 1920 г.) Якутского городского общественного банка Н.Д. Эверстова дают полное представление об их деятельности, структуре штата. Следует также отметить, что в материалах по Якутскому отделению Русско-Азиатского банка отражается специфика работы банка в Якутске.

В Якутской области в конце XIX в., с одной стороны, шел процесс развития товарно-денежных отношений, рост торгового оборота якутского купечества; с другой — в связи с отсутствием специализированных банковских учреждений, аккумулирующих денежные средства, предоставляющих ссудный кредит, производящих денежные и другие необходимые операции, товаровладельцы, купцы, предприниматели вынуждены были заниматься простым и прямым товарно-денежным обращением, накапливая значительные денежные средства в «кубышках», что приводило к сокращению оборота капитала и в конечном счете к его замораживанию [Федоров, 2002б, с. 131; Захаров, 2002, с. 46; Боякова, Захаров, 2007, с. 187–197; Бурнашова, 2011, с. 109–129].

В Якутской области до возникновения банковского дела все финансовые операции проводились областным казначейством, открытие которого состоялось 1 августа 1784 г. Оно занималось учетом прихода и расхода податей, поступлением денег и их распределением¹. Осенью 1883 г. в Якутске по предписанию вышестоящих властей начались организационные работы по банковскому делу. Якутская городская дума на заседании 15 ноября 1883 г. избрала членов совета Якутской городской сберегательной кассы № 142 при областном казначействе в составе: протоиерея Петра Суворова, дворянина Федота Астраханцева, чиновника Андрея Антипина и купца Николая Бережного. Начались организационные работы членов комиссии совета Якутской сберегательной кассы № 142 при областном казначействе. Кассиром кассы был утвержден коллежский ассессор Николай Лебедев, а бухгалтером — канцелярский служащий Василий Сучковский, и 22 января

1884 г. сберегательная касса № 142 Государственного банка России при Якутском областном казначействе начала производить первые банковские операции: прием и выдачу денег вкладчикам, продажу 5%-ных билетов 1-го и 2-го выпуска Государственного банка России. Денежные вклады от юридических лиц принимались под 4% годовых².

В 1890 г. городская сберегательная касса № 142 полностью была переведена в подчинение Якутского областного казначейства, а 1 января 1897 г. областное казначейство получило право произвести некоторые банковские операции: размен денег, покупку и продажу ценных бумаг, оплату купонов и т.д.³ Областное казначейство активно включилось в осуществление своих новых обязанностей. В 1897 г. банковские операции оно произвело на сумму 3898000 руб., в 1900 г. — 5029000, в 1919 г. — 65214218,08 руб.⁴

Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, расширение экономических связей Якутской области с центральными губерниями и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, рост торгового оборота местного купечества все явственней ставили на повестку дня необходимость создания собственных банковских учреждений в крае. Вопрос об учреждении городского общественного банка г. Якутска возникал еще в 70-х годах XIX в., но не был претворен в жизнь из-за отсутствия свободных капиталов⁵. В 1905 г. головой г. Якутска был избран очень деятельный купец II гильдии Павел Андреевич Юшманов, он стал главным инициатором открытия коммерческого банка в Якутии, в частности в г. Якутске. Городские власти во главе с П. Юшмановым начали кампанию по открытию общественного банка. Якутская городская дума 20 июня 1907 г. рассмотрела вопрос об учреждении банка и создала специальную комиссию для обстоятельного изучения данной проблемы. Членами комиссии были избраны гласные: Ф.А. Орлов, Н.А. Аверинский и Г.В. Никифоров (Манньяттаах уола)⁶. Выяснилось, что члены комиссии к учреждению городского общественного банка относятся отрицательно. Они высказали мнение,

¹ НА РС(Я). Ф. 357. Оп. 9. Д. 178. Л. 3.

² Там же. Ф. 411-и. Оп. 1. Д. 2-3, 1314об., 15, 16-18об., 20, 26об., 3030об., 29, 41, 43, 44об., 48; Д. 31. Л. 1, 71; Д. 59. Л. 4, 15, 15об.

³ Там же. Ф. 349-и. Оп. 2. Д. 817. Л. 2, 7-7об., 12.

⁴ Там же. Д. 1065. Л. 3об., 4об.; Ф. 305. Оп. 1. Д. 63. Л. 1об.

⁵ Там же. Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 2350. Л. 61об.

⁶ Там же. Л. 36, 36об.

что город не располагает достаточными свободными средствами для реализации данного проекта, что подобного рода общественные учреждения не пользуются в настоящее время доверием общества и что «...нельзя рассчитывать на взносы в банк денег частными лицами, так как вследствие постоянного падения курса повышается процент, почему выгоднее становится пускать капитал в частные предприятия...»⁷. В итоге городская дума признала открытие общественного банка невозможным, но сознавая необходимость иметь в городе кредитное учреждение, поручила городской управе выйти с письмом на губернатора, чтобы он «...возбудил ходатайство об открытии в городе отделения Русско-Китайского или какого-либо коммерческого банка, а в крайнем случае — отделения Государственного банка»⁸. Управляющий Государственным банком России в своем отношении якутскому губернатору от 10 декабря писал: «...открытие отделения в Якутске с разрешением учетной вексельной операции при несомненном недостатке материала, отвечающего требованиям банка, не оправдало бы даже расходов на содержание отделения банка; между тем вексельная операция служит повсеместно главнейшим источником, каким Государственный банк покрывает свои расходы. Наряду с сим следует отметить, что в империи существует еще много городов, кои по своему торговому значению ощущают более настоятельную потребность в открытии учреждений Государственного банка, чем г. Якутск. По сим соображениям открытие отделения Государственного банка в г. Якутске следует признать преждевременным»⁹. Таким образом, ходатайство общественности Якутской области об открытии местного отделения Госбанка не было удовлетворено.

С 1909 г. комиссия по разработке вопроса об открытии кредитного учреждения в г. Якутске под председательством городского головы Павла Юшманова возобновляет работу. При этом ему в этом вопросе удалось заручиться действенной поддержкой губернатора И.И. Крафта, который, в свою очередь, начал лоббирование данной проблемы в высших кругах россий-

ской власти¹⁰. Все это, наверное, наконец-то вызвало определенную положительную реакцию высших властей. Так, представитель Русско-Китайского банка Я.Д. Фризер, находящийся в с. Витим, 17 марта 1909 г. обратился к городскому голове П.А. Юшманову: «По инициативе Иркутского отделения Русско-Китайского банка, являющегося центральным для Восточно-Сибирской группы отделений этого банка, в г. Якутске намечается открытие отделения. Для осуществления этого плана, понятно, необходим обоснованный материал о торговой и промышленной деятельности города и его округа. Составление доклада и записки по этому вопросу возложено на меня как члена учетного комитета Иркутского отделения банка. Со своей стороны позволяю себе обратиться к Вам, Павел Андреевич, как к известному общественному деятелю и знатоку района, не отказать сообщить ответы на прилагаемые при сем вопросы, а также Ваше заключение о желательности открытия в г. Якутске отделения банка и насколько назрела в этом в данное время потребность»¹¹. Здесь уместно заметить, что в это время в г. Якутске общественное мнение разделилось на сторонников открытия частного (общественного городского либо другого коммерческого) банка во главе с Павлом Юшмановым и сторонников открытия Якутского отделения Государственного банка России, среди которых самым активным был губернский секретарь Ф.А. Орлов.

Павел Юшманов, как наиболее активный сторонник открытия частного банка, оперативно представил требуемую информацию представителю Русско-Китайского банка Я.Д. Фризеру по предложенному им плану¹². В то же время отдел местных учреждений Государственного банка России своим отношением от 30 апреля 1909 г. якутскому губернатору уведомляет: «Министр финансов не встретил возражений к открытию, согласно постановлению Совета Государственного банка в виде опыта на один год в г. Якутске временного, на период ярмарки с 15 июня по 15 августа, отделения Государственного банка при условии обеспечения со стороны города соответственного поме-

⁷ Там же. Л. 38-39 об.

⁸ Там же. Л. 42-43 об.

⁹ Там же. Л. 71, 71 об.

¹⁰ Там же. Л. 119-135.

¹¹ Там же. Л. 137, 137 об.

¹² Там же. Л. 108-110, 113-116, 129-135 об., 140-145.

щения и охраны ценностей на месте. Время открытия приурочивает к будущему 1910 г.»¹³. Нам пока не удалось обнаружить сведений в документах Национального архива о временной деятельности отделения Государственного банка России, но, как отмечают исследователи С.И. Боякова, В.П. Захаров [2007, с. 190], «...летом 1909 г. до открытия отделения Русско-Китайского банка в Якутске во время ярмарки уже функционировал временный филиал Бодойбинского отделения Государственного банка» [Боякова, Захаров, 2007, с. 190].

Как пишет В.И. Федоров [2002а, с. 115]: «Переломным в деле создания банковских учреждений оказался 1910 г., когда было основано отделение Русско-Китайского банка, в том же году слившегося с Русско-Азиатским банком (РАБ). Якутское отделение этого банка развернуло широкую работу. Клиенты его были известные не только в Якутии, но и за ее пределами купцы, предприниматели, судовладельцы. Через год, т.е. к 1 января 1912 г., активы Якутского отделения РАБ составляли 574 тыс. руб., в 1914 г. — 877, в 1916 г. — 1791 тыс. руб.; в 1911 г. Якутское отделение Русско-Азиатского банка выдало кредиты 24 купцам средней состоятельности, по 10–15 тыс. руб. каждому. Кроме того, ссуду получили С.Н. Барашкова — 30 тыс. руб., Никифоров — 75 тыс. руб., наследники А.И. Громовой и Кушнарева — по 100000 руб.». Директором Якутского отделения Русско-Азиатского банка был назначен М.Р. Моргулец. Открытие в Якутске отделения данного коммерческого банка позволило местному купечеству значительно упростить проведение торговых операций. Так, если ранее закупаемый в Китае кирпичный чай основные его поставщики на рынке области фирмы «С.В. Литвинов и К» и «Молчанов, Печатнов и К» производили оплату через московские банки в иностранной валюте, то теперь они получили возможность напрямую осуществлять свои платежи в рублях через отделение Русско-Азиатского банка в Ханькоу, аналогичным образом стали выполняться коммерческие операции с пушниной [Боякова, Захаров, 2007, с. 188]. Среди направлений деятельности отделения данного коммерческого банка можно выделить следующие: кредитование фирм и частных лиц, аккумулярование средств населения, денежные переводы, учет векселей, ссуды под векселя, товары и

товарные документы и т. п. За свои услуги банк брал 5% годовых, а за предоставленные кредиты взималось 8–12% годовых. Пользоваться услугами отделения могли только крупные предприниматели, торговый оборот которых в несколько раз превышал объем предоставленной ссуды. В течение 1916 г. Русско-Азиатским банком было выдано под залог товаров кредитов на 585 тыс. руб.; получено в счет погашения кредитов 582 тыс. руб.; выдано под залог ценных бумаг 48 тыс. руб.; на счетах по долгосрочным вкладам имелось 1500 тыс. руб.; по срочным вкладам — 177 тыс. руб. Банковская прибыль за 1917 г. составила 33 тыс. руб. [Энциклопедия..., 2007, с. 196]. Якутское отделение данного банка, являлось существенным рычагом перераспределения денежных средств между вкладчиками и дебиторами, способствовало проникновению и развитию капиталистических отношений в крае, становлению и утверждению рыночных связей, концентрации торгового капитала в руках крупных купцов, что, в конечном счете, снижало действительное влияние на развитие кредитных учреждений в области, поэтому вопрос о необходимости открытия частного городского или отделения Госбанка России не снимался с повестки дня¹⁴.

Наконец, в 1910 г. был решен вопрос с учреждением долгожданного общественного городского банка. Так, в апреле 1910 г. Якутская городская дума получила письмо из Москвы от купца I гильдии Н.Д. Эверстова (Сэрбэкэ), в котором он предложил выделить из собственных средств 50 тыс. руб. в качестве уставного капитала городского общественного банка, при этом особо оговорил ряд требований: например, новый банк должен именоваться «Якутским городским банком имени Н.Д. Эверстова». Прибыв на родину в июле того же года, Николай Эверстов подтвердил ранее принятые обязательства, представив в городскую управу свидетельства 4%-й государственной ренты на 60 тыс. руб., обязавшись заменить ее наличными деньгами сразу же после утверждения устава банка. Все это позволило губернатору И.И. Крафту выйти с ходатайством об открытии банка в вышестоящие органы. 2 декабря 1910 г. вышло распоряжение министра финансов В.Н. Коковцева об учреждении в г. Якутске городского общественного банка. Основным капитал банка определялся в 50 тыс. руб., по-

¹³ Там же. Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 2618. Л. 1-2.

¹⁴ НА РС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 2350. Л. 155, 155 об.

жертвованных Н.Д. Эверстовым, вследствие чего банку присваивалось наименование «Якутский городской общественный Н.Д. Эверстова банк». Из чистых годовых прибылей от операций банка ежегодно должны были отделяться 20% на составление запасного капитала банка, по достижению этим капиталом суммы, равной 1/3 части основного капитала, значащегося по последнему балансу банка, откладывать уже по 10% в год до тех пор, пока запасной капитал не достигнет половины основного. После чего 20% из прибыли должны были отчисляться на увеличение основного капитала, и 10% предписывалось направить на награды членам правления и другим служащим банка. Оставшаяся сумма чистой прибыли, по желанию Н.Д. Эверстова, должна была поступать в особый фонд на возведение здания дома призрения до достижения суммы в 25 тыс. руб., после чего денежные средства могли расходоваться уже на содержание этого дома¹⁵.

В фонде Якутской городской управы Национального архива отложился послужной список якутского I гильдии купца, коммерции советника Н.Д. Эверстова (Сэрбэкэ), составленный в августе 1911 г. Итак, что можно сказать о первом банкире из уроженцев Якутской области. В то время ему было 83 года. С января 1860 г. проходит как купец III гильдии. В 1888 г. вступил в I гильдию. В 1909 г. пожалован званием коммерции советника за особые заслуги в распространении торговли и промышленности. Эверстов избирался гласным городской думы, состоял директором Якутского попечительного о тюрьмах комитета. Дважды получал благословение от Священного синода за пожертвования Градоякутской Предтеченской церкви, за заслуги по духовному ведомству в декабре 1881 г. награжден серебряной медалью на Станиславской ленте. Николай Эверстов был блюстителем Якутской духовной семинарии, членом попечительского совета Якутской женской прогимназии, исполнял должность якутского купеческого старосты. За неоднократные пожертвования на нужды прогимназии и улучшение содержания заключенных имел благодарности от графа Игнатьева, в

1894 г. награжден серебряной медалью на Аннинской ленте для ношения на шее. Имеет детей: Петра (1857 г. рожд.), Ивана (1876 г. рожд.), при Н.Д. Эверстове находились родственники: невестка Анна — жена, умершего сына Василия, внуки (дети умершего сына Василия): Николай, Захарий, Мария, Ефимия, Софья, Анна и Ия¹⁶. Николаю Дмитриевичу Эверстову в ноябре 1911 г. было присвоено звание почетного гражданина г. Якутска за содействие развитию промышленности в городе пожертвованием 50 тыс. руб. на учреждение городского общественного банка¹⁷. После смерти, в 1916 г., Н. Эверстов оставил своим наследникам большое состояние, оценивавшееся в 953912 руб. 96 коп. Оно было разделено между двумя сыновьями, Петром и Иваном Эверстовыми — по 317970 руб. 98 коп. каждому, а оставшаяся часть наследства, выражавшаяся в такой же сумме, поделена поровну между четырьмя внуками и их опекуном А.И. Поповым. Большая часть наследства Н.Д. Эверстова находилась в двух банках — Иркутском отделении Сибирского торгового банка (400 тыс. руб.) и Якутском отделении Русско-Азиатского банка (200 тыс. руб.)¹⁸.

10 марта 1911 г. Якутская городская дума избрала состав правления общественного банка на ближайшие четыре года. Директором был избран гласный думы И.Н. Эверстов (сын купца Н. Эверстова-Сэрбэкэ), почетным блюстителем банка был утвержден Н.Д. Эверстов. Якутский городской общественный банк приступил к работе в марте 1911 г. в составе директора И.Н. Эверстова, товарищей (заместителей) директора В.И. Попова, Д.Д. Климовского и бухгалтера Е.М. Мезенцевой¹⁹.

Общественный городской банк активно включился в финансово-кредитную деятельность области. За 1912 г. банк имел коммерческую прибыль в сумме 8202 р. 11 коп.²⁰, но комиссия по ревизии деятельности городского общественного банка за 1912 г. посчитала своим долгом указать «...на затруднительность условий для работы Якутского городского общественного банка и вытекающую из этого необходимость изменения этих условий. Не имея ни одного отделения Государственного банка,

¹⁵ Там же. Л. 159-160, 162-202.

¹⁶ Там же. Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 2565. Л. 8-17.

¹⁷ Там же. Л. 47.

¹⁸ Там же. Ф. 413-и. Оп. 2. Д. 10. Л. 12-13.

¹⁹ Там же. Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 2350. Л. 229, 229 об., 243.

²⁰ Там же. Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 7541. Л. 6.

Якутская область, а вместе с ней и г. Якутск, весьма понятно, особенно нуждаются в солидном кредитном учреждении общественного характера, интересы которого были бы тесно связаны с интересами населения. На всю область имеются два банка: отделение Русско-Азиатского и Якутский городской Н.Д. Эверстова. Капиталы последнего вместе с суммами, которыми банк может располагать теперь (вкладами на срок и на текущий счет) не превышает 100 тыс. руб., и поэтому говорить о значении этого банка как рычага для подъема экономической жизни в крае не приходится. Таким образом, почти все банковое дело в области сосредоточено в руках Русско-Азиатского банка, являющегося монополистом. Увеличение процентов по ссудам под учет векселей в Русско-Азиатском банке (например, по ссудам от 3 до 6 месяцев с 8 до $8\frac{1}{2}$), от которого край ничем не гарантирован и в дальнейшем, служит ярким доказательством сознания выгоды своего положения. По разумению комиссии, государство обязано прийти на помощь Якутской области, если не открытием отделения Государственного банка, то увеличением капиталов Якутского общественного банка, путем переучета векселей в Якутском казначействе из льготных процентов или иным способом, какой будет признан удобным, и Якутской городской думе необходимо возбудить об этом ходатайство. Только по удовлетворении такого ходатайства городской банк сможет оправдать вполне возлагаемые на него надежды; в противном случае он будет обречен на долгое время играть роль учреждения мелкого кредита, так как ждать притока больших кредитов неоткуда»²¹. Надо заметить, несмотря на трудные финансово-экономические условия, новый общественный городской банк продолжил свою деятельность. Если в 1914 г. он имел в своем активе 136833 руб.88 коп., то в 1917 г. — уже 171917 руб.44 коп., т. е. активы выросли за эти годы на 25,6%²². Судя по отчету банка за 1915 г. основными клиентами банка являлись торговцы, промышленники и ремесленники, которые в силу значительной вовлеченности в рыночные отношения больше всех нуждались в финансово-кредитных операциях. Клиенты общественного городско-

го банка по векселям, по роду занятий разделились²³ (таблица)

Клиенты по роду занятий	Число лиц	Сумма кредитов, руб.	Задолженность клиентов, руб.
Торговцы,	75	234 900	85580
Промышленники и ремесленники	4	2000	1050
Сельские хозяева	1	2000	2000
Домовладельцы			
Итого	80	238900	88630

Деятельность общественного городского банка была ориентирована на внутренний рынок области. Таким образом, появилось больше возможности получить банковский кредит в более солидных размерах и у предпринимателей среднего достатка.

В Якутской области также действовали ссудно-сберегательные кассы. Однако из-за ограниченности финансовых возможностей клиентов большая часть выданных ссуд оседала в долгах. Отсюда — низкая оборачиваемость капитала и довольно умеренный рост активов этих касс. На июнь 1901 г. по Якутскому округу должниками числились 158 человек. С 1883 г. по июль 1900 г. ими получено 11989 руб. 50 коп., а уплачено 4042 руб. 56 коп., задолженность клиентов в пользу ссудной кассы составляла 7946 руб. 94 коп. Денежные средства касс по округам были незначительны [Федоров, 2002а, с. 117, 118]. В 1916 г. в Якутской области было 19 сберегательных касс с общей суммой вкладов на 950 тыс. руб. [Национальный архив, 2007, с. 119]. Государственная сберкасса № 142 при казначействе Якутской области на 1 января 1917 г. имела по дебету 931146 руб. 52 коп., по кредиту — такую же сумму, на счетах вкладчиков в центральных кассах было 690640 руб. 22 коп., в ценных бумагах — 770750 руб.²⁴

Призывы якутских властей к увеличению роли государства в развитии банковского дела в области все же были услышаны. Ревизор Филатов, командированный в Якутию весной 1914 г. центральным комитетом по делам мелкого кредита, доложил своему начальству о необходимости учреждения мелкого кредита в Якутской области, а в декабре того же года ру-

²¹ Там же. Ф. 412-и. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 2, 2 лоб.

²² Там же. Д. 65. Л. 1, 4-5.

²³ Там же. Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 11410. Л. 13 об.

²⁴ НА РС(Я). Ф. 411-и. Оп. 1. Д. 433. Л. 11; Д. 587. Л. 13, 37, 39.

ководство Государственного банка России начало принимать первые реальные шаги по учреждению своего отделения в окраинном уголке империи. 10 сентября 1914 г. инспектором по делам мелкого кредита в области при Иркутском отделении Государственного банка был назначен делопроизводитель Якутской областной администрации Петр Степанович Попов, коллежский асессор, окончивший в 1898 г. Якутскую духовную семинарию²⁵. Наконец, в июле 1915 г. в Якутск прибыл управляющий Бодайбинским отделением Государственного банка России И.Я. Ярыгин с целью изучения на месте вопроса о целесообразности открытия местного отделения Госбанка. В ходе ознакомления Ярыгин был поражен дороговизной кредита в области и уехал с твердым намерением немедленно ходатайствовать перед руководством Государственного банка об открытии в области отделения Государственного банка. Однако нестабильная политическая ситуация, экономическая разруха, затем Февральская революция затормозили процесс развития банковского дела в Якутской области. «Лишь в августе 1917 г. Государственный банк России принял постановление об открытии в Якутске своего отделения. Управляющим вновь организованного отделения был назначен бывший управляющий Бугурусланским отделением Госбанка. А.А. Златоустовский. Кроме него, в отделении числилось 13 человек. К подбору кадров Госбанк подошел очень внимательно. Ведущие специалисты были переведены из других региональных отделений. В то же время в банке работали два местных уроженца: из Благовещенского отделения был переведен помощник кассира 1-го разряда М.К. Идельгин... и помощник бухгалтера Г.А. Попов, бывший преподаватель Якутского епархиального женского училища, выпускник Казанской духовной семинарии...» [Боякова, Захаров, 2007, с. 190].

После свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков адмирал Колчак объявил себя Верховным правителем Сибири со столицей в г. Омске. Якутское отделение было подчинено Омскому управлению Государственного банка. В банковском деле Временное Сибирское правительство придержива-

лось принципов работы имперской России. В Якутии блок объединенной демократии во главе с эсером В.Н. Соловьевым и лидером якутской национальной либеральной интеллигенции В.В. Никифоровым отказался признать власть большевиков. Деятельность банков продолжалась в старом режиме. Например, согласно отчету Якутского городского общественного банка за 1918 г., его основной капитал составил на конец года 52931 руб. 62 коп., запасный — 3190 руб. 24 коп., специальный — на постройку здания дома призрения — 7538 руб. 41 коп. На срочных вкладах находилось 33325 руб., на текущих счетах — 31233 руб. 73 коп., а Якутское отделение Госбанка 19 марта 1919 г. предоставило кредит областному земству на номинальную сумму 45 600 руб.²⁶

На основе вышеизложенного в заключение можно сказать, что первые банковские операции зародились в недрах Якутского областного казначейства, а к концу 1919 г. (к установлению советской власти) банковское дело в Якутской области было представлено 3 банками: Якутским отделением Государственного банка России, Якутским отделением Русско-Азиатского банка и «Якутским городским общественным Н.Д. Эверстова банком», областным казначейством и несколькими ссудо-сберегательными кассами.

Литература

- Боякова С.И., Захаров В.П. Финансово-кредитные учреждения г. Якутска // Город Якутск.: история, культура, фольклор. — Якутск, 2007. — С. 190.
- Бурнашова Н.И. Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980-е гг.) — М., 2011. — С. 109–129.
- Захаров В.П. Якутск — центр формирования финансово-кредитной системы областного рынка // Якутск: история и современность (К 370-летию города Якутска). — 2002. — С. 46.
- Национальный архив Республики Саха (Якутия). Путеводитель в 2 ч. Ч.1. — Якутск, 2007 — С. 119.
- Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919 гг.). Кн. I. — Якутск, 2002а. — С. 131.
- Федоров В.И. Якутия в начале XX в. (1900 — февраль 1917 г.) Социально-экономические отношения. — Новосибирск, 2002б. — С. 115.
- Энциклопедия Якутии. Ч. I. — М., 2002. — С. 190.

²⁵ Там же. Ф. 303. Оп. 1. Д. 150. Л. 1, 1об., 8 об.

²⁶ НА РС(Я). Ф. 421-и. Оп. 1. Д. 73. Л. 1-12; Ф. 24. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

E.M. Yakovlev

From the banking history in Yakutia. 1883–1919

The initial history of emergence and banking formation from 1883 to 1919 is considered. In the actions which have provided development of banking during the considered period, the author allocates opening of the Yakut city savings bank at regional treasury in 1883, the basis in 1910. The Yakut office of Russian-Asian bank and «The Yakut city bank of a name of N. D. Everstov (Serbeke)» in 1911 and the beginning of activity of the Yakut office of the State bank of Russia in 1917. The contribution of merchants of the Yakut area to this process is emphasized.

Keywords: banking, banking institutions, the State bank of Russia, regional treasury, crediting of firms and individuals, money transfers, the accounting of bills, loans under bills, Russian-Asian bank, loan-and-savings cash desks, public city bank.

УДК 316.4.063.34(091)"195/198"

Н.И. Бурнашева,

**Проблемы развития кооперации Якутии
в исторических исследованиях 50–80-х годов XX века**

Статья посвящена вопросу изучения истории кооперации и кооперативного движения Якутии. Интерес исследователей к проблемам кооперации возрос в период политической «оттепели» в СССР. Работы, появившиеся в последующие годы, были основаны на богатом документальном архивном материале. Исследователи впервые представили оценку событий исторического прошлого, попытались осмыслить место и роль кооперации в социалистической экономике.

Ключевые слова: история, история Якутии, история Сибири, история экономики, кооперация, историография, кооперативное движение, кооператив, новая экономическая политика.

Политическая «оттепель», наступившая в СССР на рубеже 1950–1960-х гг., способствовала повышению интереса общества к различным аспектам истории страны. Перед исследователями открылись возможности свободного творческого поиска новых фактов, описания и анализа событий прошлого. Одним из важных направлений исторического исследования стало осмысление с новых позиций роли рыночных отношений и действия демократических принципов в социалистической экономике. Именно в этот период впервые за долгие десятилетия в работах Г.Я. Бланка [1963], А.В. Гаврилова [1961], С.П. Днепровского [1968], Л.Ф. Морозова [1969], А.И. Бузлаевой [1969] и других были предприняты попытки определить место и значение кооперации в экономическом развитии, обобщить итоги развития кооперативного движения на разных этапах российской истории. Следует однако отметить, что после 1956 г. попытки переоценки марксистско-ленинских взглядов на методы социалистического строительства уже в 60-е гг. вновь попали под пристальный кон-

троль официальной цензуры. Тем не менее труды, изданные в 50-60-е гг. XX в., создали основу для дальнейших исследований известных советских историков. В работах В.П. Дмитренко, Л.Ф. Морозова, В.И. Погудина [1978], В.В. Кабанова [1973] и других, наряду с теоретическим осмыслением исторического опыта, накопленного кооперацией, доказывалась возможность ее существования в советской экономической системе.

В 1960–1970-е гг. активизировались исследования, посвященные роли кооперации в социально-экономическом развитии Сибири. Наиболее важные страницы истории кооперации региона, особенности развития экономики, социальные и культурные изменения в жизни населения освещались, например, в коллективном сборнике статей «Очерки истории потребительской кооперации Сибири» под научной редакцией В.К. Иващенко [1965], а также в работе В.А. Кригера, И.И. Курьян и М.К. Яковенко «Потребительская кооперация Восточной Сибири. (Краткий исторический очерк)» [1965].

Характерной особенностью исторических работ, появившихся в 50–60-е гг. XX в., было широкое использование в них разнообразных документальных источников. Это был период накопления исторических фактов. Так, в вышеуказанной работе В.А. Кригера и других представлен широкий обзор различных сторон деятельности сибирской кооперации. В книге дано описание льготной торговли по марочной системе, которая применялась в дореволюционных сибирских потребительских обществах. Суть ее заключалась в том, что «пайщики и заборщики за наличные деньги приобретали особые марки, за которые им отпускались товары по сниженным ценам» [Там же, с. 15]. В работе также рассматривается документальный материал, освещающий основные направления работы кооперативов в годы советской власти. Большое внимание авторами уделено работе по укреплению кооперативных рядов опытными, квалифицированными и «преданными делу революции» кадрами. На первый план в работе кооперативных органов в 1920-е гг. вышла борьба с «разбухшим» управленческим аппаратом. По данным, приведенным в книге, на начало 1921 г. аппарат Иркутского губернского союза кооперативов насчитывал 1026 человек [Там же, с. 47].

В исследованиях историков в 1960-е гг. впервые большое внимание уделено вопросу развития кооперации в национальных районах Сибири. На сравнительном материале в них были показаны особенности каждого национального региона, представлен обзорный анализ развития кооперативного движения на обширной территории Сибири. В статье А.С. Шикалова [1965], посвященной истории потребительской кооперации Сибири, приводятся интересные данные о деятельности кооперации в Якутской АССР, о вкладе якутских кооператоров в развитие народного хозяйства республики. В ней, в частности, приводятся выдержки из письма секретаря Якутского губкома в ЦК РКП(б) с описанием условий, в которых складывалась кооперативная система: «Население обносилось, обеднело до крайности, примерно 80-90% якутов не имеют мануфактуры, одежды вот уже года три. Оно одевается, как в давнюю старину, в кожу. Товарный голод — громаднейший. Население готово продать последнюю корову, но достать мануфактуру, чай, табак. Вот примерно цена: 1 пуд масла обменивается на 1 аршин ситцу, корова также на 15–20 аршин» [Там же, с. 78].

В этих сложных условиях за сравнительно короткий срок кооперативным органам удалось

переломить ситуацию. Налаживание работы потребительских обществ сыграло огромную роль в восстановлении хозяйства республики, изменив постепенно и отношение людей к социалистическому строительству. Рост численности кооперативов и их членов становился все более очевидным. Если в 1917 г. в Якутии насчитывалось 6 кооперативов с 4155 членами, то в 1925 г. количество кооперативов в республике составляло 83, а количество кооперированного населения — 23662 чел [Там же, с. 117]. Численность кооперированного населения в Якутии, составлявшая в 1925 г. 16%, в 1932 г. достигла примерно 32% [Там же, с. 118, 149].

Роли кооперации в вовлечении сельского и промыслового населения национальных районов Сибири в процесс переустройства хозяйственной жизни посвящена и работа П.Н. Иванова «Деятельность партийных организаций Сибири по осуществлению ленинской национальной политики» [1966]. Значение кооперативной работы в Восточной Сибири было показано автором на основе богатого документального материала, включающего многочисленные данные о численности кооперативов, национальном составе кооператоров, количестве колхозов и совхозов, приведены сравнительные данные по регионам Сибири, в том числе и Якутии.

Первые работы о деятельности кооперации и кооперативного движения в Якутской АССР появились еще в 1920-е гг. Это были речи, доклады, выступления видных государственных и политических деятелей молодой Якутской республики М.К. Аммосова [1987], И.Н. Барахова, А.Л. Бахсырова [1924]; С.М. Аржакова [1999] и других. В них затрагивались проблемы экономики края, были выделены задачи и перспективы развития отдельных отраслей хозяйства. Кооперация в этих работах рассматривалась как чрезвычайно важное звено возрождающейся экономики республики. Следует отметить, однако, что доклады и выступления государственных и партийных деятелей опирались, как правило, на текущие оперативные сведения и были направлены на решение конкретных задач момента, а не на проведение глубокого научного анализа. Поэтому и сведения о кооперации, приведенные в них, преимущественно имеют фрагментарный характер и представлены в контексте общей характеристики состояния экономики Якутии.

Первым научным исследованием, в котором был выделен специальный раздел «Кооперация на Севере», является работа Н.М. Алексеева и

С.Г. Потапова «Народности Севера ЯАССР на путях к социализму» [1932]. Авторы осветили в ней итоги деятельности кооперативных органов в северных районах республики в 1925–1932 гг., выделили особенности кооперативной работы на севере республики, привели данные о снабжении населения товарами через сеть потребительской кооперации, о продаже товаров и заготовке пушнины. В работе приведены сведения о численности интегральных кооперативов и членов в них, размере среднегодового пая в кооперативах, показаны и объективные трудности, осложнявшие решение стоящих перед кооперацией задач, главными из которых являлись отсутствие опытных кооперативных работников на местах, неграмотность населения, обширность территории северных районов и отсутствие нормальной связи с ними.

В 1930-е гг. в связи с активно осуществлявшимся в стране процессом огосударствления кооперативной системы интерес исследователей к ее проблемам стал постепенно снижаться. И только в конце 1950-х гг. в российской историографии появились работы, в которых была сделана попытка осмыслить пройденный исторический путь. В этот период появились работы, отразившие отдельные стороны деятельности кооперативных органов Якутии.

Первые оценки роли кооперации в социалистической экономике были даны в книге «Очерки по истории Якутии советского периода» [1957]. В разделах книги, автором которых был известный якутский историк З.В. Гоголев, приведены сведения о деятельности кооперации в 1920–1930-е гг. По его мнению, подъем кооперативной торговли в годы новой экономической политики заметно активизировал хозяйственную жизнь республики, способствовал оживлению рынка, установлению постоянного товарообмена между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней [Там же, с. 123]. Рассматривая проблему обострившейся в этот период борьбы социалистического и капиталистического укладов, З.В. Гоголев подчеркнул, что именно на кооперативную торговлю была возложена важная политическая задача — вытеснить из экономики частного торговца. Результатом активного привлечения потребительской кооперации Якутии в процесс создания социалистической экономики стало быстрое увеличение численности пайщиков и рост розничного товарооборота кооперативов. По данным, приведенным в книге, в 1925–1926 гг. в общем товарообороте республики доля государственной и коопера-

тивной торговли составляла 79% [Там же, с. 136]. Книга примечательна также и тем, что в ней впервые были приведены данные о кооперативах, действовавших среди рабочих Алданской золотодобывающей промышленности, показана динамика численности пайщиков, дано сравнение объемов товарооборота кооперативной и государственной видов торговли [Там же, с. 136, 160].

Роль кооперации в развитии социалистической экономики получила освещение в отдельных главах третьего тома «Истории Якутской АССР» [1963]. В работе приведены сведения о наиболее важных этапах деятельности кооперативных органов республики, подчеркнута особая роль союза кооперативов «Холбос» в становлении и развитии промысловой, сельскохозяйственной и кредитной видов кооперации. В книгу вошли статистические данные об обороте кооперативной потребительской торговли, деятельности кредитной кооперации, сведения о количественном росте числа пайщиков, членов промысловой и сельскохозяйственной кооперации.

Достижения якутской потребительской кооперации со времени ее создания в 1918 г. до середины 1960-х гг. освещены в коллективном труде авторов, посвященном 50-летию Якутского союза потребительской кооперации «Холбос» [1969]. Богатый фактический материал, использование архивных источников, воспоминаний ветеранов системы и текущих документов союза «Холбос» позволили отразить наиболее важные стороны деятельности потребительской кооперации Якутии. Примечательно, что книга вышла со вступительным словом академика А.П. Окладникова, который отметил, что в работе, написанной практиками-кооператорами, использован большой круг источников, даны яркие портретные характеристики, сделаны выводы и обобщения, показана громадная роль кооперации в социалистических преобразованиях.

Наиболее важные стороны деятельности якутской кооперации освещены в монографиях З.В. Гоголева [1970–1972]. В работе «Якутия на рубеже XIX–XX вв.» автор привел данные об одном из первых якутских кооперативов, образованном в 1911 г. Деятельность кооперации в периоды «военного коммунизма» и нэпа отражена в его работе «Социально-экономическое развитие Якутии (1917 — июнь 1941 гг.)». В ней приведены сведения о деятельности Якутского союза кооперативов «Холбос» по снабжению населения продовольствием и това-

рами в первые месяцы существования советской власти в Якутии и в период новой экономической политики, сравниваются количественные данные развития государственной торговой системы и потребительской кооперации. Вместе с тем, несмотря на достаточно обстоятельное рассмотрение многих сторон деятельности кооперации, автором не ставилась задача — составить общую историческую картину развития кооперации в Якутии.

Свою точку зрения на роль кооперации в дореволюционной экономике Якутии высказал Г.П. Башарин в работе «Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начала XX веков» [1974]. По его мнению, кооперация в этот период, являясь чертой развивающегося капитализма, носила ярко выраженный эксплуататорский характер и служила одним из факторов роста кулачества.

Совершенно новый период в изучении истории российского кооперативного движения начался со времени принятия «Закона о кооперации в СССР» (1988 г.). Большинство работ, вышедших в свет сразу после принятия кооперативного закона, как правило, носили научно-популярный характер. Их авторы пытались разъяснить сущность кооперативов, их формы и виды, убедить людей в необходимости кооперативной деятельности при социализме. На смену научно-популярным изданиям пришли работы ученых, которые приступили к научной проработке многих теоретических вопросов, касающихся сущности, роли и места кооперации в современной экономической системе [Кооперативы нового типа, 1989]. Исследовательская работа историков в конце 1980-х гг. началась с оценки положения кооперации в стране. В условиях начавшейся перестройки в экономике и социальной сфере жизни общества, наконец, появилась возможность признать, следующее:

— в ходе социалистической реконструкции народного хозяйства, массовой коллективизации сельского хозяйства кооперация была фактически вытеснена из советской экономики (сохранилась лишь в ограниченных размерах кустарно-ремесленная и потребительская кооперация; колхозы были лишены ряда важнейших черт кооперативного предприятия) [Индивидуально-кооперативный сектор..., с. 5];

— кооперативная форма собственности характеризовалась в нашей политэкономической литературе, включая и учебники, во-первых, как низшая, т.е. менее развитая по сравнению с государственной формой собственности (без-

оговорочно отождествлявшейся с общенародной); во-вторых, связывалась почти исключительно с сельскохозяйственным производством [Там же, с. 6–7].

Конец 1980-х гг. является переломным и определяющим для исследований, посвященных истории российской кооперации и кооперативного движения в целом. В эти годы были намечены задачи исторической науки в области изучения проблем негосударственных форм собственности и развития демократических принципов в экономике. Обобщение и анализ опыта, накопленного в нашей стране в первые годы советской власти, в подведении итогов экономических реформ, проводившихся в СССР, открывали возможность теоретического осмысления характера, состояния, проблем и перспектив развития кооперативного и индивидуального секторов экономики.

Таким образом, в 50–80-е гг. XX в. в исторической литературе появились работы, в которых авторы с высоты пройденных лет пытались дать объективную оценку развитию кооперативного движения в условиях социалистической системы. К сожалению, идеологические механизмы, существовавшие в стране, не дали возможности этим попыткам полностью реализоваться. Тем не менее рассматриваемый период является достаточно плодотворным с точки зрения накопления исторических фактов, разработки взглядов на механизмы устойчивости кооперативной системы в условиях социалистической экономики, изучения влияния кооперации на социальную и культурную сферу жизни общества.

Литература

- Алексеев Н.М., Потапов С.Г. Народности Севера ЯАССР на путях к социализму. — Якутск: Якутгосиздат., 1932. — 48 с.
- Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян (статьи, речи, воспоминания, письма). 2-е изд. — Якутск: Кн. изд-во, 1987. — 288 с.
- Аржаков С.М. Страницы жизни и деятельности. Сборник документов и материалов. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 1999. — 248 с.
- Бахсыров А.Л. Хозяйственное положение Якутской АССР//К экономическим вопросам Якутии (сборник статей). — Якутск. 1924. — С. 10–30.
- Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начала XX веков. — Якутск: Якутское кн. изд-во, 1974. — 216 с.
- Бланк Г.Я. Основы теории и истории потребительской кооперации СССР. — М.: Изд-во Центрсоюза, 1963.

Бузлаева А.И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. — М.: Наука, 1969. — 175 с.

Гаврилов А.В. Роль потребительской кооперации в строительстве коммунистического общества. — М.: Изд-во Центросоюза, 1961.

Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917 — июнь 1941 гг.). — Новосибирск: Наука, 1972. — 258 с.

Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. — Новосибирск: Наука, 1970. — 236 с.

Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. — М.: Политиздат, 1978. — 296 с.

Днепровский С.П. Кооператоры. 1898–1968. — М.: Экономика, 1968.

Иванов П.Н. Деятельность партийных организаций Сибири по осуществлению ленинской национальной политики. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. — 104 с.

Индивидуально-кооперативный сектор: перспективы развития / Г.В.Аристов, Г.С. Батыгин, В.Н. Безносиков и др. Под ред. А.Г. Аганбегяна, Г.С. Батыгина, Г.Л. Фактора. — М.: Экономика, 1989. — 96 с.

История Якутской АССР. Т. 3. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 364 с.

Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация (1917 — март 1919). — М. 1973. — 296 с.

Кооперативы нового типа: опыт, проблемы, перспективы/Певзнер А.Г., Декельман Л.Б., Половинкина Л.Б., Силласте Ю.Х. — М.: Экономика, 1989. — 208 с.

Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К. Потребительская кооперация Восточной Сибири: (Краткий исторический очерк). — Иркутск.: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1965. — 64 с.

Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. Из истории становления советской кооперации. — М.: Мысль, 1969. — 239 с.

Очерки истории потребительской кооперации Сибири. Сборник статей / Под науч. ред. В.К. Иващенко. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. — 336 с.

Очерки по истории Якутии советского периода. — Якутск: Якутское кн. изд-во 1957. — 394 с.

«Холбосу» 50 лет / Под ред. Т.И. Агаповой. — Якутск: Якутское кн. изд-во, 1969. — 215 с.

Шикалов А.С. Потребительская кооперация в период Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны (1917–1920)//Очерки истории потребительской кооперации Сибири. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965.

N.I. Burnasheva

Problems of Yakutian cooperation development in historical researches of 50-80th years of the XX-th century

This article concerns history of co-operation and co-operational movement of Yakutia. During the period of “Thaw” (“Ottepel”) researchers have begun to pay attention to the problems of co-operation. Scientific works on this theme were based after prosperous documental archive materials. Right after this period researchers provided multiple analyses on historical events, where they’ve tried to seize the meaning and role of co-operation in the socialist economy.

Key words: history, history of Yakutia, history of Siberia, history of economics, co-operation, historiography, co-operational movement, co-operative, new economic policy.

УДК: 001.83 [(470+571)+430](571.56)

А.А. Сулейманов

Российско-германское сотрудничество по научному изучению арктических районов Якутии в конце XX века

Рассматриваются наиболее значительные международные научно-исследовательские мероприятия (проекты, экспедиции) последнего десятилетия XX в., проводившиеся российскими и немецкими учеными в арктических районах Якутии с целью изучения жизнедеятельности коренных народов Арктики, мониторинга биологического разнообразия и анализа различных проблем, связанных с глобальными климатическими трансформациями.

Ключевые слова: Арктика, Россия, Германия, Якутия, международное сотрудничество, научный проект, экспедиции.

Вторая половина 80 — начало 90-х гг. XX столетия оказались ознаменованы серьезными переменами в системе международных отношений: активизацией связей между СССР и западными странами, снижением напряженности в мире и, в конечном итоге, прекращением холодной войны. Одним из следствий произошедших изменений стало интенсивное развитие процессов международной кооперации в арктическом регионе, предоставившее российским и зарубежным исследователям возможность тесного взаимодействия и свободного выполнения совместных проектов. Значительных успехов в реализации данного интеграционного потенциала добились ученые из России и Германии, важное место в сотрудничестве которых заняло изучение арктических территорий Республики Саха (Якутия) и прилегающих к ним акваторий.

Следует отметить, что связи двух стран в деле научного познания Якутии имеют давнюю историю: ее исследование в XVIII в. связано с именами Герхарда Фридриха Миллера, Иоганна Георга Гмелина, Георга Вильгельма Стеллера, Иоганна Эбергарда Фишера. В арктических районах республики в XIX в. проводили свои изыскания Герхард Густав Людвиг Майдель, Карл Нейман, Фердинанд Миллер.

Начало современному этапу российско-германских научных связей положило подписание в 1987 г. межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве. В последующем это сотрудничество на официальном правительственном уровне вылилось в разнообразные отраслевые договоры, среди которых применительно к данной статье наибольшее значение имеет соглашение между министерствами науки и образования России и Германии о кооперации в области полярных и морских исследований, заключенное в 1995 г.

В рамках этого соглашения была продолжена реализация начатых в 1993 г. широкомасштабных изысканий по российско-германскому проекту «Система моря Лаптевых».

Научная программа данного проекта включала комплексные исследования современного состояния природной среды региона моря Лаптевых, изучение метеорологических, океанологических, геохимических, биологических процессов и их взаимодействие, а также получение информации о климатических и палеоклиматических трансформациях [Тимохов, Дмитренко, Кассенс и др., 1999, с. 72].

Координаторами проекта «Система моря Лаптевых», в котором приняли участие свыше 40 научных учреждений, выступили Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт (АНИИ, г. Санкт-Петербург) и Центр морских геонаук Кильского университета (GEOMAR). Среди основных участников изысканий были следующие: Всероссийский научно-исследовательский институт океанологии (г. Санкт-Петербург), Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН (г. Москва), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт полярных и морских исследований им. Альфреда Вегенера (г. Бремерхафен), Институт полярной экологии (г. Киль). Научное руководство проектом с российской стороны осуществляли Л.А. Тимохов (АНИИ) и В.Л. Иванов (ВНИИ океанологии), с германской — Й. Тиде (J. Thiede) (GEOMAR) [Там же, с. 73].

Свое внимание к региону моря Лаптевых разработчики проекта объяснили тем, что это море, наряду с Восточно-Сибирским, является своеобразной «фабрикой льда» для Северного Ледовитого океана. Сюда впадают крупные реки: Лена, Яна, Хатанга, Индигирка, Анабар, которые служат доминирующим источником пресной воды для океана и определяют тем самым значительный объем морского льда, образующегося в его прибрежной зоне, вынося при этом большие массы минеральных и органических веществ, а также антропогенных загрязнений. Здесь располагается самый обширный в Арктике мелководный шельф, аккумулирующий выносимые реками вещества, которые затем замерзают и вместе со льдом перемещаются по Северному Ледовитому океану. Кроме этого, сток рек, гидрологические и ледовые процессы в этом регионе влияют на положение и интенсивность Трансарктического течения, участвуя тем самым в изменениях климата Арктики и, опосредованно, всей планеты [Прямиков]. Таким образом, детальная оценка палеоклиматических данных моря и суши этого района представляет собой важную информацию для установления причин, последствий и обратных связей, которые определяют состояние арктической климатической системы.

Реализация проекта «Система моря Лаптевых» была разделена на этапы, в ходе которых решались определенные научные проблемы. Так, основной задачей исследований 1993 г. было «получение комплексной океанографиче-

ской и метеорологической информации, включая оценку загрязненности моря Лаптевых в навигационный период, изучение биологических, литологических и геологических процессов на шельфе моря и устьевых участках рек», а также количественную оценку биологической продуктивности южной части моря Лаптевых в летний период и анализ данных о структуре водных масс, льдах, биологии и геологии глубоководной части моря [Тимохов, Дмитренко, Кассенс и др., 1999, с. 74].

Для этого в период с августа до октября на шельфе моря были проведены изыскания с помощью гидрографического судна «Иван Киреев». Исследования включали океанографические, метеорологические, биологические и геологические наблюдения, отбор проб морской воды и донных отложений для определения содержания в них загрязняющих веществ, в том числе радионуклидов.

Параллельно с работами на шельфе в сентябре были выполнены изыскания в глубоководной части моря северо-западнее острова Котельный с борта немецкого научно-исследовательского судна «Polarstern». Ученые собирали зоопланктон, изучили донные отложения, состав морского льда и содержащихся в нем веществ, а также организовали работы по выявлению видового разнообразия ихтиофауны моря.

Исследования 1994 г. главной задачей имели определение границ выноса речных вод в море и вновь состояли из двух этапов. С июля до октября в море Лаптевых работала морская экспедиция на научно-исследовательском судне «Профессор Мультановский». Экспедиция провела работы по определению океанологических, химических и экологических показателей современных путей и особенностей распространения речных вод, а также — палеогеографические изыскания по установлению характерных черт накопления осадков и поступления пресных вод в море Лаптевых в эпоху голоцена (11 тыс. лет назад — по наст. время).

В июле — августе состоялась экспедиция по р. Лена. В ходе исследований по маршруту Якутск — мыс Быковский (побережье моря Лаптевых) ученые организовали 24 станции, на которых производился отбор осадков и проб воды для минералогического и геохимического анализов [Russian-German Cooperation: Laptev Sea System, 1995, p. 20–343].

В следующем, 1995 г., полевые исследования на Лене были дополнены проведением работ на р. Яна. Изыскания проходили с июля до сентября с целью качественного и количественного анализа вещества, доставляемого этими реками в море Лаптевых, определения его особенностей и составления вариаций геологического прошлого региона. По Лене ученые совершили маршрут от Олекминска до устья реки, по Яне — от поселка Нижнеяна до Верхоянска. Исследования, как и прежде, включали отбор проб для анализа минералогического состава воды и осадков, а также датировки осадочных веществ.

Морская экспедиция 1995 г. на этот раз была проведена на ледоколе «Капитан Драницын» в октябре в условиях минусовых температур, образования и нарастания ледового покрова. Соответственно, основным направлением работ стало изучение процессов формирования и распространения льда, его состава, изменений характеристик морской воды, влияния ледовых процессов на биопродуктивность моря. Одновременно исследовались экосистемы севернее острова Котельный [Laptev Sea System: expeditions in 1995, 1997, p. 28–210].

На заключительном для проекта 1996 г. этапе ученые (по 10 специалистов с российской и германской стороны) провели исследования весной и в начале лета (май — первая половина июня) — в период самых существенных изменений природной среды. Изыскания проводились в районах к северу и востоку от дельты Лены, а в качестве базы использовалась недавно построенная Международная биологическая станция (МБС) «Лена-Норденшельд». В ходе экспедиционных исследований ученые задействовали мотосани, судно на воздушной подушке, вездеходы и вертолет. Именно при помощи вертолета было проведено 45 комплексных океанографических наблюдений. Особое внимание специалисты уделили периоду весеннего половодья. С целью изучения его влияния на процессы в море Лаптевых были выполнены комплексные гидрофизические и гидрохимические изыскания в юго-восточной части моря, а на МБС организованы ежесуточные наблюдения и измерения содержания и температуры воды.

Одновременно велись биологические исследования. Д.В. Соловьева (Усть-Ленский заповедник) с помощью аэровизуальных наблюдений установила виды животных, обитающих на

участке полыньи севернее дельты Лены, и проследила интенсивность миграции птиц в этом районе. В.И. Поздняков (МБС Лена-Норденшельд) и Ю.Н. Софронов (Усть-Ленский заповедник) оценили видовой и количественный состав части миграционного потока птиц устья Лены, проходящего вдоль побережья моря Лаптевых [Отчет о совместной российско-германской комплексной экспедиции ЛАПЭКС-96..., 1996, с. 6–51].

Подведение итогов проекта и обсуждение его предварительных результатов состоялось на российско-германском семинаре «Российско-германское научное сотрудничество: Система моря Лаптевых», который был организован в Санкт-Петербурге в ноябре 1996 г.

Ученые отметили, что во время изысканий определены зоны выноса и распространения речных вод в море Лаптевых, получены уникальные сведения о структуре водных масс, льдах, биологии и геологии в недоступных ранее для специалистов из-за тяжелых льдов районах моря. Исследования позволили сделать вывод, что море Лаптевых не испытывает значительной антропогенной нагрузки и является «относительно чистым районом». Было закрыто одно из «белых пятен» региона — оценены количественные показатели биологической продуктивности южной части моря в летний период. Полученные данные, по свидетельству участников проекта, дали возможность понять современные механизмы взаимодействия различных компонентов природной среды и улучшить методы прогнозирования ледовой обстановки в море зимой для соответствующего планирования навигации по Северному морскому пути. Наконец, была подтверждена одна из главных идей проекта, что льды моря Лаптевых являются мощным фактором в переносе веществ, в том числе из рек Якутии, на огромные расстояния вплоть до Северного полюса и пролива Фрама [Тимохов Л.А., Дмитренко И.А., Кассенс Х. и др., 1999, с. 78].

Фактическим продолжением проекта «Система моря Лаптевых» стал проект «Система моря Лаптевых-2000». Этот проект основывался на результатах исследований 1993–1996 гг., но основным объектом изысканий была уже вечная мерзлота и ее воздействие на регион моря Лаптевых. Проект выполнялся на основании соглашения между Институтом мерзлотоведения Сибирского отделения РАН (г. Якутск) и Институтом полярных и морских исследова-

ний им. Альфреда Вегенера, рассчитанного на три года (позднее было пролонгировано), и был призван помочь «получить новые данные, которые позволят судить об изменении климата и гидросферы в прошлом и найдут применение при прогнозировании развития гидрологических и геоэкологических систем Арктики и Субарктики» [Договор о научном сотрудничестве ..., 1997].

В исследованиях 1998–2000 гг. приняли участие российские специалисты Института мерзлотоведения СО РАН, Международной биологической станции «Лена-Норденшельд», ресурсного резервата «Лена-Дельта», Тиксинской гидробазы, Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения, Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (г. Санкт-Петербург), Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва) и немецкие ученые из Музея естественных наук (г. Хемниц), Отделения геохронологии четвертичного периода Саксонской Академии наук (г. Фрайберг), Институтов полярных и морских исследований им. Альфреда Вегенера, полярной экологии, почвоведения Гамбургского университета и геологии Фрайбергской Горной академии. Научную координацию осуществляли с российской стороны М.Н. Григорьев (Институт мерзлотоведения СО РАН) и Д.Ю. Большиянов (ААНИИ), с германской — В. Рахольд [V. Rachold] (Институт полярных и морских исследований им. Альфреда Вегенера) [Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition, 1999, — p. 16–17; Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999, 2000, — p. 20–21; Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA, 2001, p. 14–15].

Первая экспедиция по проекту «Система моря Лаптевых-2000» — «Дельта Лены 98» — состоялась в июле — августе 1998 г. Изыскания проводили 30 ученых (16 человек представляли российские научные учреждения, 14 — германские) в составе четырех исследовательских групп, каждая из которых имела конкретные цели и участки работ.

Одна группа ученых исследовала остров Самойловский. Ее основная цель — изучение современных химических процессов, происходя-

щих в вечной мерзлоте. В связи с этим междисциплинарные исследования были посвящены изучению сезонной изменчивости потоков углерода, подсчетам энергетического и водного баланса в активном слое почвы (верхний слой, подвергающийся сезонному протаиванию и промерзанию). Параллельно оценивались климатические и почвенные микробиологические показатели, которые влияют на производство, окисление и интенсивность выбросов газов в многолетнемерзлых грунтах. Исследования включали измерение содержания метана в почве и эмиссии двуокиси углерода в системе «глубокие слои земли — дерн — растительность».

Другая группа работала над изучением древних и современных отложений в дельте Лены. Были проведены исследования проток устья реки, в том числе при помощи судна «Дунай», и вертолета — при изысканиях на озере Николай (глубина 26 м) на труднодоступном острове Арга-Муора-Сисе. Важное место в деятельности отряда заняло изучение динамики мерзлотных береговых процессов, а также различных аспектов влияния разрушения берегов на эко- и геосферу. В частности, специалисты дали количественную оценку сезонных изменений баланса веществ в устье Лены, современных и древних наносов в море Лаптевых [Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition, 1999, p. 19–144].

Конечно же, изыскания, направленные на получение информации о скорости эрозии и обрушения льдистых берегов в Якутии, велись и ранее. Например, в устьевой области р. Колыма специалисты Института мерзлотоведения работали с 1988 г. [Григорьев, Балобаев, Разумов, 2002, с. 101]. Однако в условиях резкого сокращения финансирования исследовательских работ в 90-е гг. XX в. проводить регулярные экспедиции в отдаленные арктические районы республики оказалось крайне проблематично. Между тем, как отмечает М.Н. Григорьев, северные берега Якутии — «чемпионы мира» по скорости разрушения», ведь местами они отступают на 5–15 метров в год. В результате на шельф с суши выносятся большой объем веществ, включая углерод, что оказывает серьезное воздействие на состав арктических морей. В этой же статье М.Н. Григорьев [2004, с. 29–30] особо выделил тот факт, что столь масштабные исследования с использованием кораблей и вертолетов, и естественно требую-

щие колоссальных материальных затрат, оказались возможными только при сотрудничестве с немецкими учеными.

Третья группа участников экспедиции «Дельта Лены 98» провела палеоклиматическое и палеоэкологическое изучение полуострова Быковский. Ученые исследовали подземные льды с использованием различных методов изотопного и гидрохимического анализов для реконструкции климата и окружающей среды в период позднего плейстоцена (140 — 11 тыс. лет назад) и голоцена (11 тыс. лет назад — по наст. время).

Наконец, четвертая группа изучала палеогеографию центральной части дельты Лены и озерные отложения на острове Сагастыр [Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition, 1999, p. 81–258]. Ученые, таким образом, работали в тех же местах, где сто семнадцатью годами ранее была расположена одна из станций для наблюдений по программе Первого Международного полярного года (1882–1883 гг.).

В следующем, 1999 г., состоялась вторая экспедиция по проекту «Система моря Лаптевых-2000», в которой приняли участие 43 специалиста (23 из России, 20 из Германии). На этот раз экспедиция работала уже в составе пяти групп, а изыскания проводились в период с мая до сентября.

Такое расширение временных рамок позволило ученым, работавшим на острове Самойловский, охватить своими исследованиями как летние условия, так и зимне-весенние, и в течение четырех месяцев вести непрерывные измерения содержания метана и эмиссии двуокиси углерода.

Одновременно было продолжено изучение современных и древних отложений в дельте Лены и на побережье моря Лаптевых с целью углубления понимания генезиса глубоких озер и количественной оценки веществ, поступающих в море в результате обрушения берегов. Для чего были проведены исследования на островах Арга-Муора-Сиссе, Куба и Муостах, протоках устья Лены, а также на полуострове Широкостан и острове Макар (восточнее устья р. Яна).

Помимо этого российские и германские ученые исследовали Оленекскую протоку дельты Лены, полуостров Быковский и остров Большой Ляховский. Основной целью этих изысканий была реконструкция условий кли-

мата и окружающей среды в эпоху позднего плейстоцена и голоцена, а также последующее сопоставление полученных данных между собой. В связи с этим специалисты изучили структуру кристаллов льда, различных типов почв, отобрали пробы пород для определения их возраста, собрали коллекцию останков ископаемых млекопитающих и растений [Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999, 2000, p. 22–182].

Изыскания 2000 г., в которых приняли участие 10 российских и 9 германских ученых, были проведены в августе. Исследователи продолжили свою деятельность на острове Самойловский с целью изучения современных химических процессов в мерзлой породе в почве. При этом основное внимание было сосредоточено на анализе водно-энергетического баланса многолетнемерзлых грунтов, а также баланса метана и углекислоты.

Параллельно в ходе исследовательских работ на судне «Нептун» была собрана информация с датчиков, установленных в крупнейших протоках дельты Лены и бухте Тикси во время экспедиций 1998 и 1999 гг., регистрировавших температуру и уровень воды, а также продолжено изучение прибрежной эрозии и осадконакопления вдоль береговой линии в дельте Лены и западном секторе моря Лаптевых (Оленекский залив, устье рр. Оленек и Анабар).

Значительное внимание вновь было уделено получению данных об эволюции климата в эпоху позднего плейстоцена и голоцена. С этой целью проведено междисциплинарное изучение (геологические и геокриологические обследования, отбор проб) ледовых отложений в протоках дельты Лены, хребте Чекановского, на полуострове Быковский и острове Самойловский [Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA, 2001, p. 16–134].

Проведенные в рамках проекта «Система моря Лаптевых-2000» в 1998–2000 гг. изыскания помогли восполнить несколько пробелов в знаниях об исследованном регионе. Ученые установили существенное снижение темпов разрушения льдистых морских берегов в последнее десятилетие XX в., связанное, по мнению специалистов, с относительным похолоданием климата в Восточной Арктике, и одновременный рост скорости эрозии берегов в местах, испытывающих техногенные нагрузки [Григорьев, Балобаев, Разумов, 2002, с. 113]. Кроме этого, изыскания позволили определить

итоговую массу наносов, выносимых в бассейн моря Лаптевых в результате разрушения берегов; выявить общее количество и содержание поступающих в море веществ с континента (как из-за эрозии береговой зоны, так и выносимые реками), включая органический углерод; оценить концентрацию парниковых газов (метан и углерод) в мерзлых породах и их выделение в результате оттаивания почвы в летние месяцы. Работы по проекту способствовали также получению новых данных об эволюции климата и окружающей среды региона дельты Лены в позднем плейстоцене и голоцене.

Одновременно с названными исследованиями ученые продолжили биологические наблюдения, начатые в ходе реализации проекта «Система моря Лаптевых». В июне – июле 1998 г. и июне – сентябре 1999 г. Д.В. Соловьева и В.И. Поздняков провели орнитологические изыскания в дельте Лены. Работы выполнялись преимущественно на моторной лодке, причем общая протяженность маршрутов составила около 1600 км в 1998 г. и 2800 км – в 1999 г. Исследования включали определение видового состава населяющих дельту птиц, приблизительную оценку их численности, выявление очагов обитания и получение количественных данных по размножению. Наблюдения были разделены на три части в соответствии с основными этапами сезонной активности птиц: первоначально специалисты изучили период гнездования, затем выводок птенцов и, наконец, осеннюю миграцию. В ходе исследований в 1998 г. зарегистрировано 32 вида птиц, в 1999 г. – 48, определена плотность заселения (около 20 особей на 10 км), установлены места гнездований основных представителей орнитофауны ареала (лебедь, гусь, гагара, чайка, утка, сапсан, кулик, поморник, крачка, кречет, беркут, ласточка, бекас) и усредненные показатели выводка [Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition, 1999, p. 46–51; Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999, 2000, – p. 20–49]. М.П. Журбенко (Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН) и И.А. Ахмадеева («Лена-Дельта») провели ботанические изыскания по определению видового разнообразия флоры устья Лены: растений, лишайников, мхов – всего было установлено 280 видов. Почвенно-зоологическому изучению этого же района посвятил свои исследования

Э. Цоллнер (E. Zollner) (Институт полярной экологии). Немецкий ученый в июле — августе 1998 г. брал пробы земли для последующей оценки ее биологической активности в лаборатории в Германии и определил состав беспозвоночных животных в верхнем слое почвы [Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition, 1999, p. 42–46].

Кроме того, в низовьях р. Лена в 1994 г. была проведена российско-германская геологическая экспедиция. В августе — сентябре сотрудники Якутского института геологических наук СО РАН К.И. Микуленко, Д.В. Митронов, К.В. Тимиршин, Д.Ю. Протопопов и А.Г. Степанов, а также Г. Райнер (G. Rainer) (Технический университет, г. Котбус) исследовали здесь угленосные отложения. Ученые провели геологические наблюдения и отобрали около 250 образцов проб пород для специальных лабораторных анализов, касающихся ресурсов углеводородов, углей и установления в них возможных сопутствующих компонентов, как полезных, так и вредных. По результатам работ специалисты охарактеризовали условия залегания угленосных толщ и отдельных пластов, а также определили перспективные неразрабатываемые месторождения угля [Арктическая экспедиция-94, 1995, с. 4–17].

Если район нижнего течения Лены в 90-е гг. XX в. стал местом сосредоточения совместных усилий ученых-естественников России и Германии, то гуманитарные исследования специалистов двух стран в рассматриваемый период были сфокусированы на Анабарском улусе, где проживают представители 4 аборигенных этносов Арктики: долганы, эвенки, эвены и якуты.

В 1995 г. между Институтом проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИПМНС СО РАН, г. Якутск, сейчас — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) и Институтом этнологии Фрайбургского университета был заключен договор о сотрудничестве. В документе отмечалась необходимость совместных действий «в области научно-исследовательских работ по этнологии, культуре и истории корен-

ных народов Республики Саха (Якутия)». Формами такой кооперации были названы совместные этнографические экспедиции; подготовка научных публикаций по итогам полевых изысканий; создание этнографических фильмов; участие в работе международных конференций и симпозиумов; обмен научными сотрудниками [Договор о сотрудничестве..., 1995].

В том же году состоялась экспедиция специалистов Фрайбургского университета и ИПМНС СО РАН «Анабарские долганы: история и современность» в Анабарский улус. С германской стороны в экспедиции участвовали О. Турза (O. Turza) и Я. Турза (J. Turza), с российской — В.А. Роббек. Ученые собрали полевые материалы по языку и этнографии северных якутов-оленьеводов, изучили проблемы этнического самосознания долган. Так, было выяснено, что большинство опрошенных идентифицируют себя исключительно в качестве долган, а свой язык — как долганский (как известно, вокруг этих проблем в научном мире до сих пор нет единства мнений)*. Отдельное внимание исследователи уделили анализу состояния традиционных отраслей хозяйствования (главным образом, оленеводства), влиянию на них социально-экономических изменений первой половины 1990-х гг. и определили основную тенденцию в жизни местного населения — стремление к отказу от кочевого образа жизни в пользу оседлого [Turza J., Turza O., 1996/1997].

Через пять лет к изучению последствий рыночных реформ для жителей Анабарского улуса совместно с сотрудниками ИПМНС СО РАН приступили специалисты Института этнологии им. Макса Планка (г. Халле на Сале). Стороны тогда, принимая во внимание, что «мировое сообщество заинтересовано в решении проблем выживания коренных малочисленных народов Арктики и Севера», выразили намерение развивать сотрудничество по научному обмену, проведению экспедиций, изданию специализированных трудов [Письмо о намерениях..., 2000].

В соответствии с этой договоренностью Анабарский улус посетили А. Вентсел [A. Ventsel] (Институт этнологии им. Макса Планка),

* Например, если Е.И. Убрятова и М. Стаховский считают язык долган самостоятельным, то М.С. Воронкин — диалектом якутского языка, а канадский исследователь Д.Дж. Андерсон в работе «Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган» вовсе называет долган «бумажной категорией» (подробнее об этом см.: Хелимский Е.А. «Этническая рознь» на Таймырском Севере. Кто ищет, тот всегда найдет... [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/science/helinski.shtml>. — 15.12.2009.

Д.И. Сыроватский и Л.Н. Романова (ИПМНС СО РАН) [Отчет о научной и научно-организационной деятельности..., 2002, с. 84.].

Во время экспедиции ученые провели анкетирование местного населения по проблемам этнической идентичности, собрали полевые материалы о состоянии оленеводства, материального обеспечения оленеводческих бригад, их составе, методах ведения хозяйства и социальных проблемах. Основное внимание специалисты уделили анализу экономических отношений у рыболовов, охотников и оленеводов и их трансформации при переходе от плановой экономики к рыночной в 1990-е гг. Для этого исследователи изучили архивные материалы в поселке Юрюнг-Хайя (протоколы заседаний правления и общего собрания совхоза) и провели интервьюирование местных жителей. Ученые выявили активное проникновение рыночных отношений в охотничьи и рыболовецкие хозяйства, лучше приспособленные к новым экономическим условиям, чем оленеводческие. Кроме этого, специалисты отметили традиционно большую роль родоплеменных отношений в экономике местного населения, значение которых несколько ослабло в результате создания колхозов и совхозов, но возросло в постсоветское время и пришли к выводу, что родственные связи «стали основой для распределения и доступа к ресурсам и выживания в период, когда официальные структуры оказались неэффективными» [Ventsel A., 2006].

Таким образом, в конце XX в. российские и немецкие ученые организовали ряд научно-исследовательских мероприятий, посвященных изучению арктических территорий Якутии и прилегающих к ним акваторий. В фокусе осуществленных в рассмотренный период инициатив оказались разнообразные стороны жизнедеятельности коренных народов (этническое самосознание, социальные и экономические процессы в условиях рыночных реформ и экономического кризиса), орнитологические и ботанические проблемы. Основным же объектом исследований стали различные аспекты глобальных климатических трансформаций: история эволюции климата и условий окружающей среды, уровень содержания парниковых газов в криолитозоне, механизмы взаимодействия различных природных компонентов в арктическом регионе, корреляция изменений климата и состояния вечной мерзлоты. Сотрудничество России и Германии по

данным вопросам значительно повысило исследовательский потенциал ученых двух стран и в целом расширило горизонты познания Арктического региона.

Источники и литература

Арктическая экспедиция-94. Предварительный отчет по научно-исследовательской работе за 1994 г. 1. Радиационная зараженность почвы и растительности нижнего течения р. Лены; 2. Характеристика угленосности нижнего течения р. Лены и острова Котельный. Якутск, 1995 // Текущий архив Президиума ЯНЦ СО РАН.

Григорьев М.Н. Разрушение льдистых морских берегов Якутии // Наука и техника в Якутии. — 2004. № 1. — С. 29–35.

Григорьев М.Н., Балобаев В.Т., Разумов С.О. и др. Научно-технический отчет о результатах НИР по проекту 16.5. «Эрозия льдистых берегов арктических морей». Программа 16 Президиума РАН «Мировой океан: геология дна, геодинамика, биология моря и экология». Якутск, 2002 // Текущий архив Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН.

Договор о научном сотрудничестве между Институтом мерзлотоведения СО РАН (Якутск) и Институтом полярных и морских исследований (Бремерхафен) в области геокриологических и палеогеографических исследований в Якутии на 1997–2000 гг., г. Якутск. 15.04.1997 // Текущий архив Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН.

Договор о сотрудничестве между Институтом проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутия) и Институтом этнологии Фрайбургского университета. 02.11.1995 // Текущий архив ИГиИПМНС СО РАН.

Отчет о научной и научно-организационной деятельности Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН за 1998–2002 гг. — Якутск, 2002 // Там же.

Отчет о совместной российско-германской комплексной экспедиции ЛАПЭКС-96 в море Лаптевых и дельте р. Лены (май — июнь 1996 г.). Проект «Система моря Лаптевых». Санкт-Петербург, 1996 // Текущий архив Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия).

Письмо о намерениях о научном сотрудничестве между Институтом проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск, Россия) и Институтом этнологии им. Макса Планка (г. Халле на Сале, Германия). 17.11.2000 г. // Текущий архив ИГиИПМНС СО РАН.

Пряников С. Зовет море Лаптевых [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://head.informika.ru/text/magaz/newspaper/messedu/cour0003/1600.html>. — 05.05.2008.

Тимохов Л.А., Дмитренко И.А., Кассенс Х. и др. Регион моря Лаптевых — уникальный природный

объект Арктики // Наука и образование. — 1999. — № 1. — С. 72–79.

Laptev Sea System: expeditions in 1995 / Ed. *H. Kassens., D. Piepenburg, J. Thiede et al.* Ber. Polarforsch. 1997. № 248. — 210 p.

Russian-German Cooperation: Laptev Sea System / Ed. *H. Kassens., D. Piepenburg, J. Thiede et al.* Ber. Polarforsch. 1995. № 176. — 388 p.

Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition / Ed. *V. Rachold, M.N. Grigoryev.* Ber. Polarforsch. 1999. № 315. — 275 p.

Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999 / Ed. *V. Rachold,*

M.N. Grigoryev. Ber. Polarforsch. 2000. № 354. — 315 p.

Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 2000 / Ed. *V. Rachold, M.N. Grigoryev.* Ber. Polarforsch. 2001. № 388. — 150 p.

Turza J., Turga O. Die uestlichen Dolganen im Nordwesten von Jakutien. *Philologia Fenno-Ugrica* 2-3, 1996/1997. Abstract [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.anthropology-online.de/Aga01/0044.html>. — 18.12.2009.

Ventsel A. Hunter-herder continuum in Anabarski district, NW Sakha, Siberia, Russian Federation // *Nomadic Peoples*. 2006. Vol. 10. — P. 68-86.

A.A. Suleymanov

The Russian-german cooperation on scientific studying of the Arctic regions of Yakutia at the end of the XX century

The article is considered the most significant international research activities (projects, expeditions) of the last decade of the XX century that have been carried out by Russian and German scientists in the Arctic areas of Yakutia with the aim of studying the life of indigenous peoples of the Arctic, biodiversity monitoring and analysis various problems related to global climate transformations.

Keywords: Arctic, Russia, Germany, Yakutia, international cooperation, scientific project, expeditions.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 398(=512.37)

Э.П. Бакаева

Калмыцкий эпос «Джангар» и календарная обрядность

Статья посвящена изучению калмыцкого эпоса «Джангар» в контексте календарной культуры калмыков. На основе структурно-семантического анализа автор приходит к важному заключению, что эпос являлся особым ритуальным механизмом культуры, регламентирующим календарное время. Приведенные в статье сюжеты из мифологии и фольклора калмыков показывают, что архетипическая модель календаря манифестировала идею борьбы света и тьмы, вследствие чего глубинная семантика календарных представлений тесно переплеталась с эпической моделью мира.

Ключевые слова: калмыки, традиционное представление, героический эпос, календарь, сакральная информация, символика инициирования, архаическая эпоха.

1. Календарные запреты на исполнение эпоса

Канонические правила исполнения эпических сказаний включали ограничение временных рамок сказительства, совершение благожелательных ритуалов, наличие подготовленной аудитории, поддерживающей веру в медиаторские способности исполнителя джангарчи. К исполнению песни, носившему «характер какого-то культового акта», по словам известного джангарчи, следовало «подготовиться соответствующим образом, так как иначе пение весьма затруднительно для сказителя и может даже вызвать неприятные последствия для окружающих вроде неожиданного вихря и т.п.» [Котвич, 1967, с. 163].

Представления о временных ограничениях на исполнение эпоса бытовали у ряда тюркомонгольских народов в отношении «Джангара», «Гесера», «Хан-Харангуй» и других сказаний, которые в зимнее время в связи с опасностью навлечь большие бедствия не исполняли.

В калмыцком эпосе царит вечное лето. В реальной жизни с наступлением весны произносится обрядовая формула «Благополучно вышли из зимы». Зима и ночь в традиционных представлениях ряда народов Севера Евразии связаны с образом застывшей природы, ее временной «смертью»: считалось, что зимой небесный свод замерзает, и камлание небесным божествам невозможно ввиду непреодолимой преграды, которую могут осилить лишь самые

сильные шаманы. Это представление, быть может, взаимосвязано с указанием на исполнение сказаний «Джангара», дарованных владыкой подземного мира, именно во время зимы.

В сезон, когда существует запрет на сказительство (весенне-летний, дневное время), «вызывание дождя» происходило посредством лиц *задчи*, действовавших с помощью магических камней *зад*.

Взаимосвязь функций «вызывателя дождя» *задчи* и сказителя, который своим неканоническим исполнением также может вызвать дождь, отражена в атрибутах калмыцкого богатыря Хонгора, который выступает в самом эпосе как джангарчи (сказитель) — стрела и камень *зад*.

Нарушение календарных рамок исполнения «Джангара» связывалось с природными изменениями: наступлением бури, непогоды, даже со снегом весной и летом. Результат нарушения магических запретов схож с магическим воздействием особого камня *зад*, способного также вызвать обильный снегопад летом. Подобные представления прослеживаются в культуре родственных калмыкам народов. Н.Б. Дашиева [2001] полагает, что запрет на исполнение в неурочное время улигеров у бурят обусловлен отношением к тексту эпоса как обладающему магической силой, способной привести к нарушению космического порядка, провокации хаоса.

Сезонные и временные ограничения, связанные с исполнением эпоса, позволяют предположить, что древнейшие формы эпических песен взаимосвязаны с обрядами, имеющими значение организующих. Как и календарные обряды, сказительские песнопения приурочивались к кризисным, переходным моментам природного цикла, можно сказать, что они «строятся на контакте (конflikте, диалоге) коллектива ... с природой в целом» [Новик, 1984]. Сказительское искусство являлось востребованным в течение осенне-зимнего периода. Обращение к богатырской теме представлялось как инициирование героических подвигов, прибегание к помощи богатырей, олицетворяющих силы природы. Если провести параллель зима/ночь, то сказывание эпоса подобно укрощению природных стихий посредством исполнения эпоса, как, например, в легенде о старике-рыбаке, ставшем джангарчи [Монраев, 1985], инициированию «управляемых» процессов.

В связи с этим образом необходимо обратиться к календарным традициям этнических предков калмыков, в среде которых зародился эпос и архаические представления, связанные с ним.

2. Ранний календарь и представления о его предназначении

Калмыки как этнос появились в XVII в. на основе консолидации ойратских этнических групп, откочевавших в европейскую часть России. Культура калмыков связана с основным типом их хозяйства — кочевым скотоводством.

У них в счете месяцев и возраста скота сохранились пережиточные формы календаря, делившего год на осенне-зимний и весенне-летний сезоны, связанные также с охотничьим типом хозяйства. Система подобного счета присутствует в представлениях калмыков о каноническом времени сказительства — с осени до начала весны, когда начинается сезон, богатый дождями. Элементы календаря, в котором начало года приурочивалось к осеннему равенствию и оформлялось ежегодным жертвоприношением огню, сохраняются среди калмыков до настоящего времени: к данной традиции относятся обычаи завершения всех дел до месяца мыши (примерно октябрь), неприемлемости заключения брака в данном месяце. Символика начала присутствует в мифологическом сюжете, связанном с праздником начала весны: встреча Небесной Девы (Окн тенгр), прибывающей на коне из царства злобных мангасов, означает встречу солнца и спасение человечества. Исполнение магических сказаний в

«темное» время (осенне-зимний период) семантически близко традиции счета именно «темного времени», а не светлого (как и дневного времени). Последняя сохранилась в легенде о создании календаря. Согласно древнему сюжету, календарь («мгновенно узнающее желтое письмо») был создан «для счета зимнего времени», с целью приблизить наступление дня (и «светлого» сезона). Месяц, предшествующий наступлению весеннего праздника, калмыки до недавнего времени именовали «то-олдг сар» («месяц, который считают»). Мифологический мотив начала сезона дождей от первого весеннего месяца (связанный с образом драконов — хозяев воды) отмечает календарное время завершения канонического сезона сказительства.

В календарной обрядности главный праздник калмыков — Цаган Сар — праздник начала весны связан с данной традицией счета времени и календарных запретов на сказительство.

Таким образом, семантика канонического исполнения эпоса в осенне-зимний период и в темное время суток семантически может быть связана с процессом счета времени и «упорядочивания», т.е. архаическим ритуалом (вос)создания времени.

3. Календарь и его символы, связанные с образом медведя

В традиционной культуре калмыков имплицитно присутствуют и элементы, восходящие к другому пласту календаря народов таежной зоны Северной Евразии — календаря, связанного с образами медведя и оленя (лося) как маркерами сезонов.

Вероятно, данный календарь можно назвать «более ранним»: об этом свидетельствуют материалы, связанные с эпосом «Джангар». Архаичный пласт, отражающий характер организующих ритуалов, отражен уже в самом зачатке сказаний, в котором описываются начальные события в мире («это было в начале времен...»). Бытует представление о том, что «Джангар» существовал в предшествующие исторические периоды: «*Лбанһр омнк Авдыв бурхна цагт биля*» («Джангар» был во времена предыдущего бурхана Авдыв). Здесь налицо синкретическое слияние представлений о буддийских исторических периодах калпах и божествах, явившихся человечеству в эти периоды. Но Авдыв — имя, данное калмыками не явленному в мир Будде, а одному из «Панча татхагат» (дхьяни-будд) — Будде Амитабе, властителю западного рая, дарующего бессмертие, как и *Аюш бурхн* (Будда

Амитаюс)*. Другое народное имя Будды Амитабы — *Аюка*. В основе имен божеств, связанных с представлениями о долголети и бессмертии, лежит корень «*аю*», который присутствует в названии медведя.

Сакральная информация сохраняется в сакральной сфере. Архаический образ животного как символа определенного периода в календаре, трансформировавшись в антропоморфный образ божества — Хозяина года Джилин эзн (в отдельных источниках упоминается и название Джилин баав, букв.: Предок времени) с функциями творца, сохранился в культуре калмыков. Об этом свидетельствуют семантика второго имени данного божества — Делкян Цаган авга (в русскоязычной литературе он называется Белый старец), его иконография, характерная лишь для калмыцкой традиции, некоторые обряды.

Семантическая взаимосвязь образа Делкян Цаган авга с образом медведя, понимаемого как предок, подтверждается лингвистическими, фольклорными и обрядовыми материалами.

Лексика. *Авга* — означает 'дядя, дед'. Слово *абага* — общеалтайское [Ахметьянов, 1981, с. 11], причем у ряда народов исследователи отмечали, что понятия бабушка, дед ассоциируются с медведем-предком (алт. *абага* — 'брат отца', тув. *аба абахы* — 'дед, медведь'). В ойратском языке *баава (бабу)* — 'батьюшка' (почтительное обращение к князю — нойону), *бааваа (баабуу)* — уважительное обращение к матери ('мать, матушка'); *бавааха (бабаиху)* — 'быть лохматым, лохматиться' (о волосах, шерсти); *бавһар* — 'лохматый, обросший' [Тодаева, 2001, с. 49–50]. У торгутов КНР для обозначения медведя используется как форма «*аю*» (заимствованная из тюркских языков), так и «*баавһа*» [Жилян, 1955, с. 79]. Калмыки в прошлом называли медведя также *отег* (ср. в кирг. яз. *отокен*, якут. *утугэн хаан* 'хозяин леса, дух-хранитель медведя').

Слово *баав* 'отец, прародитель' — синоним терминам *аав* ('отец, дед') и *ав* (авга, т.е. 'брат отца, деда, предок'), приложимый к образу Белого старца, не именуемого в отличие от бурят и монголов, стариком (*овгн*; бур., монг. *эбуген*). В монг., бур. языках термин *баабгай*, созвучный полностью с калмыцким *баавһа*, означает отца, деда, медведя. По мнению Н.Б.Дашиевой, это слово состоит из двух: *бага+авга* (т.е. млад-

ший дядя), и калмыцкий материал подтверждает правоту этого автора.

Фольклор. В сказке о сыне медведя отражен мифологический сюжет о краже девушки медведем. Сюжет: кража, проживание в берлоге, появление сына, побег и борьба с медведем.

Обрядность. В обряде жертвоприношения земле и воде (т.е. отокен, матери земле, которая, судя по лингвистическим материалам, также была связана с образом хозяина леса), сохранявшемся среди торгутов Астраханской области, прослеживаются общие элементы с обрядами медвежьего праздника у эвенков (размеры столбика, ориентация, установка фигуры Цаган авга, имя которого можно этимологизировать как медведь, под столбиком, и имитация ветвей дерева и головы на столбике. В жертвоприношении прослеживаются другие элементы промыслового обряда, направленного на возрождение животного.

Реликтовые элементы, связанные с образом Белого старца, сохранились в календарных обрядах, и они дают представление о том, какой календарь был характерен для предков калмыков, а соответственно об их этногенетических истоках.

В календарной обрядности два праздника (из трех больших) связаны с данным типом календаря: праздник Хозяин года / Джилин эзн — в дни зимнего солнцестояния и Ур (Сага) Сар — в полнолуние первого летнего месяца), они же связаны с двумя аспектами почитания Белого старца (как предка и как хозяина земли).

Истоки образа Цаган авга связаны с почитанием медведя с функциями предка и с почитанием белого солнечного божества — регулятора жизни, хозяина времени, грозного божества.

Календарные праздники, связанные с образами Белого старца в его двух формах (Хозяин времени, Хозяин земли-воды), характерны в среде монгольских народов, для калмыков оба несут новогодний характер. Образы сайгака (*гёрянсн*, самец-сайгак — оон), оленя (*соһа*) и медведя (*аю*, *баавга*) являются также маркерами этих праздников.

Как видим, в культуре калмыков отражены два пласта календарной культуры, в которых по-разному выделялись периоды времени: 1) связанный с праздниками зимнего солнцестояния и начала лета, с образами медведя и оленя как

* Известно, что Амитаба связан с явленным человечеству Буддой Шакьямуни. Возможно указание на то, что он являлся божеством предшествующего периода, связано с представлением о даруемом бессмертии.

маркерами календаря, 2) связанный с осенним началом года, праздником начала весны и образом дракона.

Традиции сказительских запретов бытовали в различные периоды этнической истории, в рамках разных календарей. Мифологический мотив бытования эпоса «в период предыдущего бурхана», называемого Аюка, отражает архаические календарные традиции, связанные с различными этапами этнической истории и охватывающие обширный круг народов лесной полосы Северной Евразии.

Анализ круга представлений, связанных с исполнением эпоса «Джангар» и магическими последствиями нарушения канонов, позволяет поставить вопрос о реконструкции его ритуальных истоков, восходящих к обрядам первотворения, видимо, воспроизводившимся в календарных празднествах.

Канонические условия, соответствующие исполнению эпических сказаний, включают определенное количество участников и их подготовленность, наличие особого состояния (активность, следование за сказителем в действиях, полное отсутствие сонливости, которой остерегались джангарчи), маркировку особой позиции исполнителя. Кроме того, исполнение «Джангара» без особого повода, «беспокойство» богатырей вне обрядового назначения может вызвать обратный эффект, и «гнев» их способен оказать пагубное воздействие на самих людей» [Хабунова, 2005, с. 137–142]. Таким образом, нарушение традиционных канонов сказительства приравнивается к нарушению порядка, хаосу.

Исследователями описана традиция исполнения особых танцев у *торгутов* во время пения героических сказаний, которые, на наш взгляд, возможно связать с традицией календарных обрядов, оформлявших начало осенне-зимнего сезона и сопровождавшихся обрядовыми текстами. Среди *торгутов*^{*}, проживавших на юго-западной границе Монголии, сказитель Магсариин Пурэвжав (род. в 1893 г.) был известен именно исполнением этого танца *Agsal* (калм. *агсч* – 'быстрый, резкий'; *агсх* – 'вооружаться', устар. 'привешивать к поясу лук и колчан'), сопровождавшимся исполнением сказа-

ний о богатырях. Название танца и речитатива связано с его предназначением. Сопровождая вводную часть сказания (описание героя и его коня), танец являлся практически началом празднества. По сообщению М.Пурэвжава, *Agsal* – один из торгутских танцев древней традиции, состоит из двух частей: Большого и Малого *Agsal*. Этот танец сопровождается исполнением богатырских сказаний. Объясняя, почему эти сказания сопровождаются специальным танцем, джангарчи сказал, что богатыри обладают гигантской силой, они могучи и мужественны, охраняют границы государства, поэтому о них и их конях рассказывают подобным образом, при этом эпос сопровождается танцем. Танцы *Agsal* сопровождалось исполнением зачина сказания почтенными стариками, которые восседали вокруг танцующих на почетных местах. Остальные участники действия должны были стоять и проникаться волнующим ритмом, двигаясь вперед и назад, в разные стороны. Это было обычное вступление к обществу празднеству. Участники, сидевшие вокруг танцоров, слушали вступление к героическому сказанию [Dzagdsuren и др.]. Зафиксированная у западномонгольских *торгутов* традиция ритуальных танцев, сопровождающих исполнение зачина сказания четкими ритмическими движениями стоящих в кругу людей, свидетельствует о взаимосвязи ограниченных во времени исполнения песен с особыми обрядами осенне-зимнего значения. Исполнение пролога эпического сказания героического калмыцкого эпоса также подобно зачину, инспирирующему действия, относящиеся к эпохе первотворения («это было в начале времен..., вечности начинался рассвет».

Сходные с исполнением сказаний действия, имевшие место в календарной обрядности, анализирует Н.Б.Дашиева [2001, с. 126], которая отмечает: «...музыкально-ритмизованная подача текста в призываниях духов-предков, как и ритмически организованная пластика участников обряда в обрядности календарных праздников, выступают как сакральные действия, направленные на воссоздание ритмично упорядоченного в категориях пространства и времени нового мира». Исследователь приходит к выво-

* Торгуты – один из трех основных субэтносов калмыков. До 1771 г. субэтническая структура калмыцкого общества имела иную специфику: большая часть калмыков являлась торгутами. Уход калмыков во главе с наместником Убаши и ликвидация Калмыцкого ханства определили иное административно-территориальное деление и субэтнический состав, в котором дербеты и торгуты представлены в равной пропорции. Хошеуты остались малочисленными. Новая субэтническая группа – бузавы – сформировалась после переселения в донские станицы дербетов и торгутов.

ду, что значение ритма корреспондирует с актом мифологического первотворения, при котором был задан ритм пульсирующего времени и подчиненного этому ритму пульсирующего пространства, а бурятские *улигеры** в традиционном мировоззрении выступали в качестве аналога мирового древа, и их исполнение являлось сакральным действием, посредством которого устанавливался упорядоченный во временной протяженности мир.

В калмыцкой эпической традиции не сохранилась традиция танцев *Agsal*, бытование которых зафиксировано учеными среди *торгутов* — их западномонгольских соплеменников. Как уже отмечалось, *Agsal* — не просто пляска, а особым образом организованное ритмическое движение (для большинства участников, главным образом, раскачивание, танцорами исполняются более активные движения), значение которого — инициирование действий. Круговое расположение участников ритуального танца символизирует сакрализацию пространства, в котором внутренний круг, образованный сидящими стариками, исполняющими зачин, обладает наибольшей сакральностью, в нем центр маркируется танцорами; вокруг сидящих стариков слушатели также включались в ритмические движения, располагаясь по кругу. Традиция музыкально-ритмизованных действий, включавших круговые танцы с исполнением зачинов сказаний, зафиксирована у *торгутов* — близкородственного калмыкам народа, что позволяет предположить бытование подобных танцев и у этнических предков калмыков.

Ритуальные танцы, известные по зафиксированному у *торгутов* *Agsal*, предварающие в каноническом круге исполнение сказаний, действие которых относится к «началу времен», т.е. первоначальной эпохе, вероятно, восходят к древнейшим обрядам, в мифологическом мышлении представлявшимся в качестве периодически повторяющихся актов первотворения. Эпические сказания, исполнение которых регламентировалось зимним и темным временем (зимние ночи), связаны с парадигмой движения, творения, содержание которой раскрывалось в магических песнопениях, с течением времени обретших сюжетные формы.

Символика инициирования, начала установления порядка в природе связана с «темным» периодом, который необходимо «считать». Но само понятие «счет» взаимосвязано в культуре калмыков с цикличностью временных

периодов, завершенностью природных циклов, поэтому у них отдельные объекты (звезды, люди, пища) не подлежат счету. И наоборот, то, что подлежит счету, обладает свойством конечности, качеством, которое необходимо при счете зимних дней. Взаимосвязь сказительской традиции с календарными обрядами и традиционными представлениями об осенне-зимнем периоде, который следовало «пережить», показывает, что установление контакта с миром духов, миром богатырей, которое происходит в процессе исполнения эпических песен, должно способствовать контакту человеческого коллектива с природой, успешному выходу из сложного периода. Дальнейшее «открытие» контакта с небесной сферой — весной, когда природа пробуждена ото сна, опасно в силу превращения природных явлений в стихийные бедствия, что вновь свидетельствует об инициальном значении эпических сказаний.

Традиция сказительских табу семантически близка календарным традициям охотников с неравным членением года и парадигме осени-зимы (ночи) как времени начала. Но в калмыцкой культуре имелась также традиция, фиксировавшая в качестве начальной противоположную точку отсчета — летнего времени. На наш взгляд, существование в культуре калмыков обычаев, восходящих как к осеннему (счет возраста животных, календарные жертвоприношения огню) и летнему новому году (*Ур сар*, другое название XVIII в. — *Сага сар*), так и зимнему новому году (праздник Хозяина года в дни солнцестояния), связано с процессами этногенеза ойратов, в которых участвовали разные племена Центральной Азии. Понятие о системе счета времени не могло не отразить общие традиционные воззрения калмыков о счете объектов. С парадигмой конечности, завершенности связано представление о необходимости счета зимнего периода, мотивация которого служит в легендах причиной создания календаря. Парадигма открытости связана с весенними и летними месяцами, в течение которых исполнение инициальных по семантике эпических произведений запрещается во избежание хаоса и стихийных бедствий.

Таким образом, каноническое исполнение эпических сказаний, табу на сказывание в течение дневного и летнего времени восходят к архаическим обрядам предков калмыков, сущность которых заключалась в инициировании, в воссоздании древнейшего времени первотво-

* Улигеры — эпические сказания.

рения. Сакральные обряды, окружавшие исполнение героического эпоса, отражают мифологические события и являют собой актуализацию первоэпохи и первотворения.

Истинное исполнение у калмыков воспринималось как пение с сопровождением игры на инструменте. Считается, что джангарчи сопровождал свое пение игрой на хуре (хуур, хур*) или *ятхе***. Существует упоминание и о другом смычковом инструменте — *товшуре****. По мнению А.Г.Демина [2000, с. 18], хур появился у монголов во время расцвета киданьской империи Ляо, но его прообразом являлся архаический инструмент, который первоначально применялся «исключительно в качестве атрибута ритуально-обрядовой сферы ранних монголов, где ему отводилась роль средства магического воздействия, посредника между божественным миром и человеком». В монгольской шаманской традиции термин «хуур» означает музыкальный инструмент типа варгана, «являющийся транспортным средством шамана во время странствования в мир духов» [Батжаргал, 2000].

Таким образом, материалы о получении дара калмыцкими сказителями свидетельствуют о том, что джангарчи и шаман обладают типологически сходными чертами: инициационные действия во время обретения дара, необходимость особой атмосферы сказительства, вхождение сказителя в особое измененное состояние сознания на грани срыва энергии, осуществление связи между коллективом и миром богатырей (и отправление их в путешествие на подвиги), наличие музыкального инструмента, выполняющего роль, семантически приравняваемую к роли транспортного животного. Но функции джангарчи в исследуемый период ограничивались сказительским мастерством; в литературе нет упоминаний о совмещении функций сказителей и шаманов. Возможно, это связано с тем фактом, что в XIX в. вообще не встречаются сведения о шаманах. Но магическое действие сказителя сравнимо с деятельностью других лиц — «вызывателей дождя», называемых у калмыков *задч*. Воздействие на погоду могло осуществляться как посредством магических приемов, выполняемых *задч*, так и пением «Джангара», в котором важную роль играли временные ограничения и мелодия.

Как отмечает В.К. Шивлянова, «для обозначения напевного речитирования калмыцкими джангарчи используется термин *дуулһн* (калм. пение), а монголами и синьцзянскими ойратами — выражение *Жангар хайлах*. В переводе с монгольского *хайлах* означает «плавиться», а также как устаревшее, почтительное слово «плакать». У калмыков это выражение уже не употребляется в связи с исполнением эпоса, но в языке сохранилось значение *хөөлх* — «превращаться в жидкость», «расчувствоваться» и в качестве почтительного слова в тексте самого эпоса — «плакать» [Шивлянова, 1997, с. 38–40]. Объясняя исчезновение данного выражения другим состоянием исполнительской традиции в Калмыкии, В.К. Шивлянова предполагает, что в архаическую эпоху для ойратской традиции исполнения эпоса было характерно горланное пение, и сопоставляет монгольское слово *хайлах* с тюркским обозначением *кай* (алт. «горловое пение») как однокоренные слова притом, что «Джангар» у алтайцев обязательно исполнялся в традиции *кай*. Общий корень, возможно, и у слов *хайлах* и *хайр*, *хяялх* и *хяярхн*.

Каноническое исполнение эпоса, призванное с помощью магической силы богатырей преодолеть темное время, семантически близко как понятию «счета темного времени», так и «таянию» небесного свода.

Литература

- Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М.: Наука, 1981, — С. 11.
- Батжаргал Б. Проблема периодизации музыкальной культуры Монголии: Дис. ... канд.культур.наук: 24.00.02 / ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2000.
- Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). — М.: Улан-Удэ, 2001.
- Демин А.Г. Монгольские смычковые инструменты, их роль и место в культуре народов Центральной и Восточной Азии: Автореф.дис. ... канд.ист.наук: 07.00.07 / Вост-Сиб. Гос.акад.культуры и иск-в. — Улан-Удэ, 2000. — С. 18.
- Жиэян Э.-Б. «Угин эрк» кемеян оршв. — Элиста, АПП «Джангар», 1995. — С. 79.
- Котвич Вл. «Джангариада» и джангарчи // Ученые записки КНИИЯЛИ. — Вып.5. — Элиста, 1967. — С. 163.

* Хур — смычково-струнный инструмент. Также называется музыкальный инструмент типа варгана.

** Ятха — щипково-струнный типа гуслей.

*** Товшур — двухструнный инструмент типа русской домры.

Монраев М. Жанһрин туск домг // Хальмг унн. – 1985 жилин апрелин 2.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. – М.: Гл.ред. вост.лит-ры, 1984. – С. 217.

Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен “Джангара” и полевым записям автора). – Элиста, 2001. – С. 49–50.

Хабунова Е.Э. Героический эпос «Джангар» и джангарчи в системе традиционной обрядности кал-

мыков // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. Материалы Международного конгресса: в 2 ч. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. – Ч. 2. – С. 137–142.

Шивлянова В.К. О традиции исполнения героического эпоса «Джангар» // Шамбала. – Элиста, 1997. – № 5–6. – С. 38–40.

Dzagdsuren U., Kara D., Tsooloo J. Khan Siir. A Chapter of the Jangar Epic // Acta Orientalia Scientiarum Hung. Tomus XXXVI (1–3). 1982. – P. 272.

Е.Р. Bakayev

Kalmyk epos “Dzhangar” and calendar ceremonialism.

The article is devoted to the study of the Kalmyk epos “Dzhangar” in the context of the Kalmyk culture calendar. On the basis of structural and semantic analysis of the author comes to the important conclusion that the epos is a special ritual mechanism of culture, regulating the calendar time. The plots given in article from mythology and folklore of Kalmyks show that archetypal model calendar manifest the idea of struggle between light and darkness, so that the deep semantics of calendar representations are closely interwoven with the epos model of the world.

Keywords: Kalmyks, the traditional representation view, heroic epos, calendar, sacral information, initiation symbolics, the archaic era.

УДК 398(=1-81)

В.П. Марфусалова

Этнокультурные связи коренных малочисленных народов Северо-Востока России

Межнациональные контакты и отношения, которые формируются при этом, являются органической составной частью духовной и материальной культуры. В постиндустриальном обществе связи между народами приобретают глобальные масштабы. У кочевых народов Севера, в частности тунгусоязычных народов, межэтнические контакты происходили постоянно. В статье рассматриваются общие элементы у народов Севера, сформированные в результате межэтнических контактов, ассимилятивных и интегративных процессов.

Ключевые слова: народы Севера, этнос, картина мира, этнокультурная общность, культура, межэтнические контакты, отношения, взаимосвязи, интеграция, обогащение, расселение, Северо-Восток России, заимствования в языке, ассимиляция.

Межэтнические контакты, взаимосвязи и взаимовлияния характерны почти для всех народов, так как нет изолированных друг от друга этносов и культур. При этом отношения между народами являются органической составной частью духовной жизни общества, его культуры, в частности культуры человеческих отношений в целом. В постиндустриальном обществе картина мира меняется очень динамично, а связи между народами приобретают глобальные масштабы. Такие процессы присущи кочевым малочисленным народам Севера, в частности этническим меньшинствам, расселенным на Северо-Востоке России. Малочислен-

ные народы Севера представлены во всех восьми субъектах Дальневосточного федерального округа: в Хабаровском крае – нанайцы, эвенки, эвены, ульчи, нивхи, удэгейцы, негидальцы, орочи, в Республике Саха – эвенки, эвены, юкагиры, в Магаданской области – чукчи, эвены, эскимосы, коряки, чуванцы, ительмены, Приморском крае – удэгейцы, Сахалинской области – нивчи, орочи, эвенки, нанайцы, ороки, Камчатском крае – коряки, чукчи, ительмены, алеуты, Амурской области – эвенки.

Характерными в контексте межэтнических связей и взаимовлияний являются тунгусоязычные народности. Расселение тунгусоязыч-

ных народностей Сибири по территориям Северо-Востока в ходе их этнической истории и хозяйственной деятельности привело к уникальному явлению. При общей их численности, которая в настоящее время составляет примерно 40 тыс. чел., они расселились на огромном пространстве от Енисея до Тихого океана и от Забайкалья до Ледовитого океана. *Эвенки расселились от побережья Охотского моря на востоке до Обско-Иртышского междуречья на западе, от Северного Ледовитого океана на севере до Прибайкалья и реки Амур на юге.* В Якутии эвенки живут в Олекминском, Усть-Майском, Оленекском, в Жиганском и Алданском улусах. За пределами территории России — в Монголии и Китае.

С юга и юго-востока в Прибайкалье приходили тюркские, монгольские и маньчжурские племена. В результате их смешения с эвенками образовались различные хозяйственно-культурные типы эвенков — «пешие» (охотники), «оленные» (оленоводы) и «конные» (коноводы), жившие в Китае, Монголии и Забайкалье. Проникновение отдельных как крупных, так и мелких их подразделений в районы, граничащие с областями расселения других коренных народов Сибири, в иноэтническое окружение сопровождалось разнообразными двусторонними межэтническими связями. Следствием этого было формирование ряда локальных групп тунгусоязычного населения, хозяйство и быт, материальная и духовная культура, социальная организация которых включали в себя некоторые элементы таковых соседних народностей. Эвенки-оленоводы были известны под местными самоназваниями: илэ («человек») — на верхней Лене, Подкаменной и Нижней Тунгуске, нижнем Витиме; мата — на Олекме; орочен (от реки Оро или от «орон», «олень») — от Забайкалья до рек Зея и Учур; килэн — на Охотском побережье и др.; одна из групп оленных эвенков в Китае названа якутами (йэкэ), так как возводила себя к якутам. Конные эвенки были известны в Забайкалье как хамныган, онгкору, в среднем Приамурье как бирарчен (бирары), манягир (манегры); оленные эвенки называли их мурчен («лошадиные»). Эвенки имели связи с якутами на Северо-Востоке, с монголами и маньчжурами — в Забайкалье; в Прибайкалье часть эвенков находилась в зависимости от бурят, манегры и бирары, жившие по левым притокам Амура, — от дауров, солонь — от маньчжурского правительства Китая. В XIX в. эвенки появились на нижнем Амуре и Сахалине, группа оленных эвенков — в Якутии, манегры и

бирары переселились в Северный Китай, часть эвенков с Енисея ушла на Таз и Обь.

В процессе контактов эвенки частично ассимилировались с русскими, якутами (особенно по Вилюю, Оленеку, Анабару и нижнему Алдану), монголами и бурятами, даурами, маньчжурами и китайцами.

Развивались торговые отношения: в обмен на пушнину эвенки выменивали у русских металлические изделия, сукно, у якутов — скот и железные изделия, у бурятов — скот, железо, зерно (просо), ткани, серебряные украшения из Китая и Монголии, у маньчжуров и дауров Приамурья — муку, ханшин (водку), китайские ткани, посуду, украшения.

Начало контактов эвенков с якутами на современной территории Республики Саха (Якутия) относится к различным периодам времени. Наиболее ранними эти контакты были на Вилюе, в междуречье Амги, Алдана и Май. Межэтнические контакты особенно усилились на рубеже XVII и XVIII веков в связи с развитием товарообменных отношений в период освоения Сибири русскими казаками и торговцами. Эвенки стали приобретать покупные товары (мука, чай, соль, оружие, боеприпасы) у зажиточных русских и якутов и затем расплачивались пушшиной. Каждый год весной и осенью эвенки выходили на фактории сдавать пушнину и брать в долг необходимые им товары и съестные припасы.

Местом постоянных контактов эвенков и русских является бассейн р. Вилюй. Начало этнического взаимодействия тунгусов с якутами на Вилюе относится к годам, когда ленские якуты стали осваивать нижнее течение Вилюя. Жившие там тунгусы были обьякучены. Они не имели ни оленей, ни скота и промышляли в основном рыболовством. Русские называли таких тунгусов «пешими якутами». К середине XVII в. «пешие якуты» исчезают из ясачной документации, что является индикатором их окончательного поглощения якутами.

Происшедшие изменения были причиной того, что в 1910 г. часть вилюйских эвенков была переведена местной администрацией из разряда «бродячих инородцев» в «кочевые», что соответствовало социальному статусу якутов. Иная ситуация сложилась в других, более северных районах региона, малоподходящих для развития скотоводства и земледелия. Переселившиеся туда якуты занимались преимущественно охотой, рыболовством и оленеводством. Те и другие жили в чумах, крытых летом берестой, а зимой — выделанными лосиными кожами.

В результате длительного и тесного взаимодействия тунгусов с якутами, сопровождавшегося большим количеством смешанных браков, в северных районах региона во второй половине XIX в. сложилось метисное население, говорившее на якутском языке, но имевшее хозяйство и быт тунгусского типа. В настоящее время это население рассматривается как своеобразная этнографическая группа якутского народа, однако в дореволюционной статистике оно именовалось тунгусами. Аналогичным образом именовались и те ассимилированные якутами тунгусы Вилюя, которые продолжали сохранять в своем хозяйстве оленей и, следовательно, вели образ жизни, близкий к традиционному тунгусскому.

В XII–XIII вв. на территорию Якутии пришли с юго-востока эвенки. Часть этих эвенков, задержавшись на средней Лене, образовала там три крупные территориальные группировки — Сологон, Дулиган, Эдиган. При продвижении по территории региона эвенки вступали в контакты с местными аборигенами. Большинство последних составляли самодийцы — предки современных энцев и нганасанов, а на нижнем Вилюе, прилегающем отрезке Лены и нижнем Алдане этими аборигенами были древние уральцы — пришельцы с запада.

Происходившее в XVII–XIX вв. интенсивное освоение якутами Северо-Запада было причиной ассимиляции ими значительной массы тунгусского населения. Результатом указанного процесса было сложение нового якутскоязычного народа Севера — долганов, а также этнографической группы в составе якутского народа — северных якутов-оленьеводов. Начиная с 30-х гг. XVIII в. процесс продвижения якутов на Охотское побережье принял более интенсивные формы. В основном это было связано с необходимостью заселения нового Охотского тракта, связавшего Охотский порт с Якутском, что вызвало переселение якутов в эти районы. Кроме того, часть якутов попадала в Охотский край в связи с транспортировкой грузов, которые они сопровождали в качестве проводников. Некоторые же якутские семьи переселялись сюда по собственному желанию. Наряду с этим движением якутов на восток, в места расселения эвенков, имело место и явление обратного порядка, а именно: часть эвенков спускалась с гор и поселялась у якутов. Нередко эвенки свыкались с образом жизни якутов и женились на якутках. Дети от таких браков считались якутами и совершенно сливались с коренным якутским населением.

Одним из факторов, способствовавших ускорению якутско-эвенкийского смешения, являлось то, что почти все группы восточных эвенков отличались значительным преобладанием мужского населения. Поэтому подавляющим большинством смешанных якутско-эвенкийских браков являлись браки эвенков и якуток. Немаловажную роль в развитии эвенкийско-якутских контактов играл и природно-географический фактор. Якуты закреплялись главным образом в местностях с благоприятными условиями для ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства, вследствие чего эти районы становились местами наибольшей якутизации эвенков. Одним из таких районов было междуречье Амги, Алдана и Май. Далее на восток рельеф местности становится все более гористым, и в верховьях Май уже редко встречаются луговые места, пригодные для скотоводства. В соответствии с природно-географическими условиями данного региона постепенно с запада на восток интенсивность якутского влияния на эвенков уменьшалась. Самые западные из североохотских эвенков, расселенные по среднему течению Алдана, были в значительной степени ассимилированы якутами и уже в конце XIX в. почти не отличались от последних ни в хозяйственном отношении, ни по языку. В литературе алданских эвенков вместе с эвенками, расселенными несколько восточнее, по нижнему течению р. Май, принято именовать кочевыми или полuosедлыми. В.А. Туголуков считает, что несмотря на то, что нижнемайские эвенки представляли собой такую же якутизированную группу, как и алданцы, они, будучи менее зажиточными по сравнению с последними, ближе соприкасались с так называемыми бродячими эвенками и этим, хоть и незначительно, все же отличались от алданцев.

Несмотря на крайнюю малочисленность якутского населения в этих местах, в традиционном хозяйственном комплексе до сих пор наблюдаются следы якутского влияния. Так, если терминология, относящаяся к вьючно-верховому оленному транспорту, здесь эвенкийская, то для упряжной езды характерны в основном якутские наименования. В то время как ездовая оленья нарта имеет у эвенков свое название толгоки, оно здесь употребляется гораздо реже, чем якутский термин сирга (якутская сырга — сани, нарты). Все основные части нарты также носят якутские наименования: синак — полоз (якутское сынгаах); баттик — продольные скрепы (якутское баттык); торай —

поперечный деревянный вяз (якутское туорай). До настоящего времени аяно-майскими эвенками на промысле используются охотничьи ловушки на медведя (соксо — пасть-ловушка). Такие ловушки эвенки ставят обычно недалеко от оленьих пастбищ. На зиму эти сооружения разбирают. Широко распространенным у майских эвенков является приготовление якутским способом из оленьего молока масла и взбитых сливок. Как продукты (масло — ари, от якутского арыы; взбитые сливки — корчэк, от якутского куорчэх), так и деревянная мутовка — итык (от якутского ытык) называются только якутскими терминами. Якутский способ взбалтывания молока мутовкой в быт верхнемайских эвенков вошел в результате позднего влияния якутов. Наоборот, заимствования у якутов одежды имеют давнюю основу. Об употреблении традиционного костюма типа фрака с нагрудником помнят лишь некоторые информаторы старшего поколения из рассказов своих родителей. В настоящее время коренное население носит обычную городскую одежду, в то время как национальный костюм сохраняется преимущественно как промысловый. В последнем никакого различия у эвенков и якутов не наблюдается. Зимой в тайге используется доха из оленьей шкуры мехом наружу, имеющая прямой свободный покрой, запахивающиеся полы и отложной воротник. Называется она якутским термином санийак, реже по-эвенкийски — мукэ. Старая поношенная доха с вылезшей оленьей шерстью используется на осенних работах и называется по-якутски арбагас, реже по-эвенкийски — нянмакан.

Помимо терминов, обозначающих воспринятые от якутов элементы культуры, в современном языке эвенков встречается немало количество якутских синонимов, употребляемых наряду с эвенкийскими обозначениями или даже предпочитаемых последним. Так, для меховых ноговиц имеются два наименования: эвенкийское дэктэн и якутское кэнчи. Рябчика (эвенкийское хинуки) чаще называют бучугурас (от якутского бочугурас), росомаху (эвенкийское дянтаки) — якутским салтарай. Наряду с эвенкийским турук (соль) употребляется якутское туус. Только по-якутски называют лекарственную траву в виде папоротника кавал, применяемую при простудных заболеваниях. В то же время вследствие последовательного интенсивного расселения якутов за пределы исторического расселения изменилась этническая структура якутского народа. Продвигаясь в долины Вилюя, Индигирки и Колымы, якуты ут-

верждали свою традиционную систему скотоводческого хозяйства и устоявшийся веками быт. В результате сложного процесса адаптации к периферийным областям Ленского края возникли такие своеобразные этнографические группы якутского этноса, как вилюйская, верхоянская, колымская, олекминская, которые ассимилировали значительные группы эвенков (тунгусов), эвенков, юкагиров. Усвоив якутский тип скотоводческого хозяйства, коренное население по культуре быстро уподобилось якутам, и якутская культура стала здесь явно доминировать.

Культура эвенков в настоящее время представляет собой сложное переплетение элементов традиций культуры с разного рода новациями. С изменением условий жизни одни элементы традиционной культуры исчезали, значение других уменьшалось, а третьи сохранялись и развивались. По-разному воспринимаются эвенками и элементы интернационального культурного опыта: одни из них приняты и вошли в быт, другие не получили особого распространения. Это сочетание традиционного и нового создает неповторимый, довольно мозаичный рисунок современной культуры эвенков.

Важный элемент материальной культуры любой этнической общности — национальная одежда. О степени ее сохранения и бытования у эвенков говорят данные массового опроса 1989 г. В Байkitском районе 71,1% опрошенных (общее число их 246 чел.) имеют национальную одежду. Чаще всего это зимняя верхняя одежда и унты, причем национальную одежду имеют 71,4% мужчин и 71,0% женщин. Сравнение разных возрастных групп показало, что тенденции исчезновения этого элемента национальной культуры не наблюдается: в группе 50 лет и старше имеют традиционную одежду 70,8% опрошенных, в группе 16–24 года — 69,3% и все же можно констатировать, что традиционная одежда эвенков сохраняет определенную стойкость в современной жизни, по крайней мере верхняя одежда, а также обувь (унты). Связано это с их удобством, рациональностью в условиях Севера. Незаменимы они и в промысловом хозяйстве.

Влияет на сохранение традиционной одежды и обуви, особенно женских унтов, также их популярность среди пришлого населения. Женские унты, украшенные бисером, можно встретить и далеко за пределами обитания народов Севера. Можно сказать, что они стали составной частью интернациональной урбанизиро-

ванной культуры. Это стимулировало и промышленное производство женских унтов в мастерских. Поддержанию престижа национальной одежды способствует и использование ее в коллективах художественной самодеятельности, а их в Эвенкии не так уж мало. Танцевальные группы имеют, как правило, комплекты сценической национальной одежды. Правда, эти сценические формы одежды подверглись большей или меньшей стилизации, что отличает их от подлинно национальных образцов. Впрочем, такая стилизация наблюдается и у других народов. Некоторые виды традиционной одежды в быту почти не используются, сохраняются лишь в музее. Такие компоненты национальной культуры, как утварь, посуда, орудия промыслов, транспортные средства и т.п., еще продолжают бытовать у эвенков, прежде всего в семьях, где занимаются традиционными промыслами — охотой, оленеводством.

Наиболее часто упоминаемые информаторами вещи — это берестяные изделия, олени верховые и грузовые седла, переметные сумки, камусные лыжи, инструменты для обработки оленьих шкур. Очевидно, и в дальнейшем некоторые предметы традиционной утвари будут приобретать характер национальных сувениров, выходить из бытового утилитарного использования. Вместе с тем развивается производство сумок из оленьей шкуры, камусных лыж и т.д., что способствует сохранению этих элементов традиционной материальной культуры и в обозримом будущем. Наряду с хозяйственными и культурными особенностями в каждой из этих групп сложились также диалектные различия, появились характерные этнонимы, родовой состав. Таким образом, оформились региональные варианты культур локальных групп эвенков, которые отличались друг от друга по некоторым частным, заимствованным в ходе этнических процессов элементам и объединялись одной единой основой — культурным компонентом. В то же время определенное влияние тунгусоязычные народности оказали и на контактировавшие с ними другие этнические аборигенные и пришлые общности.

Этническое взаимопонимание — этнопсихологическое явление, ядро которого составляет эмпатия, сходство установок, близость и однотипность психики, черт национального характера, традиций, образа жизни, обычаев представителей близких по этническим признакам наций и так далее, на основе которых возникают взаимные симпатии, доверительность межличностных отношений, психологическая

совместимость межнационального или внутринационального взаимодействия. Культурно-этнические контакты народов Севера, в частности эвенков и саха, имеют также длительный исторический период, они привели к развитию общих культурно-языковых компонентов.

Элементы национальной культуры, воспринимаемые как характерные именно для данной национальной общности, тем самым выполняют этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции. При этом в качестве этноопределяющих признаков могут выступать и заведомо заимствованные элементы. Восприятие индивидом национальной культуры своей нации обычно является главным результатом функционирования ее самосознания. Обмен элементами национальной культуры между разными этносами составляет важнейший фактор их существования. В большинстве стран обычно присутствует несколько различных национальных культур. Как правило, в этих странах можно выделить субкультуру большинства наций и субкультуры национальных меньшинств. Примером такого соотношения культур является Россия.

Орнаментальные мотивы эвенков — обычно прямые полосы, треугольники, ромбы, квадраты. Завитки и парные спирали — отпечаток якутских мотивов. Знатоки эвенкийского орнамента умеют по характеру узора определять, где выполнена та или иная вышивка. Отголоски давних племенных традиций продолжают жить в современных узорах. У эвенков сохранился охранительный магический смысл орнаментальных узоров.

Языковеды общность в словарном составе и грамматическом строе, наблюдаемую между тунгусоманьчжурскими, тюркскими и монгольскими языками, объясняют не их общим происхождением, а заимствованиями, появившимися в результате длительного экономического и культурного взаимодействия.

Выводы

— Межэтническим контактам народов Севера способствовали территориальная общность, социально-экономические и торговые связи.

— Изучение этногенеза и этнической истории народов приводит к выводу об общих элементах в материальной и духовной культуре двух аборигенных народов Сибири.

— Межэтнические контакты народов привели к ассимилятивным процессам с преимущественным переходом к русскому языку.

— Основными причинами ассимиляции являются численное преимущество, межнациональные браки, создание государственной автономии, более раннее появление письменности доминирующих народов и т.д..

— В настоящее время аборигенные малочисленные народы Северо-Востока России входят в этнокультурную общность — народы Севера.

Использованная литература

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. — Л., 1948.

Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. — М., Наука, 1966.

Карлов В.В. Эвенки в XVII — начале XX века. — М., 1982.

Межнациональные отношения в регионе (по материалам Якутской АССР): Сборник научных трудов. — Якутск, 1990.

Народы России: Энциклопедия. — М., 1994.

Культуры народов Якутии. — Якутск, 1992.

Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. — Л., 1975.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. — М., Наука, 1985.

V. P. Marfusalova

Ethnic-cultural ties of the minorities native people of the North East of Russia

International contacts and the relations which are formed in this case, are an organic part of the spiritual and material culture. In the post-industrial society ties between the people get the global scales. At the nomadic people of the North, in particular the Tungus-speaking people, interethnic contacts happened constantly. In article examines the general elements at the people of the North formed as a result of interethnic contacts of assimilative and integrative processes.

Keywords: the peoples of the North, ethnos, world picture, ethno-cultural community, culture, interethnic contacts, the relations, interrelations, integration, enrichment, settlement of, the North-East of Russia, borrowing in the language, assimilation.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 57:316.6

Е.П. Яковлева

О биологических механизмах биосоциальной адаптации человека

Рассмотрены ведущие натуралистические концепции, учитывающие географические, климатические факторы, являющиеся краеугольным камнем в представлениях о биосоциальной адаптации. Освещены основные значения понятия адаптации. Проанализированы биологические механизмы социальной адаптации для выявления оптимальных путей разрешения методологических противоречий теории и практики социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, механизмы адаптации, биологические механизмы адаптации, адаптационный синдром, адаптивная норма, адаптиогенез, адаптивно-адаптирующая система, стратегии адаптивного поведения.

«Жизнь, по определению лауреата нобелевской премии Г. Селье [1960], есть процесс постоянной адаптации к постоянно изменяющимся условиям среды». Под средой, по-видимому, следует подразумевать как природные условия существования, так и социальные, включая техногенные аспекты. Общество в целом и его современные реалии, в частности, в большей мере определяют уровень сегодняшних проявлений социальной адаптации, ее новые черты. Социальная адаптация формировалась с целью обеспечения оптимальной регуляции трех видов взаимоотношений: человек — человек, человек — социум и человек — природа с тем, чтобы гармонизировать совокупность отношений как в самом обществе, так и общества с природой.

Переход от биологического уровня адаптации к социальному обусловлен изменениями в биосоциальной сущности человека. Диалектика биологического и социального может быть представлена как целый ряд антиномий: человек не может возникнуть только по законам биологической эволюции и одновременно не может возникнуть вне их; он возникает по данным законам и в то же время не формируется — подчиняется законам развития общества и природы. Человек одновре-

менно является существом и биологическим, и социальным, и его эволюция заключается в адаптации ко всей совокупности изменений как природной, так и социальной среды [Кузнецов, 1989].

Эта сложная для исследования проблема вызывает острый интерес разных научных направлений. Многими поколениями исследователей созданы теоретико-методологические основания для дальнейшего выявления общих и специфических механизмов адаптации. По-видимому, задача исследователей механизмов социальной адаптации личности к изменяющимся условиям среды значительно облегчена научной разработкой проблем в рамках биологии, экологии, медицины, психологии и на междисциплинарном уровне.

Огромная заслуга многих выдающихся биологов и нейрофизиологов заключается, прежде всего, в том, что они независимо друг от друга, идя разными путями, пришли к характеристике моделей и механизмов решения проблемных ситуаций. Они создавали модели на основе своих экспериментальных исследований и обобщений. Вместе с тем они наметили границы и очертили некоторые новые, весьма существенные стороны активности адаптивного процесса.

© Е.П. Яковлева, 2013.

Именно поэтому следует дать высокую оценку экспериментальным данным, обобщениям и концепциям П.К. Анохина, относительно «опережающего отражения» действительности, афферентного синтеза и акцептора действия; «модели потребного будущего» Н.А. Бернштейна; представлениям Л.В. Крушинского об экстраполяционной деятельности нервной системы; нервной модели стимула Е.Н. Соколова; понятию психологической установки Д.Н. Узнадзе.

Первые попытки выяснить механизмы адаптиогенеза строились на организмоцентрическом подходе, где за единицу эволюции брался отдельный индивид. В основе организмоцентрического подхода лежал метафизический способ с типичным для него признанием неизменности разобщенности вещей и явлений. Уже в античной философии это представление нашло отражение во взглядах Платона, поддерживаемых и развиваемых в науке вплоть до XIX в. Согласно этой концепции, сущность вещей неизменна, изменения их незначительны, не имеют никакого значения для характеристики содержания вещей и явлений [Григорян, 1989].

Концепции эволюции, основанные на организмоцентрическом подходе, породили ошибочное представление о выработке филогенетических адаптаций путем прямого приспособления, путем функционального приспособления или в результате психических реакций индивидов и целеустремленности эволюционного процесса в целом.

Основной закон эволюции — естественный отбор «требовал рассматривать в качестве элементарной единицы эволюции не отдельный организм, а некоторое множество, популяцию» [Завадский и др., 1970].

Только с 40-х гг. XX в. началось формирование популяционной биологии (популяционной генетики и экологии), послужившей основой для перехода от организмоцентрического к популяционно-центрическому подходу и эволюционной теории. «Современная синтетическая теория эволюции соединила в себе теорию естественного отбора с популяционно-центрическим пониманием элементарной единицы эволюции. Этим самым теория естественного отбора впервые приобрела логическое завершенное основание [Завадский, Колчинский, 1971].

Большое значение победы популяционно-центрического подхода в теоретической биологии является сейчас несомненным. Это находит отражение в следующих концепциях,

которые заслуживают более пристального рассмотрения.

Понятие «адаптивная норма» было предложено И.И. Шмальгаузенем и означает совокупность адаптивных модификаций. Данное понятие позволяет описать процесс эволюции приспособительных механизмов человека, а также решить вопрос о расширении адаптационных возможностей на различных стадиях онтогенеза человека:

а) соотношение здоровья и болезни как особых состояний человека выражается через понятие «адаптация»: чем лучше человек приспосабливается к природным и социальным факторам, тем выше показатель общественного здоровья;

б) недостаточная логико-гносеологическая и общеметодологическая разработка проблемы «болезнь — адаптация» требует дальнейшего теоретического исследования самого понятия «адаптация».

Важнейшее значение концепции И.В. Давыдовского состоит в том, что в ней еще в начале 60-х гг. был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего изучения противоречивости адаптации человека как в норме, так и при патологических состояниях на основе популяционно-центрического мышления [Верещагин, 1988].

Вторая концепция — общего адаптационного синдрома, основы которой сформулированы в 1936 г. Г. Селье, привлекла внимание исследователей к проблеме соотношения специфического и неспецифического в адаптации человека. Подробный анализ данной концепции уже сделан, а в рамках нашего исследования важно следующее:

а) Селье обосновал и показал наличие общих, неспецифических реакций организма, направленных на поддержание гомеостаза организма при действии любых раздражителей, превышающих физиологическую норму адаптации, в том числе и социальной природы;

б) выделена особая группа болезней с позиции неспецифического, общего, присущего большинству болезней, получившая название «болезней адаптации» [Селье, 1979].

На наш взгляд, актуальна третья концепция, учитывающая специфику нашего региона, — «синдром полярного напряжения» В.П. Казначеева [1980], она характеризует специфическое напряжение организма человека, прибывшего на Север, формирующееся в результате действия на организм сочетания неадекватных как природных, так и социальных факторов среды.

Выделенный синдром связан с определенными патогенетическими особенностями, которые отражают специфические и неспецифические механизмы адаптации. Во-первых, автор различает адекватные и неадекватные условия среды. Адекватные условия — это те, которые соответствуют генофенотипическим конституционным свойствам организма в данный момент его существования. Механизмы биологической адаптации к таким условиям есть результат длительной эволюции и онтогенеза. Неадекватные условия — это те, которые не соответствуют в данный момент основным свойствам организма, и тогда жизнедеятельность живых систем возможна только при «включении» дополнительных механизмов адаптации.

На основе функционально-временного принципа В.П. Казначеев выделяет различные стратегии адаптивного поведения людей и соответственно адаптивных типов в человеческих популяциях в районах Крайнего Севера. Первый тип — «спринтер» обладает высокой степенью физиологических реакций на кратковременное колебание условий среды. Второй тип — «стайер» выдерживает длительные физиологические воздействия, но менее устойчив к кратковременным колебаниям условий среды. Третий тип — смешанный наиболее оптимальный вариант адаптивной стратегии. Таким образом, В.П. Казначеев приходит к выводу, что при синдроме полярного напряжения у людей первого типа возможны хронические патологические процессы, у людей второго и третьего типа достигается приспособление к условиям Крайнего Севера [Казначеев, 1980].

Из этого следует, что разработанные ранее варианты построения теории адаптации человека не выходят за рамки мозаичности объекта исследования и нуждаются в дальнейшем развитии. Во многих исследованиях адаптационный синдром, синдром полярного напряжения представляют собой способы системного реагирования организма как функциональной системы, охватывающие жизнедеятельность человека во всем объеме индивидуального развития. Общебиологические категории адаптации, стресс-синдрома содержат, по мнению авторов, единство организма и личности, поскольку выражают такие динамические отношения целостного организма, высшее звено интеграции которого есть совокупность черт, свойств, составляющих содержание понятия «личность».

Как верно отмечает В.Ю. Верещагин, реализация биологических законов у человека протекает не просто на фоне, а под непосредственным воздействием законов социальных. К сожалению, биологические механизмы адаптации человека многими исследователями, за редким исключением, рассматриваются недостаточно глубоко. В основном человек в таких исследованиях предстает «сгустком социума», законы развития которого принципиально противоположны законам всего живого [Верещагин, 1988].

Как отмечает Н.П. Бочков [1981], «направленность и механизмы эволюции человека как биологического объекта остаются теми же, что и тысячелетия тому назад, но в результате социального и научно-технического прогресса меняются способы, правила и сроки эволюции».

Другая точка зрения представлена в концепции Т. Добжанского, который, прямо выступая против разрыва культурных и генетических изменений, называет два необходимых и достаточных условия взаимосвязи культурной и биологической эволюции: а) генетические вариации морфологических, физиологических и психических признаков; б) влияние их на генетический вклад в следующее поколение. В то же время он выделяет такие формы отбора в человеческих популяциях, как нормализующий, балансирующий, частно-зависимый, деструктивный (рассеивающий). Эти формы отбора, по мнению Т. Добжанского, обеспечивают человечеству универсальный генофонд, который создает фенотипы, приспособленные к различным условиям среды. При этом естественный отбор определяется как различный вклад генотипов в следующее поколение [Dobjansky, 1972].

Следует учитывать универсальность биологического механизма адаптации человека. Например, Э.С. Маркарян [1981; 1977], интерпретируя различие биологических и социальных систем в рамках кибернетически понятого адаптивного поведения живых систем и соответственно учитывая специфику человеческого общества как особого типа организации, предложил отнести человеческое общество к особому подклассу универсальных «адаптивно-адаптирующих систем».

Он приходит к выводу, что адаптивно-адаптирующая система человека включает в себя не только биологические механизмы адаптации, но и в первую очередь — социальные механизмы, позволяющие либо изолироваться от вред-

ного воздействия среды, либо преобразовать данную среду так, чтобы она соответствовала нормальному биологическому и социальному развитию человека.

Итак, анализ показывает, что в научной литературе под адаптивным механизмом понимается совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптивный потенциал личности для восстановления нарушенного стационарного состояния в системе «адаптивно-адаптирующая среда». Для всех субъектов адаптации существуют общие и свои специфические адаптивные механизмы. Адаптивный механизм вступает в действие, как правило, при наличии двух взаимообусловленных компонентов: адаптивной ситуации и адаптивной потребности. Адаптивная ситуация, возникающая с переходом личности из одной социальной среды в другую, вызывает потребность в адаптации, или адаптивную потребность, под которой понимается стремление субъекта привести в соответствие с изменившимися условиями социальной среды свои стереотипы поведения, привычки, представления или изменить среду.

Для достижения удовлетворительной адаптации человека в новых реалиях социальной среды универсальными должны быть и механизмы адаптации. При этом более адаптированными оказываются те индивиды, группы, в арсенале которых преобладают не специализированные, а всеобъемлющие механизмы, которые позволяют обеспечить эффективное функционирование адаптивной системы в широком диапазоне действующих факторов природной и социальной среды.

М. Коул отмечает, что Теодосий Добжанский был прав, когда писал: «История человеческого вида порождена взаимодействиями биологических и культурных переменных; пытаться понять биологию человека, пренебрегая культурными влияниями, столь же бесполезно, сколь бесполезно пытаться понять происхождение и подъем культуры, пренебрегая биологической природой человека. Биология и культура человека — это части единой системы, уникальной и беспрецедентной в истории всего живого» [Коул, 1997].

Природа своими генетическими и мутационными процессами создает для адаптации необходимые предпосылки в конкретной структуре личности — телесной, нейродинамической, психологической, в характере задатков его способностей, склонностей, дарований, а также деформаций, патологических отклоне-

ний, и общество обуславливает возможности широкого развития в человеке качеств неповторимой индивидуальности. Как верно замечает Б.М. Кершенгольц, «...эпистемологическое значение исследования феномена адаптации простирается во все области науки о живом. В эволюционной биологии и медицине содержание адаптационного аспекта постоянно расширяется. Благодаря углублению нашего понимания феномена адаптации и его механизмов становится возможным расширение границ нормы и патологии» [Чернобровкина, Кершенгольц, 2011].

Таким образом, следует отметить, что весь жизненный путь человека является результатом сложнейшего взаимодействия адаптаций: биологических, социальных, психологических, которое и делает каждого конкретного человека уникальным.

Литература

- Бочков Н.П. Методологические и социальные вопросы современной генетики человека // Вопросы философии. — 1981. — №1. — С. 51–62.
- Верецагин В.Ю. Философские проблемы теории адаптации человека. — Владивосток, 1988. — С. 36–38.
- Григорян Б.Т. Проблема философского осмысления научного знания о человеке // Человек в системе наук. — М., 1989.
- Завадский К.М., Георгиевский А.В., Мозелов А.П. Философские проблемы современной биологии. — Л., 1970. — С. 82.
- Завадский К.М., Колчинский Э.И. Значение проблемы изменчивости факторов и законов эволюции // Наука и техника (вопросы истории и теории). Вып. 2. — Л., 1971.
- Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. — Новосибирск, 1980.
- Казначеев В.П., Михайлова Л.П. Биоинформационная функция естественных электромагнитных полей. — Новосибирск, 1985.
- Калайков И.Д. Теория отражения и проблемы приспособления. — М., 1986. — С.109–142.
- Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. — М., 1997. — С.191.
- Кузнецов М.А. Мировоззренческие аспекты целостного подхода к человеку в концепции ноосферы // Комплексные проблемы человека. — М., 1989.
- Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция и системный подход // Системные исследования. Ежегодник. 1980. — М., 1981. — С. 145.
- Маркарян Э.С. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. — Ереван, 1977. — С.199.
- Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. — М., 1960.
- Селье Г. Стресс без дистресса. — М., 1979.

Чернобровкина Т.В., Кершенгольц Б.М. Фундаментальные и медико-социальные аспекты аддиктологии: (краткий курс лекций). Т. 1. — Якутск, 2011. — С. 356.

Dobjansky Th. Natural selection in Mankind // The structure of human populations. Oxford. 1972. — P. 214–228.

E.P. Yakovleva

About biological mechanisms biosocial human adaptation

Considered the leading naturalistic concept, taking into account the geographical, climatic factors, which are the cornerstone of the notion of social adaptation. Learn the basic meanings of adaptation. Analyzed the biological mechanisms of social adaptation.

Keywords: social adjustment, coping mechanisms, biological mechanisms of adaptation, adaptation syndrome, adaptive norm adaptogenesis, adaptive-adapting system, strategy of adaptive behavior.

УДК 1:(811+39)

А.Г. Пудов

Функциональность языковой и этнокультурной среды: онтологический аспект

В статье раскрыта функциональность языковой среды в современных условиях десимволизации сознания и преобладания знаковости. Показано, что природа языка, его устойчивость и жизнеспособность зависят от символов сознания, фундирующих его. На фоне утраты этнических символов сознания язык народов Северо-Востока России деградирует, этническое мигрирует в сферу искусства. Показаны решения за счет сохранения этнического символизма в новых формах культуры, символосинтеза и трансмиграции мифологически конципированного этнического символизма к метафизическому.

Ключевые слова: язык, символы сознания, этнический символизм, саха, мифологическое и метафизическое конципирование, символотворчество, символосинтез, трансмиграция этнических символов, символическая онтологизация сознания, этнокультурная модернизация.

Место языка в сохранении этнокультуры. Естественный процесс смены традиционного способа хозяйствования (как правило, аграрного для окраин России) массово завершился. Размывается основанная на такой хозяйственной модели этномифологическая система «рождения человеческого». Отсюда та самая интенсивная утрата внутренней системы нравственности народа. По сути, с уходом системы внутренней нравственности этноса [Пудов, 2011, с. 156] исчезает и народ. Единственным ответом на данный вызов этнической культуре, становится ее самосохранение и возможность саморазвития. Определяющая роль языка как составной, но все же не всеобъемлющей части этнической культуры несомненна. XX в. выдвинул на волне неопозитивизма новую гносеологическую парадигму. Это изучение языка, детерминирующего, по их мнению, всю палитру человеческого бытия. «Лингвистический поворот» прошлого столетия обозначил роль языка в познании окружающего мира, его смысла как

текста и даже литературного произведения. Сегодня сформировался целый пласт научных направлений, основой которых является язык. Это собственно философия языка, социолингвистика, теория речевых актов, социология речевых коммуникаций. Обратимся к онтологическому срезу представленных направлений, останавливаясь на философии языка.

Вспоминая две парадигмальные линии философии языка, напомним, что согласно первой, представляемой Б. Бернстайном, язык есть функция социальной общности, ее социокод [Касавин, 2011, с. 11–12.], выражение и поддержание ее структуры. Согласно второй — границы языка определяют онтологический характер мира [Там же, с. 12]. Так по М. Хайдеггеру, язык — дом бытия. Данная аналитическая традиция (философия языка) отражена в работах Э. Сепира и Б. Уорфа, Л. Витгенштейна.

Но что стоит за языком? Философы отвечают — сознание. Приведем живописательную

© А.Г. Пудов, 2013.

характеристику соотношения языка и сознания: «Язык же по существу своему является пространственным и предметным» [Гиренок, 2010]. Сознание всегда «О» чём-то. «О» сознания — это результат трения сознания о язык. Это мозоль сознания. Для того, чтобы понять сознание, нужно срезать его языковой нарост. Сознание без «о» становится беспредметным. В нем нет знания о предметах. Знание в сознании не от сознания, а от языка. Редуцируя «о» мы избавляемся от проблемы удвоения вещей. Мир перестает двоиться. Ни один предмет больше не существует сначала где-то там, в пространстве, а затем у тебя в голове, т.е. в сознании... Деррида, ...придумал один из способов борьбы с языком. В сознании вычеркивается знание, но сознание остается как «со». И это будет само сознание. Один на всех — символ, но сознание об этом молчит. Оно понимает. Язык говорит и недоговаривает, устанавливая коммуникативную границу между говоримым и умалчиваемым. Язык услужлив. Он соблазняет знаками, которые понятны, доступны и не требуют особого труда при своем использовании. Для сознания недоговоренное — это как гвоздь в ботинке. Ему некомфортно, тяжело, ибо договаривание требует напряжение ума» [Гиренок, 2010].

Напомним, что этногенез и рождение этноса мы связываем с символотворчеством — процессом сотворения спектра символических образований: вербальных, графических, а также вещного формообразования, несущего символическую нагрузку, а как дополнение — дальнейшую идеологическую проработку и закрепление произведенных символических конструкций через жанры устного народного творчества и ритуальной практики, наполненных спорадическим локальным психологизмом [Пудов, 2011, с. 97].

Этносимволизм соответствует укладу, который существовал столетиями и был привязан к системе традиционного аграрного хозяйствования. Сегодня, когда этносы полноценно не существуют в поле хозяйственной практики традиционной культуры, они не могут «подобрать ключик» к пониманию символов сознания прошлого. У них нет возможности обретения бытия, когда-то завоеванного предками.

Культурная формализация, выполняющая функцию редукции понимания и низведения его до нейтрального по отношению к сознанию знания, явила водораздел «миф—логос» и «знание—понимание». Каждому члену деления соответствует свой символизм. Первому элементу

бинарных пар соответствуют вторичные символические образования национальных мифов, функцией которых становится обеспечение рождения человечности. Это не столько понимание, сколько фиксирование определенных знаний как социального нормативного кода. Знание, таким образом, сформировало руководящее этическое пространство, ориентирование на которое является обязательной нормой, непререкаемой традицией. Культурный мутагенез древних греков, поставил во главу угла механизм порождения знания как побочной содержательности, остающейся как остаточный продукт рефлексии над сознанием, которое каждый раз должно быть воспроизведено «hic et nunc» («здесь и сейчас»). Не столько специальные символы, а новые культурные формы (например «древнегреческая трагедия», «сократовский диалог», «гражданская агора полиса») и возникающие на этом культурном фоне особые метафизические, а затем и христианские метафизические символы, явились конструкциями рождения логоса и его продукта — понимания.

Введение мифических «персонажей» — этнических псевдосимволов сознания позволяло за счет совмещения в своем теле: явлении, вещи или герое — противоположностей разрешить противоречивое для человека мифологического мировоззрения — противопоставление природы и культуры [Пудов, 2011, с. 162–163]. Кентавричная соединенность двух важнейших для человека центров в одном теле разрешала мучающие человека сомнения. А способен ли я лично на это соединение? Миф давал ответ — отчасти ты можешь это, если сопряжешься с этим «телом» — псевдосимволом. Таким образом, мифологический псевдосимвол осуществлял перенос ответственности с самого человека на мифический объект. Псевдосимвол выполнял за человека функцию, на которую тот не был способен. Результатом была истина о человеческой предназначенности.

Основной способ конструирования метафизических символов был заимствован философами в мифах. Он был хорошо им известен. Однако если в мифологическом способе кодирования и расшифровки подобных символов присутствует явная наглядность (наличность) и воспринимается она как должная, то в философском звучании подобных символических интерпретаций будет поставлено жесткое ограничение на идеологическое раскручивание данной наглядности. В метафизическом символе нет изоляции от бытия, нет указания на

какие-то недоступные в действительности сверхъестественные вещи. Сверхъестественное отменяется — срабатывает запрет, указующий на появление качественно нового метафизического мировоззрения.

Что происходит с современным российским человеком? К тому же, если этот человек традиционен, а его социальная реальность неразрывно сочетается с промыслами, национальными обычаями, сельскохозяйственным укладом. У российских северных этносов имеет место особый культурный топос, провинциальный менталитет, а культура модерна имеет к ним опосредованное отношение. Поэтому существует необходимость наращивания богатства символической природы этносов, творческого развития этнической культуры. Назрела необходимость видеть символический характер вещей и состояний сознания. Заметим, что приобщение к символической европейской культуре будет являться условием любых возможных перманентных социальных трансформаций.

Тенденции этнокультурных процессов. Сегодня мы наблюдаем следующие основные, на наш взгляд, тенденции в региональных этнических культурах. Далее будем опираться на анализ, проводимый на основе наблюдаемых явлений в этнической культуре саха, культурах коренных малочисленных народов Северо-Востока Российской Федерации — юкагиров, чукчей, долган, эвенов и эвенков.

Первую тенденцию назовем «осознанной неорганической консервацией». Под ней мы подразумеваем сознательную социально-политическую (идеологическую) установку на сохранение, инициированную политической, образовательной и научной сферой по сохранению этнических культур. Данная тенденция фиксируется в политических и социальных программах законодательных собраний субъектов Российской Федерации, экономических и культурных задачах национальных субъектов. Актуальность консервации этнической культуры обретается для этносов, напрямую связанных с традиционными видами хозяйствования — оленеводством, коневодством, рыболовством и охотой. Для них остро встала проблема утраты родного языка, обрядов и традиций. По сути, вопрос встал об исчезновении этносов как уникальных культурных явлений. Немногочисленность юкагиров, чукчей, долган, эвенов и эвенков усиливает деградиционные процессы в жизнеспособности их этнических культур. Продиктована данная политика сохранения пониманием того, что в глобальном мире

без родовых корней человек будет испытывать феномен осиротения, утраты собственной идентичности как человеческого достоинства, выстраиваемой и поныне на основании базовой этнической идентичности.

Вторую тенденцию обозначим «неосознанной естественной консервацией» в период, когда традиционный аграрный уклад народа уходит в небытие. Сегодня происходит первичная органическая реакция на вызов эпохи — миграция этнического в сферу искусства. Усиленно этот процесс происходит у оседлых этнических культур — якутов, у которых массово сократилась в XX–XXI столетиях доля занятых традиционным способом ведения аграрного хозяйства. Этническому бытию почти не остается ниши в социальной и хозяйственной структуре современного общества. В современную индустриальную и постиндустриальную эпоху наблюдается инкорпорирование вторичного символизма этноса в произведения искусства, с нередким сопряжением с универсальным метафизическим символизмом. На фоне миграции этнического символизма в сферу эстетического происходит процесс саморазвития этнокультуры за счет символотворческих явлений в процессе создания произведений искусства.

Внутри процесса символического саморазвития этнической культуры происходит двоякое явление: с одной стороны, обыгрывание этносимволизма в современных формах культуры — изобразительном искусстве, танце, театре, кинематографе, мультипликации, моде и «завоевание своей родной культуры» маргинализированными и урбанизированными относительно этнической культуры слоями общества.

Современному этносу необходим не искусственный процесс перенесения ценностей и норм европейских культурных завоеваний просто как знания, а налаживание в этнокультуре возможностей принятия новых органических способов утилизации универсальных символов. Эти способы утилизации символов подразумевают понимание различия в способах кодирования и интерпретации символов разной природы, налаживание связей между мифологическими символами этнокультуры и символами культуры метафизической.

С другой стороны, происходит сопряжение в одной культурной форме символов разной природы кодирования. Здесь возникает новая проблема: что перевесит, мифологический или метафизический способ кодирования социальной реальности? Примерами стали новые эксперименты для якутов в кинематографе последних 5 лет.

Что мы наблюдаем в настоящий момент? Это две главные тенденции: консервация этнического символизма мифологическим способом кодирования и символотворчество и символосинтез — как метафизический способ кодирования.

Для языка это выражается в следующем:

1) Новая социальная реальность, не связанная с традиционными видами аграрного хозяйствования, формирует свой язык; с одной стороны, как следствие — язык нищает, возникает весомая доля заимствований из других языков (преобладающее явление); с другой стороны, язык обогащается чужеродной, заметим — знаковой, а не символьностью.

2) Язык формирует свою социальную реальность. Возникает вопрос: какова должна быть языковая политика по масштабу и качеству, чтобы язык стал источником, способным диктовать и формировать новую социальную реальность? Как обогащать язык? Где он станет носителем смыслов: в обыденной речи, газетах, журналах, интернете, телевидении, аутентичной современной якутской литературе, переводной классике или современной отечественной и зарубежной литературе, театре олонхо, якутском кинематографе или мультипликации?

Что стоит за языком? Язык любит «облегчать» напряжение сознания: «Язык предлагает сознанию свои услуги. Он может избавить его от напряжения, заменяя ум привычным употреблением слов. И всегда нужно выбирать: или напряжение ума или легкость языка. И выбирают, как правило, язык. Языковые знания подавляют сознание, изгоняют его из языка и запирают в подвале умалчиваемого. Не сознание фильтрует язык, а язык фильтрует сознание, используя мощь общепризнанного, всем известного и само собой понятного. Поэтому знание общее для всех, одно на всех — это не сознание, а репрессия языка по отношению к сознанию» [Гиренок, 2010]. Можно констатировать, что язык деградирует, если утрачивается символический спектр сознания, стоящий за языком.

Решение. Нужно сохранить этнический символический спектр сознания. Он действительно имеет место для культуры саха в олонхо, артефактах якутской материальной культуры, он в мелодике якутских напевов и музыкальных инструментов. Его нужно выявить и может быть извлечь? Но куда его поместить потом? Ведь он уже в органической среде культурного обрамления — культурных формах, придуманных этносом в традиционную эпоху.

Единственный выход мы видим в символическом ренессансе, подразумевающем следующие программные этапы:

1) отрефлексировать и презентовать спектр этнических символов, трансформированных культурной переработкой в ценности рассматриваемой культуры;

2) создать «обрамление» — условия сохранения экзистенциального поля функционирования символического спектра этнокультуры за счет изобретения новых современных форм культуры с индуцированным этническим символизмом в них. Результатом последнего станут: а) синтетическая соединенность в границах указанных выше форм символов родного этнического спектра и универсального; б) осуществится постепенная трансмиграция символов этнического спектра.

Вариантом сохранения экзистенциального пространства этнического символизма станет выстраивание новой модели его функционирования за счет символосинтеза и символотворчества [Пудов, 2012, с. 157.]. Последнее ярко выражено в сфере искусства. Напомним, что символический ренессанс культуры, по сути, станет процессом продления этногенеза. Сегодня его предоставляет искусство, производящее фиктивные формы, — единственный способ разрушения далеко зашедшего культурного формализма. Ведь то, что нельзя увидеть органами чувств, можно увидеть через форму символа, ритма [Мамардашвили, 1997, с. 213–214]. Таким способом реанимируется бытие этносимволов и создаются условия для их участия в современной социальной реальности. Для этносов новая социальная реальность — это превращение этнокультурного символизма и поведения в культурный капитал.

Однако нужно отметить, что модернизация этнокультуры испытает скорее инерционный вариант — консервацию этнического, присущего мифологическому концепированию, — доминантному когнитивному способу мировосприятия северян. В этом смысле воссоздание «архаического языка» олонхо, туго привязанного к прошлым, ритуально непоколебимым социальным кодам взаимодействия, уязвит феномен свободы личности, ее гражданственности. По крайней мере, без них не возникает наука. Поэтому проблема отрыва от вязкого контекста мифологического прошлого, от языка потребует большой работы в живых литературных жанрах, развязывающих в якутском языке феномен свободы личности, правосознания, гражданственности.

Молодежи понадобятся формы современной культуры с высоким потенциалом мимесиса. Сегодня нашей якутской молодежи свойственно подражать образцам молодежной субкультуры (японской, корейской). На этом фоне у нее возникает потребность изучения японского и корейского языков. Формы актуальной якутской культуры не должны отставать в данном процессе.

Сегодня происходит трансмутация культуры. Реальность, в которую погружены современные северяне, охарактеризуем как транзитивную. Если присмотреться, то увидим, что традиционный уклад сохраняется именно там, где того требует ранимая и легко не восстанавливаемая природная среда. Следовательно, этносы и их культуры являлись важным неотделимым компонентом существования человека в такой среде — другого способа пока нет, но может быть он появится благодаря современным технологиям и возрожденным на новой онтологической основе символам сознания, выстраивающим этическое отношение к природе. В сущности, нужно оставлять метафизический зазор для человеческого достоинства через наполнение метафизическим смыслом этнических символов с обязательным включением последних в новые формы культуры.

Мы хотим спросить себя: а можно ли использование этнического символизма в современных условиях сделать настолько же продуктивным, как и в прошлые исторические эпохи? На наш взгляд, трансмиграция символов возможна. Она предполагает блокирование механизма наглядности, имеющей место в мифологическом типе конципирования (кодирования и декодирования) символа. Существует необходимость блокировки содержательной наличности символа, концентрации на его форме как определяющей. Меняется тип кодирования и интерпретации с мифологического на метафизический. Суть изменений на основе символической онтологизации сознания раскрывается

фиксацией лучших образцов жизни сознания, предоставление им возможности занятия ниши в современных социальных структурах.

Все вышеназванное можно назвать символической онтологизацией сознания — символическим ренессансом, возвращением этнического символа в память современного поколения. Здесь можно назвать фактор успешной, завершенной этнокультурной модернизации — это трансмиграция этнического символизма, наполнение этносимволизма новым смыслом, посредством метафизического типа конципирования. Символический ренессанс суть усилие по завоеванию глубин собственной этнической культуры, а также открытие новых метафизических возможностей в этой родной культуре.

Литература

Гиренок Ф.И. О сознании. (философский факультет МГУ) // URL: <http://filosfak.ru/lekz/> (дата обращения: 01.12.2010)

Касавин И.Т. Познание и язык // Эпистемология и философия науки, 2011. — Т. XXX. — № 4. — С. 5—15.

Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. — М.: Аграф, 1997. — 311 с.

Пудов А.Г. Ключевые парадигмы кодирования социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011. — №5 (11): в 4-х ч. Ч. I. — С. 161—166.

Пудов А.Г. Кодирование транзитивной социальной реальности на основе синтетического символизма сознания: вопросы этномодернизации // Там же. — 2012. — №4 (18): в 4-х ч. Ч. I. — С. 152—158.

Пудов А.Г. Феноменология и онтология символов в контексте модернизации этнокультур // Вестник Северо-Восточного федерального университета. — Т. 8 №2, апрель—июнь 2011. — С. 93—98.

A. G. Pudov

Functionality of the language and ethnic-cultural environment: ontological aspect

In the article the features functionally of the language environment in modern conditions desymbolization consciousness and the prevalence of significance. It is shown that the nature of the language, its stability and viability depends on the symbols of the consciousness, founding it. On the background of ethnic symbols loss, the language of the peoples North-East of Russia is degrading, ethnic migrates into the sphere of art. Showing solutions by maintaining the ethnic symbolism in the new forms of culture, with symbols synthesis, transmigration from mythological to metaphysical concepts.

Keywords: language, symbols of consciousness, ethnic symbolism, Sakha, mythological and metaphysical conceptualization, symbol creation, synthesis of symbols, transmigration of ethnic symbols, symbolic ontologization of consciousness, ethnic and cultural modernization.

А.С. Саввинов

Исидор Барахов: творческое применение марксизма в Якутии 1920-х годов

Рассматриваются взгляды видного партийного, государственного и общественного деятеля И.Н. Барахова в контексте марксистского учения, и как они соотносились с политикой партии большевиков в первые годы советской власти в Якутии.

Ключевые слова: учение Маркса, классовая борьба, новая экономическая политика, политика классового расслоения, мелкая буржуазия, повстанческое движение.

Выпускник Вилюйского высшего начального училища Исидор Иванов, будучи воспитанником Якутской учительской семинарии, становится активным участником тайного политического кружка, организованного Емельяном Ярославским (М. Губельман) и в сентябре 1917 г. вступает в члены Коммунистической партии большевиков. Этот шаг, скорее всего, носил не случайный и спонтанный характер, а свидетельствовал о мировоззренческой зрелости молодого человека, душой и сердцем принявшего учение К. Маркса. Трудно переоценить роль исключительно одаренного, всесторонне развитого Миня Губельмана в становлении личности будущего Исидора Барахова. Сын политического ссыльного поселенца, член Петербургского комитета РСДРП, делегат V и VI Лондонских съездов РСДРП, участник первой российской революции, Ем. Ярославский, человек, испытавший в жизни десять лет тюрем и каторги, ученый этнограф, географ, геолог, краевед, человек, знавший более десяти языков, любивший природу и народ Якутии, древнее искусство якутов, воистину был крестным отцом Исидора Иванова не только потому, что был полиглотом, а прежде всего потому, что глубоко знал суть марксистского учения. Сегодня, почти спустя век, читая статьи Исидора Барахова, поражаешься глубине анализа и широте охвата материала, знаниям тончайших оттенков жизни родного народа, есть что-то напоминающее его «крестного отца». О глубоких знаниях Ярославского свидетельствует следующий факт. Как пишет профессор Л.С. Филиппов в книге «Исидор Никифорович Барахов», «однажды М.К. Аммосов, будучи представителем Якутии в Москве, прочитал лекцию слушателям коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, в которой сказал о правильности политики классового

расслоения. После лекции Ем. Ярославский пригласил его к себе и сказал: «Начинаешь придерживаться неверной идеи, надо проводить политику, учитывающую особенности уклада якутской жизни. Из Вашего выступления следует реальная опасность обвинения тоёнов и купцов в «контрреволюции» (пер. с якут. языка мой. — А.С.) [Филиппов, 2006, с. 25].

В связи с вышеизложенным представляет интерес письмо К. Маркса к другу-революционеру Иосифу Вейдемейеру от 5 марта 1852 г.: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.28, с. 427).

Таким образом, в марксистском учении о классовой борьбе, классы проходят определенные этапы исторического развития, прежде чем начнется открытая борьба между ними. Это связано с осознанием их сущности в историческом процессе. Первоначально класс проходит такую ступень развития, которая называется класс «в себе». На этом этапе класс не осознает своих коренных интересов, совпадения и противоположности с интересами других классов. Например, на начальной ступени развития пролетариат не противопоставлял свои интересы интересам буржуазии. Как пишут Маркс и Энгельс, «экономические условия превратили сначала народонаселение в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 183). Дру-

гими словами, класс существует объективно как класс «в себе» с момента формирования системы отношений к средствам производства. Но этого недостаточно для развертывания различных форм классовой борьбы, прежде всего, политической. Классики исторического материализма выдвигают на первый план субъективное становление класса на основе осознания классом своих коренных интересов, тогда класс становится классом «для себя». И лишь на этой высшей ступени собственного развития класс пролетариев начинает свою антагонистическую борьбу, приводящую в конечном итоге к его диктатуре. Разумеется, как отмечено в письме к И. Вейдемейеру, высшая ступень развития класса пролетариев связана с определенными историческими фазами развития производства [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 259].

В 1917 г. в России вспыхнул пожар революции. В центральных российских городах — в Москве и Петербурге сценарий социальной революции протекал в полном соответствии с ленинским учением о революционной ситуации: «...недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому 2) обострение выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» [Ленин, с. 218]. Третий пункт революционной ситуации означает повышение политической активности народной массы.

Согласно учению Маркса, сама революционная ситуация есть проявление глубинного конфликта между производительными силами и производственными отношениями, т.е. она могла проявиться лишь в очень развитых капиталистических странах, но не в такой аграрной в целом стране, как Россия. С другой стороны, признаки революционной ситуации могли многократно усиливаться истощением страны мировой войной. Что же касается политической активности народных масс, то в марксизме она содержательно означает, прежде всего, достаточно высокий уровень образованности как следствие распространения пролетарского мировоззрения, чего трудно ожидать в сельскохозяйственной стране с преимущественно мелкобуржуазным сознанием. Поэтому совершенно естественно, что марксистское учение о классовой борьбе на огромной территории России применялось в форме «неизменной схемы»: Богач, значит эксплуататор, бедняк — эксплуатируемый и между ними не может быть примирения. Революционное переустройство векового уклада жизни особенно

тяжело и болезненно проходило на национальных окраинах.

Исидор Никифорович Барахов внес огромный вклад в обретение народом саха своей государственности. Его мысли и думы как крупного государственного деятеля, научные знания ученого были направлены на творческое применение марксистского учения для эффективного и безболезненного переустройства традиционного, родоплеменного уклада родного народа на новый социалистический лад. Это обстоятельство хорошо проявляется, во-первых, в воззрениях Барахова по вопросам классовой борьбы, во-вторых, в вопросах его отношения к интеллигенции.

Глубинное знание марксистского учения о классовой борьбе позволило Барахову занимать позицию, совпадающую с курсом партии большевиков, принятым Десятым съездом РКП(б) — с курсом новой экономической политики (НЭП). Этот курс радикально изменился в 1927 г. на Пятнадцатом съезде РКП(б), когда центральной задачей партии была признана коллективизация и уничтожение кулачества как класса.

13 июня 1922 г. И.Н. Барахов в газете «Ленский коммунарь» печатает статью под названием «Классовое содержание Якутии». Основное содержание статьи Барахова сводится к обоснованию тезиса «якуты в массе — мелкие собственники и, как таковые, принадлежат к классу собственников, к классу буржуазии», которые делятся на три группы по их имущественным отношениям: бедняки, середняки и тойоны. Далее, имеется незначительная по количеству группа хамначитов — подлинных пролетариев и группа интеллигенции, которая не является самостоятельным классом. В своей статье Исидор Барахов задается вопросом: «Можем ли мы говорить, что население Якутии в его якутской части однородно по всему социальному положению?» и отвечает: «Нет».

На первый взгляд, двухлетняя политика классового расслоения приводит к нивелировке якутского хозяйства. Действительно, тойонат экономически урезан, хамначиты получили землю и осели на ней. Барахов пишет: «Сделайте опыт действительного проведения в жизнь всех начал НЭП, т.е. укрепите индивидуальное собственническое мелкое хозяйство якутов, восстановите обмен, за которым неминуемо следуют не больше не меньше, как капиталистические отношения, — и вы увидите, что останется от этой нивелировки... Мелкая буржуазия и есть мелкая буржуазия».

Что этим хочет сказать Барахов? Политика классового расслоения не затрагивает глубинную сущность уклада жизни людей, мелкобуржуазное сознание никак не меняется политикой классового расслоения.

Исидор Барахов обращает внимание на то, что якутское общество — общество мелких собственников, т.е. люди испокон веков жили на огромной территории не единой массой, а распределялись по аласам и водоносным истокам, заботясь о своем хозяйстве в соответствии с традиционным укладом родоплеменных отношений. И в силу этого обстоятельства власть пролетариев-хамначитов и батраков должна стремиться привлечь на свою сторону массу населения мирным путем, не проводя политику классового расслоения, не разрушая веками сложившиеся взаимоотношения между людьми, только лишь таким путем проводить политику построения новой жизни — вот основная мысль Барахова. На чем же основывает свою мысль Барахов? Прежде всего, «мелкое сельское индивидуалистическое собственническое хозяйство — мелкобуржуазно... Стоит ли говорить о том, что с мелкобуржуазной стихией, которая недаром называется стихией, ибо это действительно нечто бесформенное, неопределенное, несознательное», прибавлю от себя: ... якутское, благодаря своей необычной отсталости, еще сильнее... Мелкая буржуазия — это класс, колеблющийся, неустойчивый — и далее Барахов опирается на мысль Ленина: «Распыленность мелкого производителя, крестьянина объединяет экономически и политически либо буржуазия, либо пролетариат. О «третьем пути», о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные нарциссы. Разорение, нужда, тяжесть положения вызывает колебания: сегодня за буржуазию, завтра за пролетариат. Только закаленный авангард пролетариата способен устоять и противостоять колебаниям» [Исидор Никифорович Барахов: сб. док. ..., с. 126]. Таким образом, власть пролетариев может притянуть к себе мелкотоварного собственника. Второй момент связан с отношением власти пролетариев к интеллигенции. Летом 1922 г. Барахов подготовил статью «Советская власть и якутская интеллигенция», в которой он делит якутскую интеллигенцию на тех, кто оказался «по ту сторону» от нас, т.е. на тех, кто оказался в первых рядах повстанцев, и на тех, кто по тем или иным причинам остался «по эту сторону». Барахов подчеркивает, что на такое положение дел, безусловно, оказала влияние политика классового расслоения, прово-

дившаяся в первые годы советской власти. Тем не менее, Барахов свое отношение к интеллигенции строит на основе марксистского подхода. Он убежден, что «якутская национальная беспартийная трудовая интеллигенция есть плоть от плоти, кровь от крови детище якутской мелкобуржуазной массы» [Там же, с. 128]. Стало быть, сознание якутской интеллигенции отражает мелкобуржуазное сознание, т.е. оно также колеблющееся и неустойчивое, и интеллигенцию также можно ... привлечь на свою сторону. Более того, с помощью якутской интеллигенции можно легко привлечь на сторону советской власти основную массу населения Якутии. Такова задача политики власти пролетариев в борьбе за новую жизнь.

Необходимо заметить, что такое отношение к крестьянству и интеллигенции явно противоречило форме «неизменной схемы» классовой борьбы, хотя было исключительно актуально в России как преимущественно аграрной стране. Источником воспроизведения и активности этой «неизменной схемы» классовой борьбы выступал официальный курс политики партии большевиков, опирающийся на третий пункт ленинского учения о революционной ситуации — повышение политической активности народных масс. Проводившаяся в первые годы политика классового расслоения выступила в качестве одного из факторов развертывания Гражданской войны в России, она ненадолго прерывалась новой экономической политикой (НЭП), но получила органическое продолжение с 1927 г., когда на 15-м съезде партии большевиков был принят курс на коллективизацию сельской жизни на уничтожение кулаков как класса. Это означает, что «неизменная схема» классовой борьбы обрела официальный статус.

Исидор Барахов был убежден, что на знамени Великой Октябрьской революции начертана освободительная национальная политика. Непонимание этого обстоятельства неизбежным образом приводит к тому, что национальное движение трансформируется в формы повстанчества и бандитизма [Там же, с. 230, 240]. Его теоретические взгляды и убеждения хорошо проявились в бесстрастном анализе причин повстанческого движения и бандитизма в Якутии, в выявлении негативных сторон третьего пункта ленинского учения о революционной ситуации и в решительных действиях по устранению от занимаемых должностей секретаря губбюро Г.И. Лебедева, председателя губчека И.В. Агеева и председателя военного трибунала А.Г. Козлова 10 марта 1922 г. в Якутске.

Партийный орган Якутии в период с июня 1921 до марта 1922 г., благодаря деятельности «тройки» — Лебедева, Агеева и Козлова, превращается в централизованный орган карательной власти. Любые попытки партийной критики рассматривались как личные оскорбления и беспощадно пресекались. Бандитское движение рассматривалось как бандитское тойонатское, организованное русскими белогвардейскими офицерами. Отношение к местному населению характеризует «дело двух сотрудников губчека (как потом выяснилось — уголовников и рецидивистов Боруна и Корякина) по обвинению в изнасиловании заложниц — жен бежавших к бандитам якутов и в зверской пытке якутов, заподозренных в сочувствии или поддержке бандитов [Там же, с. 56]. Дело это кончилось ничем. Корякин просто скрылся, а Боруна, просидев несколько дней в тюрьме, освободился. Известны случаи массовых расстрелов якутов будто бы шпионов или пленных.

В январе 1922 г. «тройка» издает приказ №2, 4-й пункт которого гласил: «Бандиты, не явившиеся и продолжающие борьбу, также и их сообщники объявляются вне закона. Их семьи арестовать, имущество конфисковать и распределить...»

Такие приказы практически не оказывали воздействия на население вследствие почти полной безграмотности и незнания русского языка, а для командиров военных частей они служили основанием для массового террора. Естественный результат таких акций — поголовная поддержка местным населением бандитов. После опубликования приказа №2 командующий вооруженными силами устно повелевает «патроны не трогать, рубить шашками», это приводит к тому, что массовое зарубание шашками и конфискация имущества населения становятся обычным явлением. Исидор Барахов пишет: «Почти поголовно все население с нескрываемой ненавистью и враждой относились к нашим красноармейским властям. Имя чекиста, красноармейца и милиционера, которых население считало коммунистами, стало синонимом грабителя и убийцы» [Там же, с. 57]. Дело дошло до того, что Лебедев телеграфировал в Сиббюро: «Движение приняло определенно националистическую окраску, охвативши широчайшие массы якутов. Подавление белобандитизма возможно только при почти поголовном истреблении местного населения» (ПА-ЯОК. Ф. 3. Оп. 20. Д.63) [Клиорина, 2008, с. 31].

Деятельность «тройки» Агеева, Козлова и Лебедева интересна в контексте третьего пун-

кта ленинского учения о революционной ситуации — подъема политической активности народной массы. И.Н. Барахов, выступая на 1-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей о политическом положении в Якутии 17 июня 1923 г., говорил: «Основное ядро местной партийной организации составляет небольшая группа якутов и местных старожилов русских приблизительно в один-два десятка человек... Остальная часть партийной организации в большинстве своем — приезжие работники и только немногочисленная часть — местные якуты. ... если состав партийной организации определяется приблизительно в 500 человек, то из них самое большее процентов 15–20 якутов. Остальные приезжие русские, главным образом, военные... С самого начала существования советской власти в Якутии мы всегда стучались в двери Сиббюро и ЦК. Ежегодно надоедали им, чтобы они нам дали работников, так как нам приходится невмочь, и, действительно, получали таких работников. Получали ежегодно целыми партиями. Но они были таковы, что в большинстве случаев были годны лишь на техническую работу или были еще слабее местных работников. Или, наконец, были, например, такие случаи, когда в самый разгар повстанческого движения мы доходили до того, что этих работников, занимавших виднейшие посты на местах, например, секретаря местного парткома и председателя губчека арестовывали и посылали обратно в центр» [Исидор Никифорович Барахов, сб. док. ..., с. 82–83]. Под руководством таких профессионалов-революционеров строилась новая жизнь в России.

Поэтому Агеевы, Козловы, Лебедевы были скорее закономерным итогом Октябрьского переворота в России и выступали в роли прорабов новой жизни на национальных окраинах.

После отстранения от власти Агеева, Козлова и Лебедева 10 марта 1922 г. губбюро проводит огромную работу по пересмотру отношения к бандитизму. На пленуме губбюро был заслушан доклад И. Барахова об идеологии бандитизма. В результате целого ряда дискуссий 19 марта 1922 г. губбюро РКП(б) приняло тезисы И. Барахова «Идеология бандитизма и наши задачи». В тезисах И. Барахова были вскрыты основные причины возникновения бандитизма в совершенно новой постановке.

Глубоко убежденный в том, что якутская интеллигенция всегда была защитницей народа против тойоната, Барахов сформулировал 13-й тезис следующим образом: «...основной и бли-

жайшей задачей партии при ликвидации бандитизма является, главным образом, восстановление доверия широких якутских масс и трудовой части якутской интеллигенции к советской власти...»

Прямым продолжением повстанческого движения в Якутии 1921–1922 гг. была пепеляевщина, и ее разгром наглядно доказал правоту взгляда И. Барахова на бандитизм в новой обстановке.

Планы генерала Пепеляева были построены на основе якутского контрреволюционного движения. Он не предполагал, что взгляды на интеллигенцию переменятся, произойдет перелом в настроении народной массы.

Кипучая деятельность парторганизации увенчалась успехом, на интеллигенция перешла на сторону большевиков. Случилось то, что не смог предвидеть генерал Пепеляев со своим ограниченным количеством штыков (750). «Имеющий большой контингент интеллигентов лучший якутский повстанческий отряд под командой Михайлова, сложивший оружие перед самой высадкой в Порт-Аяне отряда Пепеляева, настойчиво потребовал вооружить его и отправить на фронт. В отряд записывалось еще много представителей интеллигенции (не из повстанцев, педагогический и медицинский техникумы и др.)» [Там же, с. 279]. Так был создан народно-революционный добровольческий отряд, принявший активное участие в разгроме пепеляевщины.

Сам Пепеляев Александр Николаевич на суде в Чите в январе 1924 г. признался, что главной причиной неудачи его компании яви-

лась «измена и предательство якутской нацинтеллигенции».

Коммунисты, подобные И. Барахову, творчески применявшие марксистское учение в условиях российской действительности были обречены официальной политикой партии большевиков, узаконившей «неизменную схему» классовой борьбы. Они не смогли смириться с тем, что на алтарь индустриализации страны нужно положить горе и страдание крестьян огромной аграрной страны. Лучшая, самая смышленная и работающая часть крестьянства была уничтожена как класс-кулачество, а оставшаяся часть путем коллективизации попала в новую форму крепостного права, когда хозяином-барином выступает не помещик, а государство с мощным идеологическим и пропагандистским аппаратом.

Литература

Исидор Никифорович Барахов: сб. док. и материалов / Ком. гос. арх. службы Респ. Саха (Якутия), Нац. архив Респ. Саха (Якутия) [сост. Е.Е. Алексеев (ред.) и др.] – Якутск: Якутский край, 2008. – 596 с.

Клиорина И.С. Он был!... / [Кн. подгот к изд. А.А.Калашниковым]. – Якутск: Бичик, 2008. – 96 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. – С. 218.

Филиппов Л.С. Исидор Никифорович Барахов: основные вехи жизни и деятельности. – Якутск: Офсет, 2006. – 64 с. (на якут. языке).

Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов.энциклопедия, 1989. – 815 с.

A.S. Savvinov

Isidor Barakhov: the creative application of Marxism in Yakutia in the 1920th years

Views of eminent party, state and public person I.N. Barakhova in a context of the Marxist doctrine and as they corresponded to a policy of the party of Bolsheviks in the first years of the Soviet power in Yakutia are presented in this article.

Keywords: the teaching of Marx, the class struggle, the new economic policy, the policy of class stratification, the petty bourgeoisie, movement of rebel.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.512.157

И.Н. Новгородов

К междисциплинарному исследованию истории якутского языка

На основе сравнительно-исторического изучения с учетом тесной связи языка и общества и междисциплинарного подхода в истории якутского языка обнаруживаются следующие особенности: 1. Единый пратюркский этнос и язык распались в степном регионе за 7–8 столетий до создания первых древнетюркских рунических памятников, и с этого времени происходит отдельное развитие якутов и их языка. 2. Основные процессы по формированию этнического ядра якутов и грамматического строя якутского языка произошли до возвышения монголов в средние века. 3. В происхождении и эволюции якутов и их языка отсутствует монгольский и северотунгусский субстрат. Этноязыковые контакты якутов с монгольскими народами происходят после XIII в., с северотунгусскими — XIV в. 4. С позиций междисциплинарного исследования очевидно, что якуты мигрировали в Центральную Якутию в XIV в. с юга довольно компактной массой. Этноязыковые контакты якутов с русскими начинаются с XVII в.

Ключевые слова: язык, общество, компаративистика, история, классификация, гаплотип, якуты, монголы, эвенки, контакты, миграция.

Язык и общество тесно взаимосвязаны. Например, утрата языка как средства хранения и передачи национального самосознания часто приводит к исчезновению самоидентификации народа и его смешению с другими народами. С исчезновением народа, язык которым он пользовался, становится мертвым.

В языкознании естественный человеческий язык является знаковой системой, реализующейся в рамках конкретного общества в исторический период его эволюции. Язык невозможно изучать в отрыве от общественных явлений, материальных в своей сущности.

Историю конкретного языка изучает сравнительно-историческое языкознание. В сравнительно-историческом языкознании родственная общность языков вытекает из того, что такие языки происходят от одного языка-основы путем его распада из-за дробления коллектива-носителя. Исследование исторического развития данного языка возможно только на фоне исторической судьбы того населения, которое явилось носителем данного языка [Реформатский, 1960]. Поэтому изучение истории языка должно быть основано на материальных, исторических фактах развития народа — носителя данного языка, что предполагает много-

дисциплинарный подход. Игнорирование этого положения приводит к абстрактному изучению эволюции языка-основы, отрицанию тесной взаимосвязи языка и общества.

Сравнительно-историческое языкознание ограничивается относительно небольшим временным промежутком изучения языков — периодом конца 4-го и начала 3-го тысячелетия до н.э. Реконструкция языка на уровне 5-го тысячелетия до н.э. по существу не достоверна [Щербак, 1994]. Данное суждение основывается на самой процедуре применения методов сравнительно-исторического языкознания. Основным методом исследования является сравнительный метод, что обусловлено самим фактом существования фонетических, морфологических, лексических соответствий среди современных языков, например, германских, славянских, романских, восходящих к индоевропейскому праязыку с позиций синхронической классификации. Сравнить рекомендуется в определенной последовательности: данные одного языка с архаизмами, сохранившимися в его древних письменных памятниках или в современных диалектах, затем для сравнения привлекают данные близкородственных языков и, наконец, обращаются к данным других язы-

ков, принадлежащих к одной и той же языковой семье, с целью реконструкции праязыка [Общее языкознание, 1973; Климов, 1990]. Эта процедура применительно к древнейшим засвидетельствованным языкам, т.е. языкам, имеющим письменные памятники, не всегда даёт точные данные, что обусловлено чрезвычайной трудностью объекта исследования. Например, первые письменные памятники древнеегипетского языка датируются эпохой бронзового века и относятся к концу 4-го — началу 3-го тысячелетия до н.э. Все сведения о структуре древнеегипетского языка носят приблизительный характер, а современное исследование по этому языку находится на пороге полного пересмотра традиционных представлений.

Переходя к изучению истории якутского языка, заметим, что в 1692 г. голландский ученый, политик, предприниматель, картограф, бургомистр Амстердама с 1682 по 1706 г. Н. Витсен впервые опубликовал 64 якутских слова в работе «Северная и Восточная Тартария» на голландском языке. Он также пишет о том, что якуты переселились в Якутию 200 лет назад, и это вполне согласуется с современными данными.

В 1851 г. О.Н. Бётлингк опубликовал труд «О языке якутов» в г. Санкт-Петербурге. В этой работе он утверждает, что предки якутов первые отделились от пратюркского этноса, язык которого ещё не подвергся распаду. Поэтому он предлагал турецко-татарские языки называть турецко-якутскими. В связи с изучением якутского языка О.Н. Бётлингк высказал сомнение в урало-алтайской гипотезе, объединяющей узлами родства уральские и алтайские языки, к последним относятся тюркские, монгольские, тунгусоманьчжурские, корейский и японский языки. Труд «О языке якутов» стал первым научным описанием тюркского языка.

В 1908 г. В.В. Радлов в труде «Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам» на основании участия в дешифровке и изучении древнетюркских орхонских рунических памятников письменности из Монголии высказал мысль о тюркизированном характере якутского языка. В.В. Радлов не включал якутский язык в классификацию тюркских языков. С.М. Широкогоров отмечает мнение В.В. Радлова о том, что группы языков: монгольская, турецко-татарская и тунгусская — являются группами совершенно самостоятельными, общность слов в этих языках рассматривается, как простое культурное заимствование [Широкогоров, 1922]. Российская академия наук в лице

Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии под руководством В.В. Радлова приняла решение об издании знаменитого «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского.

В тюркологии якутский язык занимал различные места в синхронических и диахронических классификациях. Так, одни ученые считают якутов и их язык собственно тюркскими (сторонники О.Н. Бётлингка), другие отрицают это (направление В.В. Радлова).

В классификации народов и их языков с позиции их происхождения и эволюции важным является учет материальных фактов, например, данных археологии, этнографии, истории и других наук. Так, например, в установлении классификационного статуса долганского языка/диалекта важным является учет материальных, исторических фактов. В российском языкознании утверждается, что долганский язык формировался в условиях контактов нескольких этносов и по всем признакам представляет собой самостоятельный язык. Ядром долганской народности стали эвенкийские роды. Исторически вообще долганы — оякученные эвенки. Поэтому эвенкийский язык должен рассматриваться как субстратный по отношению к долганскому. Якутский язык по многим признакам не «субстрат», а «суперстрат», или точнее «адстрат», оказавший в условиях двуязычия огромное воздействие на все ярусы долганского языка. Однако при этом долганский язык сохранил своеобразные черты и в фонетике, и в морфологии, и в лексике [Щербак, 1994, с. 41, 121 и письменное сообщение автору этих строк]. В российских исторических источниках XVII в. упоминается эвенкийский род долган, существовавший на территории современной Якутии [Долгих, 1960], и этот материальный, исторический факт позволяет российским ученым рассматривать происхождение долганского вследствие якутизации (языковой ассимиляции) эвенков якутами.

Таким образом, материальные, исторические факты являются важным обстоятельством в установлении классификационного статуса языка с позиций его происхождения и эволюции, иными словами, с точки зрения диахронической классификации.

Однако со временем выяснилось, что указанные материальные факты не являются постоянными величинами, например культурный и антропологический типы изменяются.

Для науки было важно установить такие материальные факты, которые не подвергались бы изменениям. И со временем такой универ-

сальный тип был обнаружен в связи с успехами генетики. Им стал гаплотип (сокр. от «гаплоидный генотип» — совокупность аллелей на локусах одной хромосомы, обычно наследуемых вместе). Например, в Y хромосоме информация от отца к сыну передается без изменений. Таким образом, появился и начал формироваться новый подход в изучении характера связей различных народов и их языков. Сутью данного подхода является установление соотношения генетической и языковой классификаций с целью изучения доистории народа [Комри, 2000].

В 2003 г. был выдвинут междисциплинарный научный проект «Генетические и лингвистические аспекты этногенеза якутов» Институтом эволюционной антропологии им. Макса Планка совместно с ИГИ АН РС(Я). Проект был направлен на получение генетических и гуманитарных данных для изучения развития якутов в доисторический период.

Генетические данные собирались у неродственных мужчин из различных регионов Якутии, Эвенкии, Тувы, с учетом диалектологических и этнографических данных. Причем важным являлось то, что сбор данных производился у лиц исконно проживающих в той или иной местности. У мужчин якутов было собрано 184 образца. Центральная Якутия была представлена Таттинским (29), Чурапчинским (18), Мегинно-Кангаласским (8), Усть-Алданским (20), Намским (21) улусами, Северо-Восточная Якутия — Верхоянским (32) улусом, Вилюйский регион — Сунтарским (29), Нюрбинским (21), Вилюйским (6) улусами. Кроме того генетические данные собирались у мужчин эвенков из региона р. Подкаменная Тунгуска (40) и из других различных регионов (42), эвенков (46) — из различных регионов, тувинцев (55) — из Республики Тыва, были также представлены образцы других народов. Впервые материалы по этому исследованию были опубликованы в 2006 г. в журнале *Human Genetics* [Pakendorf et., 2006].

Генетический анализ (с учетом гуманитарных данных) показал, что якуты мигрировали в Якутию с юга в XIV в. компактной массой и являются единым народом, 94% содержат в себе гаплотип N1c1. Если бы в составе якутов были различные этнические компоненты (засвидетельствованные другими гаплотипами), то гаплотип N1c1 не был бы так широко представлен среди современных мужчин якутов. Данный гаплотип N1c1 в составе якутов заметно отличается от монгольского (C3) и тунгусо-маньчжурского гаплотипов (C3c). Попутно от-

метим, что генетический анализ обнаружил родство эвенков и эвенков, что позволяет реконструировать северотунгусскую промежуточную культурную общность [Pakendorf et., 2007].

Различие гаплотипов монголов, эвенков и якутов наводит на мысль, что формирование якутов и их языка не происходило на базе монгольского и эвенкийского (северотунгусского) субстрата, т.е. перехода монголов и эвенков на тюркский язык [Новгородов, 2009а; Pakendorf, Novgorodov, 2009; Новгородов 2011]. Контакты якутского языка с северотунгусскими языками начинаются в XIV в. в Якутии [Новгородов, 2009б]. Взгляд на формирование якутов и их языка в результате перехода монголов и эвенков на тюркский язык был широко распространен в тюркологии [Убрятова, 1960].

В связи с генетическим исследованием происхождения якутов следует отметить, что при увеличении числа анализируемых микросателлитов, например от 6 до 17, расхождения у народов — носителей гаплотипа N1c1 (в том числе: якуты, алтайцы, тувинцы, башкиры, чуваша, коми, удмурты, мари, карелы, вепсы, эстонцы, юкагиры, эскимосы, чукчи, русские, украинцы, словаки) увеличиваются. Это говорит о том, что якуты всегда будут находиться в стороне от народов, носителей гаплотипа N1c1. По существу, это подтверждает положение О.Н. Бётлингга о раннем отделении якутов от пратюркского этноса и отделении якутского языка от пратюркского, а также сомнение в урало-алтайской гипотезе.

В подтверждение данной точки зрения и взгляда О.Н. Бётлингга можно привести следующие данные.

В XVII в. начинаются этнические и языковые контакты русских с якутами. Согласно российским историческим данным, в XVII в. основная популяция якутов локализовалась в Центральной Якутии, и относительная численность мужчин якутов составляла в 1648–1649 гг. 1530 человек [Башарин, 2003].

Французские генетики из университета Тулузы изучили и опубликовали в 2010 г. материалы из захоронений скотоводов кулун-атахской культуры XV в., локализовавшейся, в основном, в Центральной Якутии. Они установили, что в захоронениях обнаруживается гаплотип N1c1, идентичный современному гаплотипу якутов [Crubezyet., 2010; Мир древних якутов, 2012].

А.И. Гоголев [1993] датирует радиоуглеродным методом появление в Центральной Якутии кулун-атахской культуры якутов XIV–XV веками (1370 г. н.э. ± 50 лет).

Известно, что якутский язык подвергся влиянию монгольских языков в средние века после возвышения монголов в эпоху Чингисхана. С точки зрения С. Калужинского [1961], основная масса монголизмов якутского языка в фонетическом плане не отличается от среднемонгольского языка (XIII–XIV вв.). Отсюда становится ясным, что монголизмы якутского языка не имеют значительных расхождений с их иноязычными аналогами и это говорит о том, что якутский язык уже сформировался со всеми своими особенностями до возвышения монголов в средние века [Новгородов, 2011]. До эпохи Чингисхана тюркские языки влияли на монгольские [Щербак, 1997, 2005]. Процесс влияния монгольских языков на якутский начался в XIII в., до миграции якутов в Якутию в XIV в.

В якутском языке отсутствуют прямые заимствования из арабского языка. Арабизмы проникали в тюркские языки в VIII–IX вв., а в якутском языке эти слова возникли на почве контактов с монгольскими языками, например: як. *mal* 'вещь, имущество', ср.-монг. *mal* 'скот', 'имущество' (< др.-тюрк. *mal* 'имущество'), ар. *mal*.

Следовательно, предки якутов находились вне зоны интенсивных контактов тюрков с арабским языковым миром в VIII–IX вв., приведших к возникновению ислама у тюркских народов.

И здесь мы подходим вплотную ко времени создания рунических надписей на древнетюркских стелах из Монголии. Наиболее известны памятники в честь Бильге-кагана, Кюль-тегина, воздвигнутые в 732–734 гг., и памятник советнику первых каганов Тюркского каганата Тоньюкука, созданный вскоре после 716 года, ещё при жизни Тоньюкука.

Сравнение материалов якутского языка и языка указанных памятников обнаруживает расхождения в фонетической системе. Прежде всего, на месте якутского глухого согласного *c*-, в рунических надписях представлен звонкий согласный *j*- (*й*-), например:

др.-тюрк. *jer* 'земля' (Тон 3) (ДТС, 257), як. *сир*, др.-тюрк. *jol* 'дорога' (Тон 23) (ДТС, 270), як. *сүл*, др.-тюрк. *jüz* 'сто' (Тон 4) (ДТС, 288), як. *сүүс*.

Это свидетельствует о различных линиях эволюции якутского языка и языка рунических памятников. Поэтому тюркологи относят язык памятников рунической письменности к *огузской* группе, а якутский язык к *якутской*.

Далее, в древнетюркских рунических памятниках из Монголии С.Е. Яхонтов обнаружил прямые заимствования из китайского языка:

biti- (кит. *би*, *pir* < *piet* 'кисть для письма') 'вырезать надпись, писать' (КТ м 13) (ДТС, 103); *оу* (кит. *ван*, *woŋ*): *оу tutuq* чин, должность (КТ м 31) (ДТС, 367);

qunčuj (кит. *гунчжу*, *koŋ-čy*) 'принцесса, младшая родственница ханской крови, женщина знатного происхождения' (КТ 20) (ДТС, 466);

šantuŋ (кит. *Шаньдун*, *šan-ton*) 'Шантунгская равнина' (КТ м 3) (ДТС, 520);

tabɣač (кит. *тоба*, *thag-bar* < *thak-bat* род, основавший в Северном Китае династию Северная Вэй (386)–534 гг. н.э.) 'Китай, китайский, китаец' (Тон 1, 2, 19) (ДТС, 526);

tutuq (кит. *дуду*, *to-tog*) тутук, название должности (военный правитель области) и титул (компонент имен собственных) (МЧ Ю 2) (ДТС, 593).

Данные факты свидетельствуют о тесных и продолжительных контактах носителей китайской культуры и создателей древнейших тюркских рунических надписей на стелах из Монголии.

Некоторые из этих слов обнаруживаются в современных тюркских языках, например тувинское *кунчуг* 'свекровь'. Это наводит на мысль о прямой преемственности языка, представленного в указанных рунических письменностях, тувинским языком либо об их контактах.

Джерард Клосон говорит о связи слова *tabɣač* и этнонима *чуваши*. Если данное предположение верно, то речь должна идти о более представительном слое китаизмов в чувашском языке. Вместе с тем в тюркологии отмечается связь этнонима *tabɣač* с самоназванием тувинцев *тыва*.

В якутском языке указанные китайские заимствования отсутствуют. Китаизмы проникают в якутский язык при монгольском посредстве, например: др.-тюрк. *biti*- 'вырезать надпись' (ДТС 103) (< кит. *pjet* 'кисть для письма' + тюркский аффикс отыменного образования глаголов *-и*), як. *бичик* 'узор, украшение' < монг. *бичиг* 'письмо' < др.-тюрк. *bitig* 'книга, надпись'; др.-тюрк. *lū* 'дракон' (ДТС 334) (< кит. *лу*), як. *луо* < монг. *луу* < тюрк.

Следовательно, предки якутов не находились в прямом этническом контакте с китайским языковым миром в древнее время, в то время как в тувинском (урянхайском) и древнетюркском (огузском) языках обнаруживаются китаизмы. Это обстоятельство препятствует реконструкции якутско-огузского, якутско-урянхайского промежуточных праязыков [Грам-

матика, 2002; Дыбо, 2007]. Реконструкции промежуточного якутско-огузского, якутско-уряньхайского праязыков препятствует отсутствие материальных фактов былого сосуществования предков якутов, тувинцев, огузов в рамках промежуточной этнической пракультуры. Игнорирование материальных фактов приводит к абстрактному изучению совокупности соответствий в эволюции языка-основы, а не его реальных, исторически существовавших путей эволюции.

В литературе по данному вопросу отмечается, что контакты тюркских племен с китайским языковым миром начались в 49 году до нашей эры, когда в китайских летописях впервые появляется тюркский этноним *гяньгунь* (*кыргыз*) [Яхонтов, 1986]. По-видимому, эту дату можно считать началом китайско-тюркских языковых контактов, относительным временем распада пратюркской языковой общности и началом формирования якутского языка.

О существовании пратюркской языковой общности в степном регионе, существовавшей за 7–8 столетий до создания образцов первых древнетюркских рунических памятников, пишет А.М. Щербак [1970], и об этом свидетельствуют ранние заимствования из индоевропейских языков, которые обнаруживаются в древнетюркском, чувашском и якутском языках, например: др.-тюрк. *čerig* (ДТС 144), тоф. *ше-риг*, чув. *сар*, як. *сэрии* 'войско' < инд.-евр.: скр. *ksatrika*; др.-тюрк. *öküz* (ДТС 383), чув. *вӑкӑр*, як. *огу* 'бык' < инд.-евр.: тохар. В *okso*; а также анализ тематических групп названий диких и домашних животных в тюркских языках [Щербак, 1961].

Этот хронологический период охватывает время культуры хунну. Следует отметить, что в захоронениях хунну из Эгийн Гол (Монголия) [Keyser-Tracqui, 2003] обнаруживаются гаплотипы, отличные от N1c1, к которому относится и якутский.

Первичная дивергенция гаплогруппы N, в которой находится гаплотип N1c1, заметно отличающийся от монгольского (C3) и эвенкийского (C3c) гаплотипов, произошла 12–14 тысяч лет назад [Roots, 2006], данное обстоятельство делает невозможным применение сравнительно-исторического языкознания с целью реконструкции языков в связи с урало-алтайской (resp. алтайской) гипотезой, поскольку исследование языков выходит за приемлемые хронологические рамки. И это обстоятельство подрывает урало-алтайскую гипотезу.

Выводы по междисциплинарному изучению истории якутского языка:

1. Единый пратюркский этнос и язык распались в степном регионе за 7–8 столетий до создания первых древнетюркских рунических памятников, и с этого времени происходит отдельное развитие якутов и их языка.

2. Основные процессы по формированию этнического ядра якутов и грамматического строя якутского языка произошли до возвышения монголов в средние века.

3. В происхождении и эволюции якутов и их языка отсутствует монгольский и северотунгусский субстрат. Этнологические контакты якутов с монгольскими народами происходят после XIII в., с северотунгусскими — XIV в.

4. С позиций междисциплинарного исследования очевидно, что якуты мигрировали в Центральную Якутию в XIV в. с юга довольно компактной массой. Контакты якутского языка с русским начинаются с XVII в.

Сокращения

др.-тюрк. — язык памятников древнетюркской письменности;

як. — якутский язык;

чув. — чувашский язык;

тоф. — тофаларский язык;

ср.-монг. — среднемонгольский язык;

ар. — арабский язык;

кит. — китайский язык;

инд.-евр. — индоевропейский язык;

скр. — санскрит;

тохар. — тохарский язык;

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Литература

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. — М., 2003. — С. 56.

Гоголев А.И. Якуты. Проблемы этногенеза и формирования культуры. — Якутск, 1993. — С. 61, 88.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960 — 620 с.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. — М., 2007. — С. 64.

Калужинский С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды Института языка, литературы и истории. — Якутск, 1961. — № 3(8). — С. 7.

Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. — М.: Наука, 1990. — С. 33.

Комри Б. Язык и доистория: к междисциплинарному подходу // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Эрика Крюбежи, Анатолия Алексева. — Якутск, 2012. — С. 143, 205, 206.

Новгородов И.Н. О гипотезе языкового сдвига у эвенков при формировании якутского языка // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2009а. — № 1. — С. 98–104.

Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. — Якутск, 2009б. — 248 с.

Новгородов И.Н. Основные вопросы сравнительного изучения якутского языка (к междисциплинарному исследованию) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — Якутск, 2011. — № 2 (3). — С. 71–80.

Общее языкознание: методы лингвистических исследований. — М., 1973. — С. 44.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. — М., 1960. — с. 326.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. — М., 2002. — С. 733.

Убратова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. — М., 1960. — С. 11, 12.

Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. — Владивосток, 1922. Ч. 6.

Щербак А.М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961. — С. 161.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970. — С. 193.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — СПб., 1994. — с. 150.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). — СПб., 1997. — 291 с.

Щербак А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. — СПб., 2005. — 195 с.

Яхонтов С.Е. Языки северных соседей китайцев в 1-м тыс. до н.э. // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тезисы докладов XXIX Международной алтаистической конференции (PIAC) Ташкент, сентябрь 1986. — М.: Наука, 1986. — Т. 1. — С. 73–75.

Eric Crubezy, Sylvain Amory, Christine Keyzer, Caroline Bouakaze, Martin Bodner, Morgane Gibert, Alexander Rock, Walther Parson, Anatoly Alexeev, Bertrand Ludes. Human evolution in Siberia: from frozen bodies to ancient DNA // BMC Evolutionary Biology. — 2010, 10: 25. doi 10.1186/1471-2148-10-25.

Christine Keyser-Tracqui, Eric Crubehzy and Bertrand Ludes. Nuclear and Mitochondrial DNA Analysis of a 2,000-Year-Old Necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia // Am. J. Hum. Genet. (2003), 73:247–260.

Pakendorf B., Novgorodov, I.N., Osakovskij V.L., Danilova, A.P., Protod'jakonov, A.P., Stoneking M. Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // Human Genetics. (2006), 120: 334–353.

Pakendorf B., Novgorodov I.N., Osakovskij V.L., Stoneking M.: Mating patterns amongst Siberian reindeer herders: inferences from mtDNA and Y-chromosomal analyses // American Journal of Physical Anthropology. (2007), 133: 1013–1027.

Pakendorf B., Novgorodov I. Loanwords in Sakha (Yakut), a Turkic language of Siberia // Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook // Haspelmath, Martin & Tadmor, Uri (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 496–524.

Rootsi S., Zhivotovsky L.A., Baldovici M., Kayser M., Kutuev I.A., Khusainova R., Bermisheva M.A., Gubina M., Fedorova S., Ilumde A.M., Khusnutdinova E.K., Voevoda M.I., Osipova L.P., Stoneking M., Lin A.A., Ferak V., Parik J., Kivisild T., Underhill P.A., and R. Villems. A counter-clockwise northern route of the Y-chromosome haplogroup N from southeast Asia towards Europe // European Journal of Human Genetics. 2007. 15 : 204–211.

I.N. Novgorodov

To multidisciplinary research of history of the Yakut language

On the base of comparative and historical study, taking into consideration close relationship between language and society and a multidisciplinary approach, I find the following features in the history of the Yakut language: 1. Common Turkic ethnos and language was diverged in the steppe region for 7-8 centuries before the creation of the first ancient Turkic runic monuments and since that time, the separate development of the Yakuts and their language. 2. Basic processes on the formation of the Yakut ethnic core and grammatical structure of the Yakut language were occurred before the rise of the Mongols in the Middle Ages. 3. Mongolian and North Tungus substrate did not take part in the origin and evolution of the Yakuts and their language. Ethno-linguistic contacts of Yakuts with Mongolian people were after the XIII century and with the North-Tungus — XIV century. 4. From the position of a multidisciplinary research, it is clear that the Yakuts migrated to Central Yakutia in XIV century from the south by compact mass. Ethno-linguistic contacts of Yakuts with Russians started from the XVII century.

Keywords: language, society, comparative studies, history, classification, haplotype, Yakuts, Mongols, Evenki, contacts, migration.

В.И. Харабаева

Категория лица в якутском языке: функциональный аспект

Освещаются основные характеристики категории лица, приводится краткий обзор истории изучения категории лица в якутском языке. Особое внимание уделяется выявлению особенностей функционирования аффиксов лица в якутском языке.

Ключевые слова: категория лица, личные аффиксы, предложение, предикативность, сказуемое, финитная форма глагола, причастия, деепричастия, именная категория сказуемости, личные местоимения.

Категория лица в современном языкознании закрепила за собой статус полифункциональной категории, которая способна выполнять важнейшие морфологические и синтаксические функции. Во-первых, категория лица выполняет собственно семантическую дейктическую функцию — маркировку субъекта предложения по его отношению к ситуации речи (включая говорящего), иначе говоря, на противопоставленности значений 1-го лица как репрезентанта говорящего, 2-го лица как репрезентанта слушающего, собеседника, адресата, 3-го лица как любого субъекта высказывания, который не принимает участия в коммуникации, а также того, о ком говорят [Якобсон, 1972; Виноградов, 1975; Бондарко, 1991; Шелякин, 2001; и др.]. В формальном плане дейктическая функция категории лица проявляется при противопоставленности друг другу рядов глагольных форм в словоизменительной парадигме. Во-вторых, категория лица глагола традиционно относится к числу синтаксически ориентированных категорий, т.е. таких, которые уже по типовому грамматическому содержанию составляют вместе с категорией наклонения и категорией времени «фундамент сказуемости», формируя тем самым предикативность предложения [Виноградов, 1975]. Личная форма глагола представляет собой не только тот или иной способ номинации действия, притом обязательно в определенной коммуникативной роли, но и выражает связь действия с субъектом — говорящим, а, следовательно, формирует ядро конкретных типов предложений: определенно-личных, двусоставных, односоставных.

В современном якутском языке, как и в других языках, под личной формой понимается финитная или конечная форма глагола (см. например, труды Л.Н. Харитоновой [1947], Е.И. Убратовой [2006], Г.Г. Филиппова [1999] и т.д.). О.Н.Бетлингк [1990] в качестве личных

форм глагола выделил повелительное наклонение настоящего времени, повелительное наклонение будущего времени, настоящее время изъявительного наклонения, прошедшее время изъявительного наклонения, возможностное наклонение. Морфологические категории времени, наклонения, числа и лица, участвующие в спряжении глагола, по своему содержанию неразделимо связаны друг с другом, дополняя друг друга, они в совокупности составляют предикативность предложения. Категория лица глагола в якутском языке, определяя производителя действия, выполняет главную роль в выражении предикативности предложения, т.е. обозначает субъектно-предикативную связь в предложении. При этом отнесенность высказывания к действительности выражается через ситуацию речевого общения, создаваемую соотношением его участников. Субъект — носитель действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, выражается личными формами глагола и соответствует одному из трех лиц участников/неучастников сообщаемого факта. При спряжении глагола по лицам уточняется информация об участии субъекта в коммуникативном акте. Кроме того, категория лица выполняет важную синтаксическую роль. Ни категория наклонения, ни категория времени не определяют с той же последовательностью синтаксический тип простого предложения, с какой это осуществляется с помощью категории лица глагола. Глагольные формы трех лиц в якутском языке предопределяют структуру простых односоставных и двусоставных предложений и их бесподлежащих определенно-личных реализаций: *Мин дьиэбэ киирдим*. “Я вошла в дом”. *Таһырдьаттан дьиэбэ киирдим*. “С улицы в дом вошла+я”; Формы 3-го лица формируют модель односоставных неопределенно-личных предложений: *Дьиэбэ киирдилэр*. “Вошли в дом”; формы 3-го лица ед.

числа определяют модели безличного предложения: Таһырдыа *тымныйбыт*. “На улице *похолодало*”.

Категория лица выражается специализированными аффиксами. Они как и в других тюркских языках представлены двумя морфологическими типами:

1-й тип		2-й тип	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1 л. <i>-ым</i>	<i>-быт</i>	<i>-бын</i>	<i>-быт</i>
2 л. <i>-ыг</i>	<i>-гыт</i>	<i>-бын</i>	<i>-быт</i>
3 л. <i>-а</i>	<i>-лара</i>	<i>-Ø</i>	<i>-лар</i>

В основе аффиксов лица первого типа лежат аффиксы принадлежности, второго — аффиксы сказуемости. Аффиксы сказуемости в тюркских языках считаются исторически восходящими к личным местоимениям и близкими к ним по форме [Бетлингк, 1990; Гузев, 1987; Меметов, 2004; Севортян, 1956; Щербак, 1981 и др.]. Аффиксы личного спряжения в зависимости от того, когда они зародились, распадаются на несколько групп. Та или иная группа личных аффиксов образует определенные формы времени и наклонения глаголов.

В якутском языке во временных формах глагола Н.И.Попова [Курс якутской грамматики..., 2004] выделила три типа личных аффиксов: 1) «усеченные» аффиксы, которые представлены только в единственном числе: 1-е л. ед. ч. *-м*, 2-е л. ед. ч. *-г*, сочетающиеся с формами на *-ды/-ты* (прош. кат. время) и *-а* (буд. время); 2) аффиксы принадлежности: 1-е л. ед. ч. *-ым*, 2-е л. ед. ч. *-ыг*, 3-е л. ед. ч. *-а*; 1-е л. множ. ч. *-быт*, *-ныт*, 2-е л. множ. ч. *-гыт*, *-кыт*, *-хыт*, 3-е л. множ. ч. *-лара*, сочетающиеся: а) с первичными формами времен на *-быт* (прош. повест. время), *-ах* (буд. время), *-ар* (неопред. имперфект), б) со всеми вторичными производными образованиями временных форм на *-лаах*; 3) аффиксы сказуемости: 1-е л. ед. ч. *-бын*, *-нын*, 2-е л. ед. ч. *-бын*, *-кын*, 3-е л. ед. ч. *Ø*; 1-е л. множ. ч. *-быт*, *-ныт*, 2-е л. ед. ч. *-быт*, *-кыт*, *-хыт*, 3-е л. множ. ч. *-лар*, сочетающиеся: а) с первичными формами времен на *-а/-ар* (наст.-буд. время), *-быт* (прош. результ.), б) с аналитическими формами времен на *-а турар* (наст. актуальное время), *-ан турар* (прош. эпизод. время), в) со всеми вторичными производными образованиями временных форм на *-лаах*.

Г.Г. Филиппов [1999] выделил пять типов спряжения финитных форм глагола: 1) спряжение с аффиксами принадлежности: ед. ч. 1-е л. *-ым*, 2-е л. *-ыг*, 3-е л. *-а*, множ. ч. 1-е л. *-быт*;

2-е л. *-быт*, 3-е л. *-лара*; 2) спряжение с аффиксами сказуемости: ед. ч. 1-е л. *-бын*, 2-е л. *-бын*, 3-е л. *-р*, множ. ч. 1-е л. *-быт*, 2-е л. *-быт*, 3-е л. *-лар*; 3) спряжение путем сращения связки *эт-* с аффиксами причастия (*-быттаах+ым*, *-ыг*, *-а*, *-быт*, *-быт*, *-лара*); 4) спряжения повелительного наклонения: *-ыым*, *-Ø*, *-тын*; (*-ах*)-*ыг*, *-ыг*, *-тыннар*); 5) спряжение недавнопрошедшего времени (*-ым*, *-ыг*, *-а*, *-быт*, *-гыт*, *-лар*).

В якутском языке личные формы могут иметь и не финитные, открытые формы глагола — причастия и деепричастия, считающиеся в большинстве тюркских языков неизменяемыми формами. Причастия, принимающие аффиксы лица и склоняющиеся по падежам, используются в качестве зависимых сказуемых придаточного предложения в сложноподчиненном предложении. Е.И.Убрятова [2006], изучив применение причастий в качестве сказуемого придаточного предложения, обосновала новое понятие в якутоведении — предикативное склонение причастий. Предикативное склонение причастий определяет зависимое действие, при этом “лично-притяжательные показатели в составе зависимого сказуемого выражают лицо относительное” [Скрибник, 1984]. Напр.: Степан хайдах гынан кыыс санаатын *көтөбөрүн* толкуйдуу сатаата да, өйүгэр туох да киирбэтэ (Д ХУТ, 149). «Степан думал о том, как *ему* поднять настроение девушки, но в голову ничего не пришло». В других тюркских языках причастие рассматривается в основном в связи с его именным содержанием, поэтому считается, что причастие не может быть сказуемым придаточного предложения [Саха билиннги тыла, 2009].

В якутском языке причастия, склоняясь по падежам и присоединяя к себе личные аффиксы, образуют различные глагольные лично-отнесенные модальные конструкции [Коркина, 1979]. Например: 1. а) причастие на *-ах* (*-ымыах*, *-а суох*)+личный аффикс притяжательного типа+винительный падеж в сочетании с глаголами в наст. времени *баҕарабын*, *саныбын* и т.д. образуют форму желательности: *барыахпын баҕарабын* “хочу пойти”, *киинэбэ сылдьаахпын толкуйдуубун* “думаю над тем, как пойти в кино”; б) причастие на *-ах* (*-ымыах*, *-а суох*)+личный аффикс притяжательного типа+падеж в сочетании с именами *сөп*, *син*, с причастиями *сатанар* и т.д. образуют форму желательного, возможного, долженствовательного действия: *көрүүхпүн сөп* “могу увидеть”, *барыаххын сатаммат* “ты не должен идти”; в) при-

частие на *ых-* + дательный падеж в сочетании с модальным словом *айылаах* + афф. сказуемости: *кэпсиэххэ айылаахпын*, *кириэххэ айылаахтар*; г) причастие на *-тах* + афф. принадлежности + локативный падеж в сочетании с причастиями *сатанар*, *табыллар* и т.д. образуют конструкции долженствовательного действия: *ыллаххына табыллар*, *иһиттэхпинэ сатанар* и т.д. В вопросительных предложениях предикативное склонение причастий используется в качестве главного сказуемого предложения: *Киһи ымсыырбытын ылбатабына, үөбүн биэрэр идэлээбин дьэ кэлэн билэн соһуйдахпыный* (ЛМ А, 167). «Удивляюсь же я, как будто только теперь узнав о привычке человека ругаться, когда он не получает желаемого».

В других тюркских языках деепричастия считают неизменяемой формой. В якутском языке к деепричастиям иногда присоединяются аффиксы сказуемости. Аффиксы сказуемости принимают деепричастия на *-ан*, *-а*, *-бакка*, *-мына*, *-бакка*, *-аары* (*-ымаары*). Например:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>бар-ам-мын</i> “я придя”	<i>бар-ам-мыт</i> “мы придя”
2-е л. <i>бар-ан-нын</i> “ты придя”	<i>бар-ан-ныт</i> “вы придя”
3-е л. <i>бар-ан</i> “он придя”	<i>бар-ан-нар</i> “они придя”

Когда деепричастия выступают в качестве второстепенного сказуемого придаточного предложения, их личное оформление факультативно, так как они тесно связаны с конечными глагольными формами, часто образуя с ними составные, аналитические глагольные формы. Здесь аффиксы лица используются в усилительной функции, если говорящий хочет особо подчеркнуть лицо, которому принадлежит действие, выраженное в форме деепричастия: *Дэлби тоһом-мун ыксаан, кыратык итии киллэринэн өрүүһүннүм* (УО А, 75). «Сильно замерзнув+я, немножко попив горячего, отошел». Предикативное склонение причастий и личное оформление деепричастий в якутском языке служит для образования синтетических полипредикативных конструкций [Ефремов, 1998].

Деепричастие в восклицательном предложении, принимая аффикс сказуемости, превращается в сказуемое односоставного предложения: *Оо, таах сибиэ онно бараммын!* “О, зря я туда пошла!” (букв. “О, зря туда пойдя+я”). Деепричастие на *-а/-ы*, принимая аффиксы сказуемости, обычно удваивается: *бара-барабын* «пойдя-пойдя+я», *көрө-көрөбүн* «смотря-смотря+я». Деепричастия на *-ымына* и *-бакка*, принимая

аффиксы сказуемости, могут употребляться в качестве а) сказуемого простого предложения: *Маабыттан аспын астаамабын*; “Зря я себе еду не приготовила за это время” (букв. Зря себе еду не *приготовя+я*) б) в качестве главной части сложноподчиненного предложения: *Маабын, балтым барыах диэбитигэр баран хаалбаккабыт*. “Зря мы не ушли, когда сестра предложила уйти” (букв. «Зря не *уйдя+мы*, когда сестра предложила уйти»).

В якутском языке, как и в других тюркских языках, изменение по лицам не является особенностью только глагола. Любое имя, причастие, наречие, частица в функции сказуемого тоже может изменяться по лицам при помощи аффиксов сказуемости и функционировать в предикативном значении. Ср. например: *Оһонньорбун* “Я старик” (сказуемое – существительное); *Эдэрбин* “Я молодой” (сказуемое – прилагательное); *Кимниий добоор?* “Кто ты такой?” (сказуемое – вопросительное местоимение); *Мин маннабын* “Я здесь” (сказуемое – наречие), *мин иккистэрэбин* “Я второй из них” (сказуемое – притяжательное порядковое числительное). Такие именны́е сказуемые выступают как носители признака, отражающего статическое качество. Как только возникает потребность уточнить временные и некоторые модальные значения, к неглагольному сказуемому присоединяется связка в виде недостаточного глагола *эт-*, вспомогательных глаголов, служебных слов, частиц, которые и принимают на себя личное оформление сказуемого [Убрятова, 2006, с. 104]: *Мин учуутал этим* (имя+недостаточный глагол *эт-* + афф. принадлежности) “Я был учителем” (прошедшее время); *Мин учуутал буолуохтаахпын* (имя + вспомогательный глагол *буол-* + афф. будущего времени *-ых*+афф. имени на *-лаах* + афф. сказуемости) “Я должен стать учителем”. *Мин учуутал үһүбүн* (имя + частица + афф. сказуемости) “Оказывается, я учитель”.

Убрятовой Е.И. [Там же] было замечено как исключение из правил свойство имен *баар* «наличный, наличие» и *суох* «отсутствующий, отсутствие», имен на *-лаах* (со значением «имеющий что-либо») при прикреплении к ним аффиксов лица без всякой связки выражать временные значения, хотя и очень ограниченные. Эти имена выражают настоящее время с аффиксом сказуемости и прошедшее время с аффиксом принадлежности. Ср., например: *Мин баарбын* «я есть» и *мин баарым* «я был»; *Мин суохпун* «я отсутствующий, меня нет» и *мин суобум* «меня не было»; *Мин аҕалаахпын* «я

имею отца» и мин *аҕалаабым* «я имел отца». Е.И.Коркина [1970, с. 120] определила, что «временные оттенки здесь несут не сами по себе аффиксы принадлежности, а стяженная форма прошедшего категорического времени от глагола э-, вступившего в сочетание с именем». Е.И.Коркиной [Там же, с. 117] было отмечено, что форма *этим* подвергается стяжению и в ряде других сочетаний: 1) с именем прилагательным, 2) с именем обладания на *-лаах*, 3) с местоимениями, 4) с числительными, 5) с послелогом, 6) с наречиями.

Категория лица играет важную роль также при образовании предложений с составными сказуемыми. При этом часто и глагольные, и неглагольные сказуемые сочетаются с различными служебными словами, которые придают сказуемому особые оттенки значения. Если сказуемое выражено причастием и именными формами, служебное слово нередко принимает на себя личные показатели: Тыый, чааскыны мин сорууйан алдьаппыт *уһубун* дуо? «Неужели я могла нарочно разбить чашку»? Частица *уһу* выражает лишь то, что высказанная мысль передается с чужих слов, неизвестно кому принадлежащих, но принимая аффикс лица, она приобретает особый оттенок значения. Высказывания типа *барбыт эбиккин* «оказывается, ты ушел», *кэлбит быһыылаахтар* «пришли, по-моему», *кэлбиккэ дылылар* «пришли как будто+они» и т.д. выражают субъективную модальность, т.е. указывают на то, что «говорящий сообщает о факте, о котором он узнал от другого лица, или что сообщение является результатом неожиданного узнавания, внезапного умозаключения» [Гузев, 1987].

Специальным средством выражения лица являются личные местоимения. В якутском языке, если в предложении субъект выражен личной формой глагола, личное местоимение не имеет грамматической смысловой нагрузки, например, как в русском языке. Так как здесь субъект всегда выражается специальными аффиксами лица глагола, личные местоимения используются в высказывании для логического подчеркивания лица действия или состояния. А в русском языке личные местоимения в грамматической трактовке признают «такими словами, которые выражают только грамматические значения и не выражают никаких лексических значений; иначе говоря, местоимения попадут в класс служебных слов наряду с аналитическими грамматическими показателями» [Плунгян, 2003]. Высказывание «Я делаю» (1-е л., ед. ч., изъявит. накл., наст. время) совпадает с

обычными якутскими *онгоробун* «я делаю» (1-е л. ед.ч. изъяв. накл., наст. врем.) [V+S]. А вместе с глаголами в прошедшем времени «я (ты, он) сделал», глаголами в сослагательном наклонении «я (ты, он) сделал бы», причастиями «я сделавший», именами «виноватый я» и т.д. русское местоимение служит ядерным средством выражения категории лица, определяющим предикативность данных высказываний. В якутском языке, например, в высказывании *онгорбутум* «я сделал» понятие лица или предикативности передается специализированным аффиксом лица глагола в прошедшем времени изъявительного наклонения *-ум*. А в безглагольных высказываниях типа *онгорбут — мин* (причастие + личное местоимение), *онгоруоччу — мин* (причастие+личное местоимение), *буруйдаах — мин* (имя прилагательное+личное местоимение), *иккис — мин* (имя числительное + личное местоимение) личное местоимение имеет такую же грамматическую значимость в выражении лица, как и в русском языке.

Рассмотренные грамматические показатели лица наглядно отражают способность категорий предикативности и сказуемости выражать мысли, облаченные в форму суждения. В дальнейшем представляется целесообразным рассмотреть категорию лица в составе функционально-семантического поля персональности.

Сокращения

Д ХУТ — Дылбаны. Харах уулаах таптал. — Дьокуускай, 2009.

ЛМ А — Леди Муус. Ахтылбан. — Дьокуускай, 2011.

УО А — Уйбаан Ойуур. Аймахтар. — Дьокуускай, 2009.

Литература

Бетлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1990. — С. 395.

Бондарко В.А. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — СПб, 1991. — С. 7.

Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 360.

Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 266.

Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. — Л., 1987. — С. 114.

Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. — Новосибирск, 1998. — С. 54.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М., 1970. — С. 120.

Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. — Якутск, 1979. — С. 95.

Курс якутской грамматики: система морфологических и синтаксических конструкций: Учеб. пособие / Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. — Якутск, 2004. — С. 83.

Меметов И.А. Сравнительная типология тюркских языков (на примере турецкого и крымско-татарского языков) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. — Т. 22 (61). — № 3, 2009. — С. 58.

Плунгян В.А. Общая морфология. — М., 2003. — С. 255.

Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. 1956. — С. 20.

Скрибник Е.К. О классификации глагольных категорий уровня полипредикативного предложения // Теоретические аспекты лингвистических исследований (Сборник научных статей). — Новосибирск, 1984. — С. 71.

Саха билингги тыла. Морпалуогууа. — Дьокуускай, 2009. — С. 179.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. — Новосибирск, 2006.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Дисс... докт. филол. наук. — Якутск, 1999.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. — Якутск, 1947.

Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. — М., 2001. — С. 288.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). — Л., 1981. — С. 24.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М., 1972. — С. 100.

V.I. Kharabaeva

The category of the person in Yakut language: functional aspect

This article discusses description fundamentals of the category of the person, carries out short review of the history of the study of the category of the person in Yakut language. Special attention is paid to discovering special features of the function of the affixes of person in Yakut language.

Keywords: the category of the person, personal affixes, sentence, predication, predicate, verbal finite form, participle, adverbial participle, the category of nominal predicate, personal pronouns.

УДК 811.554'28

A.E. Прокопьева

Полипредикативные конструкции с деепричастиями в колымском диалекте юкагирского языка: диахронический аспект

В статье рассматриваются полипредикативные единицы (ППЕ) с деепричастиями на *=t*, *=нидэ*, *=(дэ)ллэ*, *=дэ* колымского диалекта юкагирского языка в диахроническом аспекте. Анализ фольклорных текстов, собранных В.И. Иохельсоном в конце XIX в., и современных фольклорных и языковых материалов показывает, что значения конструкций с деепричастиями в колымском диалекте юкагирского языка претерпели некоторые диахронические изменения: снижается употребление деепричастной формы *=t* со значением одновременного действия, возрастает использование деепричастной формы *=нидэ* в ППК с отношениями ОВС, прослеживается тенденция к увеличению употребления конструкций с деепричастием на *=дэ* со значением одновременного действия и к некоторому снижению со значением условия.

Ключевые слова: юкагирский язык; колымский диалект; деепричастие; диахрония; полипредикативные конструкции; аналитические конструкции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-14-14005а/Т. «Фольклор и язык лесных юкагиров в XXI в.»).

© А.Е. Прокопьева, 2013.

Общеизвестно, что любая языковая система находится в постоянном движении и развитии. Юкагирский язык не исключение. Диахронический аспект изучения языка – изучение изменений в языке в процессе его развития. Изучение семантики конструкций с деепричастиями колымского диалекта юкагирского языка в диахроническом аспекте представляет большой интерес в плане языковых изменений и преобразований во времени.

Юкагирский язык характеризуется активным употреблением деепричастий и деепричастных оборотов. Деепричастия выражают «побочные», сопровождающие главное, действия и служат для обозначения различных действий и обстоятельств. При помощи деепричастий передаются главным образом различные обстоятельственные значения совершения действия, названного в главной предикативной единице (ГПЕ). Деепричастия формируют полипредикативные конструкции (ППК), основным значением которых является выражение отношения между двумя событиями. Соответственно категория предикативности специфическим образом преломляется. Предикативность представляет собой совокупность трех категорий – персональности, модальности и темпоральности. В ППК эти три категории предикативности приобретают относительный характер.

В колымском диалекте юкагирского языка деепричастия употребляются в следующих функциональных типах ППК: а) темпоральных (значения общей временной соотнесенности, одновременности, следования); б) обусловленности (условные, целевые, причинные, уступительные).

Временные отношения (значения следования и одновременности) выражаются ППК с деепричастиями на *=m*, *=(дэ)ллэ*, *=нидэ*, *=дэ*. Деепричастия с показателями *=m*, *=(дэ)ллэ* и *=дэ* употребляются в конструкциях со значением одновременности и следования. Деепричастие с показателем *=нидэ* может передавать значение одновременности. В конструкциях со значением общей временной соотнесенности употребляются деепричастия на *=m*, *=нидэ*, *=дэ*.

Отношения причины присущи деепричастиям на *=m*, *=(дэ)ллэ*; цели – деепричастию на *=m*; условия – деепричастиям на *=нидэ*, *=дэ*. ППК с деепричастием на *=нидэ* подразделяются на две группы – собственно условные (потенциально-условные и ирреально-условные) и несобственно условные (итеративные и модусные).

Деепричастные формы на *=m*, *=(дэ)ллэ* и *=дэ* формируют аналитические конструкции (АК) аспектуальной, модальной, фазисной семантики.

Цель данной статьи – анализ диахронных изменений в колымском диалекте юкагирского языка на примере значений ППК с деепричастными формами *=m*, *=(дэ)ллэ*, *=нидэ*, *=дэ*. Материалом для диахронического анализа послужили конструкции с деепричастными формами *=m*, *=(дэ)ллэ*, *=нидэ*, *=дэ* в количестве 1322 единиц, извлеченных из фольклорных текстов, собранных В.И. Иохельсоном во время Сибиряковской экспедиции (1895–1897 гг.), и фольклорных текстов и языковых материалов периода с 1989 г. по настоящее время.

ППК с деепричастием на *=m*

Деепричастие на *=m* обладает наибольшей полифункциональностью и передает отношения одновременности (пример 1), следования (пример 2), общей временной соотнесенности (пример 3) и обусловленности (пример 4) и др.:

(1) *Пабааги айи ньэридьэлэ́эт чандэ́ йуөчим.*

паба=ги	Айи	ньэридьэлэ́=т
старшая	еще	грызть=CV
сестра=POSS		

Чандэ́	йуө=чи=м
вверх	смотреть=MOM=TR:3Sg

‘Их старшая сестра, еще грызая [череп покойника], наверх взглянула.’ [Иохельсон 2005, с. 233]

(2) *Мэтин эпизэ́ колисьэ́ мориэ́т киэ́сь, мэтин мони...*

Мэтин	Эпизэ́	Колисьэ́	мориэ́=т
я=DAT	бабушка	лыжи	надеть=CV
киэ́=сь		мэт=ин	мон=и
прийти=INTR:3Sg		я=DAT	говорить=INTR:3Sg

Букв.: Ко мне бабушка, лыжи надев, пришла, мне говорит...

‘Бабушка надела лыжи и подошла к нам...’ [Шалугин 2004, с. 8, 24]

(3) *Чуольол́ поселкагэ́ модот, чуул́цин кэ́бэсьи́ли.*

чуольол́	поселка=гэ́	модот=т
быть старым=Pr	поселок=LOC	жить=CV

чуул́	кэ́бэсь=и́или
мясо=DAT	уезжать=INTR:1PL

‘В старом поселке когда жили, за мясом поехали’ [МППЕ]

(4) Полундиэ тэрикэдэньэ ибиэргэ тотууни, таа амдэни тотуут.

полун=диэ тэрикэ=дэ=ньэ
старик=DIM старуха=POSS=COM

ибиэр=гэ тотуу=ни
шесток=LOC приклеиться=INTR:3PL

Таа амдэ=ни тотуу=т
там умереть=INTR:3PL приклеиться=CV

‘Старик со старухой к шестку приклеились, там умерли, приклеившись.’ [Иохельсон 2005, с. 56]

Анализ языковых материалов показал, что в современных материалах наблюдается некоторое снижение употребления деепричастной формы =*m* со значением одновременного действия, несмотря на это данное действие мы рассматриваем как основное.

Деепричастие на =*m* образуют АК с различной семантикой: перемещение в пространстве; физическое действие, существование, протека-

ние процесса, которое сопровождается изменением качества лица или предмета, например:

(5) Чугэдэйлэ нугум, шөйлбулцоот гудэдэйлэ, шэйрэйлоодэйлэ. Тудэл горнатааңоот гудэдэллэ, хаңиим.

чугэ=дэйлэ нуг=ум
дорога=POSS найти=TR:3Sg
шэйрэй=л=оо=дэйлэ тудэл
убежать=VN=PASS=POSS он

шөйлбул=ноо=т гудэ=дэйлэ
мышь=быть=CV стать=POSS
горнатаа=ноо=т гудэ=дэллэ
горноста́й=быть=CV стать=CV

хангии=м
гнаться=TR:3Sg

‘Нашел его дорогу, узнал, что он мышью стал, убежал. Он (молодой шаман), горностаем став, погнался.’ [ФЮ2, с. 22–23]

АК с деепричастием на =*m* более частотны в современных языковых материалах: из общего числа примеров (351) 43 примера (12%) употреблены в составе АК (табл. 1).

Таблица 1

Функционирование деепричастия на =*m*

		=m		
		в материалах, собранных В.И. Иохельсоном	в материалах периода 1989–2011 гг.	Всего
ППК со значением	одовременности	150 ≈ 59, 5 %	156 ≈ 44 %	306 ≈ 50 %
	следования	47 ≈ 19%	51 ≈ 14,5 %	98 ≈ 16 %
	цели	5 ≈ 2 %	4 ≈ 1 %	9 ≈ 1, 5 %
	причины	9 ≈ 3,5 %	24 ≈ 7 %	33 ≈ 5, 5 %
АК		20 ≈ 8 %	43 ≈ 12 %	63 ≈ 10,5 %
Другое		21 ≈ 8 %	73 ≈ 21 %	94 ≈ 15,5 %
В с е г о		252	351	603 (100%)

В ходе работы с деепричастными формами наше внимание привлекло употребление в языке лесных юкагиров деепричастной формы глагола *мони* «говорить, сказать», «рассказывать» — *монут*. В материалах, собранных В.И. Иохельсоном во время Якутской экспедиции 1895–1897 гг., нами обнаружен единственный пример с данной деепричастной формой в своем лексическом значении «говоря». В современных фольклорных и языковых материалах данная деепричастная форма используется активно, она передает различные лексические значения и выполняет разнообразные синтаксические функции. Из всего

числа проанализированных примеров — 38 примеров (11%) с данным словом [Прокопьева 2011; с. 112–113].

ППК с деепричастием на =*нидэ*

Деепричастие на =*нидэ* передает отношения обусловленности (условие), общей временной соотнесенности (пример 6) и одновременности (пример 7), однако для данной формы значение условия (пример 8) является закрепленным в таксисом отношении:

(6) Кожэдэндэ лани йуөданидэ мэт, андыат оожилиэ таат альбаануй, чомоодыэ оожиититэ.

Кожэдэн=диэ
Кожэдэн=DIM
таат
так

лаңи
DAT
альба=а=ну=й
течь=INCH=HAB=3Sg

йуөд=а=н^{гидэ}
смотреть=INCH=CV
чомоодьэ
быть большим/ATT

мэт
я
Оожи
вода

ангда=т
глаз=GEN
титэ
как

оожи=лиэ
вода=DIM

‘На Кожэдэн Когда /если посмотрю/ смо-
трю я, слезы так и льются, как проливной
дождь.’ [Прокопьева 2009, с. 133–134]

(7) Эл ньямбалэк лэндэңидэ.

Эл ньямба=лэк лэндэ=н^{гидэ}
NEG чавкать=IMP кушать=CV

‘Не чавкай, когда кушаешь’ [мПП].

(8) Чолборо мони: «Мэт тэтул нэшэйгидэ
тэт ирил илльайт, тэт мэтул нэшэйгидэ мэт
ирил ай илльайк».

чолборо
Заяц
Тэт
ты/PRON_{poss}
пэшэй=н^{гидэ}
бросить=CV

мон=и
говорить=INTR:3Sg
ирил
живот
мэт
я/PRON_{poss}

мэт
я
илльай=т
распороть=FUT/1Sg
ирил
живот

тэт=ул
ты=ACC
тэт
ты
ай
тоже

пэшэй=н^{гидэ}
бросить=CV
мэт=ул
я=ACC
илльай=к
распороть=
IMP/2Sg

‘Заяц сказал: «Будем бороться! Я тебя если
повалю, твое брюхо распорю, ты меня если по-
валишь, мое брюхо тоже распори»’ [Иохельсон
2005, с. 42]

В материалах, собранных В. И. Иохельсо-
ном, выявлены модусные конструкции, зави-
симый предикат которых выражен деепричаст-
ной формой =н^{гидэ}, по значению соответ-
ствующий модально-вводному слову, т.е. между
модусной частью, которая содержится в
зависимой предикативной единице, и основной
частью предложения не устанавливается отно-
шений подчинительного типа, характерных для
сложного предложения. Подобные конструк-
ции в имеющихся опубликованных материалах
периода с 1989 г. по настоящее время не зафик-
сированы [Прокопьева 2011, с. 113–114].

Таким образом, анализ показывает следую-
щее: 1) для деепричастной формы =н^{гидэ} харак-
терно значение условия; 2) в современных язы-
ковых материалах увеличивается тенденция
употребления деепричастной формы в ППК с
отношениями ОВС (табл. 2).

Таблица 2

Функционирование деепричастия на =н^{гидэ}

		=н ^{гидэ}		
		в материалах, собранных В.И. Иохельсоном	в материалах периода 1989–2011 гг.	Всего
ППК со значением	условия	24 ≈ 73 %	34 ≈ 51,5 %	58 ≈ 58,5 %
	ОВС	5 ≈ 15 %	30 ≈ 45 %	35 ≈ 35,3 %
	одновременности	4 ≈ 12%	2 ≈ 3 %	6 ≈ 6 %
Всего		33	66	99 (100%)

ППК с деепричастием на =дэ

ППК с деепричастием на =дэ передают вре-
менные и условные отношения.

Деепричастие на =дэ по отношению ко вре-
мени совершения действия глагола-сказуемого,
к которому оно относится, может иметь значе-
ния одновременности (9) и следования (10):

(9) Тоукэ йобулэ аадэ, чадьилэгэн шубэжэй.

тоукэ йобул=э
собака нос=INSTR

аа=дэ
делать=CV

чадьилэ=гэн
тропа=PROL

шубэжэ=й
бежать=INTR:3Sg

‘Собака, нюхая, по тропе бежит’. [МА]

(10) Табун йуөдэллэ, ибильэдэ тудэ йоогэлэ
айиэт иргушум.

табун йуө=дэллэ
это видеть=CV

ибильэ=дэ
плакать=CV

тудэ
он/PRON_{poss}

йоо=гэлэ
голова=ACC

айиэ=т
чесать=CV

иргуш=ум
дырывать=TR:3Sg

‘Увидев это, он заплакал, плача, свою голову чесал и продырявил.’ [ФЮ1, с. 90–91]

Отношения следования также характерны для ППК с деепричастием на =дэ. В них сообщается о том, что событие главной части следует за событием в зависимой, при этом глагольные основы главной части могут быть оформлены суффиксами, указывающими на обычность (суффикс =ну) или повторяемость (суффикс =нуну) действия, например:

(11) Тамунпэгэн мэдиинудэ, йуэт хони, тии-таа чугэнэлэк лэгни.

тамун=пэ=гэн мэдии=ну=дэ
PRON_{dem}=PL=PROL слушать=HAB=CV

йуө=т хон=и
видеть=CV идти=INTR:3Sg

тии-таа чугэ=пэ=лэк лээ=ни
здесь-там дорога=PL=FOC быть=INTR:3PL

‘Их слушая и глядя, шел, здесь и там дороги были.’ [ФЮ1, с. 94-95]

(12) Иркин падиэдэ, иркин угурчиэк игдиэну-нул, табудэк чумут, лэңнунул.

иркин падиэ=дэ иркин
один сеть один
табудэ=к поставить=CV лэн=нуну=л
PRON_{dem}=FOC чумут есть=CONT=
 все SUBJ/1PL

угурчиэ=к игдиэ=нуну=л
хариус=FOC поймать=CONT=SUBJ/3Sg

‘Сеть закинув, один хариус попадетсЯ, его все едим.’ [Иохельсон 2005, с. 207]

ППК с деепричастием на =дэ также выражают потенциальное условие. Следует заметить, что со значением условия деепричастие на =дэ более частотно в материалах В.И. Иохельсона, это 9 примеров из 38, что составляет 24%, в современных материалах обнаружено только 3 образца с данным значением (1,5 %), что позволяет говорить о тенденции к снижению употребления ППК с деепричастием на =дэ со значением условия (табл. 3).

Таблица 3

Функционирование деепричастия на =дэ

		=дэ		
		в материалах, собранных В.И. Иохельсоном	в материалах периода 1989–2011 гг.	Всего
ППК со значением	одновременности	14 ≈ 37%	109 ≈ 57%	123 ≈ 54%
	следования	8 ≈ 21%	46 ≈ 24%	54 ≈ 23,8%
	ОВС	3 ≈ 8%	10 ≈ 5%	13 ≈ 5,7%
	образа действия	2 ≈ 5%	11 ≈ 6%	13 ≈ 5,7%
	условия	9 ≈ 24%	3 ≈ 1,5%	12 ≈ 5,3%
АК		2 ≈ 5%	10 ≈ 5%	12 ≈ 5,3%
В с е г о		38	189	227 (100%)

Деепричастная форма =дэ употребляется в составе различных по семантике АК: модальных, фазисных, лексикализованных (13):

(13) Таат лээдэ шэйрэйни.

таат лээ=дэ шэйрэй=ни
так быть=CV убежать=INTR:3PL

‘Потом убежали.’ [ФЮ1, с. 82–85]

Анализ конструкций с деепричастием на =дэ показал, что в современных фольклорных и языковых материалах прослеживается тенденция к увеличению употребления конструкций с деепричастием на =дэ со значением одновременного действия и к снижению употребления ППК с деепричастием на =дэ со значением условия [Прокопьева 2012а, с. 39].

ППК с деепричастием на =(дэ)ллэ

Деепричастие на =(дэ)ллэ по отношению ко времени совершения действия глагола-сказуемого, к которому оно относится, может передавать значения следования и одновременности.

Деепричастие на =(дэ)ллэ преимущественно употребляется в ППК с отношениями следования, в которых событие ГПЕ следует за событием ЗПЕ, поэтому значение следования рассматривается как его основное.

(14) Тудэ эмэйгэлэ амладайдэллэ, ибэллэй.

Тудэ эмэй=гэлэ
PRON_{poss} мать=ACC

амладай=дэллэ ибэллээ=й
обнять=CV плакать=INTR:3Sg

‘Свою мать обнявши, плакать начал.’ [Иохельсон 2005, с. 83–84]

Анализ примеров показал, что из общего количества примеров с деепричастием на =(дэ)ллэ употреблены со значением следования 349 (89%) примеров:

1) в фольклорных текстах, собранных В.И. Иохельсоном, из 249 примеров с данной деепричастной формой 223 (89,5 %) употреблены со значением следования события ГПЕ за событием ЗПЕ;

2) в современных фольклорных и языковых материалах из 144 примеров 123 (85%) имеют значение следования.

ППК с деепричастием на =(дэ)ллэ могут выражать значение одновременности, например:

(15) Мододэллэ, дьэ йуөдэй.

модо=дэллэ Дьэ йуөдэ=й
сидеть=CV вот смотреть=INTR:3Sg

‘Сидит и смотрит’ [ФЮ1, с. 30–31].

Следует отметить, что ППК с деепричастием на =(дэ)ллэ с отношениями одновременного действия единичны как в материалах В.И. Иохельсона, так и в современных источ-

никах. Так, в материалах В.И. Иохельсона, это 8 примеров из 249, что составляет 3%, в современных материалах из 144 выявлено только 3 образца с данным значением (2%). Такие показатели указывают на то, что ППК с деепричастием на =(дэ)ллэ также могут выражать отношение одновременности, хотя и крайне редки в употреблении.

Деепричастие на =(дэ)ллэ могут формировать ППК с отношениями причины:

(16) Инглэллэ, йахадаасья йолобудэ чугуон погизэй.

ингэ=ллэ йахадаасья
испугаться=CV лошадь
йолобудэ чугуон погизэ=й
назад быстро бежать=INTR:3Sg

‘Испугавшись, лошадь рванула назад.’ [МА]

Как показывает анализ языковых материалов (табл. 4), ППК с деепричастием на =(дэ)ллэ со значением причины более употребительны в фольклорных текстах и языковых материалах периода с 1989 г. по настоящее время, это 12 примеров из 144, что составляет 8 %, в материалах В.И. Иохельсона из 249 только 5 примеров использованы в данном значении (2%).

Таблица 4

Функционирование деепричастия на =(дэ)ллэ

		=(дэ)ллэ		
		в материалах, собранных В.И. Иохельсоном	в материалах периода 1989–2011 гг.	Всего
ППК со значением	одновременности	8 ≈ 3 %	3 ≈ 2 %	11 ≈ 3 %
	следования	223 ≈ 89,5%	123 ≈ 85 %	346 ≈ 88%
	причины	5 ≈ 2 %	12 ≈ 8 %	17 ≈ 4 %
АК		13 ≈ 5 %	6 ≈ 4 %	19 ≈ 5 %
В с е г о		249	144	393 (100%)

Деепричастие на =(дэ)ллэ участвует в образовании АК. Так в современных языковых материалах деепричастная форма =(дэ)ллэ может участвовать в образовании трехкомпонентной АК, первый компонент которой представлен именем существительным, второй – собственно деепричастием на =(дэ)ллэ и третий – основой глагола или именем действия [Прокопьева 2012б, с. 168].

Деепричастие на =(дэ)ллэ входит в состав лексикализированных конструкций, образованных по модели «наречие + деепричастная форма на =(дэ)ллэ»:

(17) Таат льэллэ шэйрэсь.

Таат льэ=ллэ шэйрэ=сь
так быть=CV убежать=INTR:3Sg

‘Потом убежала.’ [ФЮ2, с. 38–39]

В целом же значения ППК с деепричастием на =(дэ)ллэ, как показывает анализ, не сильно претерпели изменения в отличие от деепричастных форм на =т, =дэ и =нидэ:

* * *

Анализ современных материалов по деепричастным формам языка лесных юкагиров в сравнении с языковыми данными, зафиксированными В.И. Иохельсоном в конце XIX в., показывает, что значения конструкций с деепричастиями в колымском диалекте юкагирского языка претерпели некоторые диахронные изменения. Так, например, обращает на себя внимание тот факт, что в современных языковых ма-

териалах снижается употребление деепричастной формы $=m$ со значением одновременного действия. В современных фольклорных и языковых материалах активно используется деепричастная форма *монут*. Сходство значений, передаваемых деепричастной формой *монут*, с аналогичными формами из тюркских языков позволяет предположить, что эти языковые параллели, вероятно, являются результатом контактного взаимодействия юкагиров с тюркоязычными народами. АК с деепричастием на $=m$ более частотны в современных языковых материалах.

В материалах В.И. Иохельсона имеются модусные конструкции (зависимый предикат которых выражен деепричастной формой на $=\text{нидэ}$, по значению соответствующий модально-вводному слову), которые не встречаются в современных фольклорных и языковых материалах. В современных языковых материалах возрастает употребление деепричастной формы $=\text{нидэ}$ в ППК с отношениями ОВС.

В современных фольклорных и языковых материалах прослеживается тенденция к увеличению употребления конструкций с деепричастием на $=\text{дэ}$ со значением одновременного действия и к некоторому снижению со значением условия.

Деепричастие на $=(\text{дэ})\text{лэ}$ в современных фольклорных и языковых материалах участвует в образовании трехкомпонентной АК, чего не отмечается в материалах В.И. Иохельсона (в материалах исследователя данная форма образует бивербальные АК).

Условные сокращения

ФЮ1 – Фольклор юкагиров верхней Колымы. ч. 1; ФЮ2 – Фольклор юкагиров верхней Колымы. ч. 2; мПП – неопубликованные полевые материалы П.Е. Прокопьевой; МА – материалы автора; ЗПЕ – зависимая предикативная единица; ГПЕ – главная предикативная единица; ОВС – общая временная соотнесенность; ППК – полипредикативная конструкция; АК –

аналитическая конструкция; ABL – аблатив (отложительный падеж); ACC – винительный падеж; ATT – атрибутивная форма; COM – комитатив; CONT – континуатив; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; DIM – уменьшительно-ласкательный аффикс; FOC – фокус; FUT – будущее время; GEN – родительный падеж; HAB – вид обычности действия; IMP – повелительное наклонение; INCH – инхотив; INSTR – творительный падеж; INTR – непереходный глагол; LOC – местный падеж; NEG – отрицательная частица; MOM – однократное, мгновенное действие; PASS – страдательный залог; PL – множественное число; PROL – продольный падеж; PRON_{dem} – указательное местоимение; PRON_{poss} – притяжательное местоимение; Pr – причастие; POSS – притяжательный аффикс; Sg – единственное число; SUBJ – утвердительно-субъектная форма спряжения; TR – переходный глагол; VN – имя действия.

Литература

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005. – 272 с.

Прокопьева А.Е. Деепричастные формы языка лесных юкагиров: диахронический аспект // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск. – 2011а. – № 2. – С. 112–114.

Прокопьева А.Е. Семантика конструкций с деепричастием на $=\text{дэ}$ в юкагирском языке в диахронии // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск. – 2011б. – № 3. – С. 37–40.

Прокопьева А.Е. Диахронные изменения в языке лесных юкагиров (на примере деепричастной формы $=(\text{дэ})\text{лэ}$) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 7. – С. 165–169

Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2009. – 142 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 21).

Фольклор юкагиров верхней Колымы. Ч. 1. / Под ред. И.А. Николаевой. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. – 161 с.

Фольклор юкагиров верхней Колымы. Хрестоматия. Ч. 2. / Под ред. И.А. Николаевой. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. – 81 с.

Шалугин В.Г. Ньиэдьипэлэк уөрпэнгин: Учеб. пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. – 36 с.

A.E. Prokopyeva

Polypredicative constructions with verbal adverbs of the Kolyma dialect of the Yukaghir language: diachronic aspect

In article are considered polypredicative units (PPK) with verbal adverbs on $=m$, $=\text{нидэ}$, $=(\text{дэ})\text{лэ}$, $=\text{дэ}$ the Kolyma dialect of the Yukaghir language in diachronic aspect. The analysis of the folklore texts collected by V.I. Iokhelson at the end of the XIX century, and modern folklore and language materials shows that values of constructions with verbal adverbs in the Kolyma dialect of the Yukaghir language underwent some diachronic changes: the use of a verbal adverb form $=m$ with value of simultaneous action decreases, use of a verbal adverb form $=\text{нидэ}$ increases in PPK with OVS relations, the tendency to increase in the use of designs with a verbal adverb on $=\text{дэ}$ with value of simultaneous action and to some decrease with value of a condition is traced.

Keywords: Yukaghir language; Kolyma dialect; verbal adverb; diachrony; polypredicative constructions; analytical designs.

Л.А. Шамина

Инфинитив в тувинском языке

Анализируются различные средства употребления конструкций инфинитивного типа в современном тувинском языке. Такие конструкции обладают набором специфических функций, устойчивость которых в разных языках позволяет говорить об инфинитиве в функциональном аспекте.

Ключевые слова: инфинитив, конструкция инфинитивного типа, функция, функциональный аспект.

Целью данной статьи является описание употребления деепричастных конструкций инфинитивного типа в современном тувинском языке.

Материалом исследования послужили примеры с формами инфинитивного типа, выписанные из художественных текстов на тувинском языке, а также примеры из анкет-опросников.

Тюркский инфинитив и его соответствия в тувинском языке

Инфинитив в тюркских языках формируется относительно поздно и во многих из них (например, в алтайском [Озонова, 2008, с. 115–119], хакасском [Грамматика... 1975; с. 173], шорском [Невская, 1988, с. 43–67]) имеет показатель *=арга* (в положительной форме) и *=баска* (в отрицательной). В тувинском языке сложившейся формы инфинитива до сих пор нет. Тюркскому инфинитиву на *=арга* в тувинском языке соответствуют функционально эквивалентные конструкции с причастием будущего времени на *=ар* во внепадежной форме [Исхаков, Пальмбаха, 1961, с. 308] или в форме дательного, винительного, исходного и творительного падежа лично-притяжательного или безличного склонения, а также аналитические конструкции с деепричастиями [Шамина, 1995, с. 52–68]. Это сближает тувинский язык с тофаларским, где роль инфинитива также выполняет причастие будущего на *=ар*, хотя и без дополнительного оформления дательным падежом [Рассадин, 1978, с. 198].

Конструкциями **инфинитивного типа** в тувинском языке мы будем называть функциональные эквиваленты тюркских инфинитивных конструкций с формой на *=арга*. Такие конструкции обладают набором специфических функций, устойчивость которых в разных языках позволяет говорить об инфинитиве в функциональном аспекте [Черемисина, Монгуш, Шамина, 1996, с. 224–230; Черемисина, 2002, с. 3–31].

© Л.А. Шамина, 2013.

Структура и функции конструкций инфинитивного типа в тувинском языке

Конструкции инфинитивного типа в тувинском языке употребляются в простом предложении (ПП) в роли сказуемого и функционально однотипны: все они обслуживают модальную сферу.

Опираясь на лексико-семантический тип *второго*, формально доминирующего компонента, который обычно предопределяет общий смысл конструкции, мы выделили два блока аналитических конструкций инфинитивного типа — *глагольные и неглагольные*, которые, в свою очередь, делятся на семантические подтипы. В первом случае доминирующим компонентом выступают собственно модальные глаголы и примыкающие к ним глаголы других ЛСГ. Глагольные АК представлены двумя типами конструкций:

1) аналитические конструкции (АК) с аспектальными и бытийным глаголами в качестве заключительного компонента. Первый компонент этих АК имеет деепричастную форму. Число таких АК невелико. Специфика их модальной семантики — комплекс сем 'намерение + готовность + желание совершить действие', из которых на первый план может выдвигаться любая;

2) относительно свободные АК с глаголами намерения, эмоционального отношения: адаптации, каузации и др. и модальными предикатами. С помощью этих аналитических форм и конструкций выражаются различные модальные характеристики: вероятностные оценки реализации предстоящего события, оценки достоверности данного сообщения о событии, представления о нем как о желательном или нежелательном, как о пробном или ошибочном и многие другие.

Неглагольные АК также представлены двумя типами:

1) АК с собственно модальными предикатами: доминирующим компонентом выступают модальные слова и модальные предикаты;

2) АК с эмоционально-оценочными словами — именными предикативами адъективного типа.

Структурное своеобразие выделенных типов АК заключается в том, что в глагольных конструкциях с аспектуальными и бытийными глаголами в роли первого компонента выступают глаголы в форме деепричастия. В глагольных конструкциях второго типа и неглагольных АК первый компонент имеет только причастную форму.

Глагольные аналитические конструкции

Глагольные аналитические конструкции (далее — ГАК) сказуемого с доминирующим собственно модальным (реже — аспектуальным) глаголом состоят либо из двух компонентов; либо из трех компонентов: первого, лексически значимого глагола в форме деепричастия на =*n* (реже =*a*), модального глагола в инфинитивной форме и вспомогательного глагола. ГАК с доминирующими глаголами других ЛСГ состоят из двух компонентов: знаменательного глагола в форме причастия на =*ar* и на =*bas*, либо без падежного оформления, либо в косвенных падежах и управляющих этими падежами глаголов, примыкающих к модальным. ГАК могут быть как моносубъектными (МСК), так и разносубъектными (РСК). Для моносубъектных конструкций характерно единство субъектной отнесенности доминирующего и зависимого (инфинитивного) действия, для разносубъектных — наличие своего субъекта у каждого действия [Черемисина, 2002, с. 9].

(1) *Улуг-Хем кижы ышкаш. Ол ырлаар-хөглээр, мунгаар-мунчулар* (Уйгу...кт, с. 4).

Улуг=Хем=Ø	кижи=Ø
Улу=Хем=NOM	человек=NOM
мунта=ар=мунчул=ар	
печалиться=PrP=грустить=PrP	

ышкаш ол=Ш	ырла=ар=хөглэ=эр
COMP он=NOM	
	петь=PrP=веселиться=PrP

‘Улуг-Хем как человек. Он может петь и веселиться, печалиться и грустить.’

1) Моносубъектные глагольные аналитические конструкции

Моносубъектные АК инфинитивного типа являются наиболее распространенными в тувинском языке. Структурная особенность этих конструкций заключается в том, что первый компонент в них может иметь как причастную, так и

деепричастную форму. В зависимости от семантики отношений между доминирующим модальным предикатом и знаменательным компонентом в данном типе АК выделяются несколько функционально-семантических подтипов.

2) Деепричастные АК с модальными глаголами

К **собственно** модальным глаголам в тувинском языке могут быть отнесены глаголы *шыдаар* ‘мочь’, *чадаар* ‘не мочь’. Кроме этих глаголов, в составе АК приобретают модальную характеристику вспомогательные глаголы *болур* ‘быть’, *алыр* ‘брать’. Все эти глаголы сочетаются со знаменательным глаголом в форме деепричастия на =*n*.

АК с семантикой *возможности или невозможности совершения действия* 1) АК с модальным глаголом *шыдаар* ‘мочь’. В роли знаменательного глагола могут использоваться глаголы движения. АК имеет значение приближения к цели и употребляется для обозначения внутренней возможности или невозможности (при отрицательной форме вспомогательного глагола) субъекта действия самому осуществить действие.

(2) *Сенээ бүзүрээр мен, дээр хиндиинче ужугун-даа, далай дүвүнче шымныгып-даа шыдаар сен* (Д. С.).

сен=ээ	бүзүрэ=эр
ты=DAT	верить=PrP
хинди=ин=че	ужуг=ун
макушка=INFIX=LAT	улетать=CV
дүв=үн=че	шымныг=ын
дно=INFIX=LAT	нырять=CV PRTCL

мен=Ø	дээр=Ø
я=NOM	небо=NOM
даа	далай=Ш
PRTCL	море=NOM
даа шыда =ар	сен=Ø
мочь =PrP	ты=NOM

‘Я тебе верю: ты можешь и улететь до самого неба и нырнуть до самого морского дна.’

Невозможность осуществить действие при выражении его отрицательной формой глагола *шыдаар* — *шыдавайн* — *шыдавас* ‘не мочь’ обусловлена субъективными причинами: общим психическим и физическим состоянием субъекта.

(3) *Кызылга олурган болзумза, мындыг хуулгазын бодал бодап шыдавас турган мен* (К-Л, Т.с., с. 72).

Кызыл=га	олур=ган
Кызыл=DAT	сидеть=PP
Хуулгаазын	бодал=Ø
Чудесный	мысль=NOM
тур=ган	мен=Ø
AUX:стоять=PP	я=NOM
бол=зу=м=за	Мындыг
быть=COND=PERS1=COND	Такой
бода=п	шыда= вас
думать=CV	мочь= NEGPrP

‘Если бы я сидел в Кызыле, я бы не мог думать такие чудесные мысли.’

2) АК с глаголом *чадаар* ‘не мочь’, ‘не удаваться’ выражает обусловленность невозможности выполнять действие внешними обстоятельствами.

(4) *Сокка удууп чадаан бис* (СТ, А).

сок=КА	уду=уп
мороз=DAT	спать=CV
чада=ан	бис=Ш
не мочь=PP	мы=NOM

‘Мы на морозе спать не смогли.’

3) АК, в которых в качестве второго компонента употребляется вспомогательный глагол *бол=* с предшествующим компонентом в форме деепричастия на *=n* (*=n болур*; при отрицательной форме вспомогательного глагола – *=n болбас*).

Яркая особенность тувинских инфинитивных АК с завершающим компонентом *бол=*, сохранившаяся с древнетюркских времен, состоит в том, что с причастным или деепричастным компонентом сочетается не финитный глагол, свободно варьирующий свою грамматическую форму, а какая-то определенная инфинитивная форма этого глагола.

Так, в древнетюркском языке причастные формы *=guluq*, *=gu*, *=ur*, сочетаясь с глаголом *bol=*, формировали модальные аналитические конструкции со значением долженствования, ситуативной предопределенности действия (*guluq bol=*), объективно или субъективно обусловленной предопределенностью действия (*=gu bol=*), намеренностью или готовностью совершить действие (*=ur bol=*) [ДТС, 1969, с. 654, 667].

Деепричастные конструкции с глаголом *bol=* в древнетюркском языке выражали модальное значение возможности [ДТС, 1969, с. 111].

АК *Tv=n болур*, состоящая из деепричастия на *=n* основного глагола и причастия на *=ар* вспомогательного глагола *бол=* ‘быть’, ‘стано-

виться’, в тувинском языке выражает возможность совершения действия:

(5) *Олар мен чокта будулуп болур* (К-Л, Т. с., с. 68).

олар=Ø	мен=Ø	чок=та
они=NOM	я=NOM	нет=LOC
будул=уп	бол=ур	
сбиваться=CV	AUX:быть=PrP	

‘Они без меня могут сбиться с пути.’

Эта АК часто употребляется также в роли сказуемого в обобщенно-личных предложениях, где действие может относиться к любому лицу или мыслиться как нечто разрешаемое, допускаемое для всех.

(6) *Чүгле ырлап болур* (О.Со).

чүгле	ырла=п	бол=ур
только	петь=CV	AUX:быть=PrP

‘Можно только петь.’

АК *Tv=n болбас*, состоящая из деепричастия на *=n*, основного глагола и причастия на *=бас* от вспомогательного глагола *бол=* ‘быть’, ‘становиться’ и являющаяся отрицательной формой конструкции *Tv=n болур*, выражает значение внутреннего запрета, невозможность (недопустимость) совершения действия.

(7) *Чок, авазынга ол дугайын дыгнадып болбас* (Е.Т.).

чок	ава=зын=га	ол	дугайын
нет	мать=POSS3=DAT	этот	о
дыгна=д=ып	бол=бас		
слышать=CAUZ=CV	AUX:быть=NEGPrP		

‘Нет об этом нельзя сообщать матери.’

Данная АК часто употребляется в бесподлежащих обобщенно-личных предложениях. Она, хотя и редко, встречается и в определенно-личных предложениях, в которых подлежащее – 3-е лицо:

(8) *Ынча ырактан шуудеп чедип келген төлээ кижии элекке далажып болбас чоор* (Д. С.).

ынча	ырак=тан	шууде=п
так	далеко=ABL	беспокоиться=CV
төлээ=Ø		кижи=Ø
представитель=NOM		человек=NOM
бол=бас		чоор
AUX:быть=NEGPrP		PRTC

чеди=п	кел=ген
добираться=CV	приходить=PP
элекке	далаж= ып
раньше времени	спешить=CV

‘Из такого далека приехавший представитель не может (ведь) раньше времени торопиться (чтобы уехать).’

4) АК *Tv=a (=n) албас*, состоящая из деепричастия на *=a* основного глагола и отрицательной формы причастия настоящего-будущего времени от глагола *ал*= ‘брать’, ‘взять’, также выражает невозможность осуществления действия, названного деепричастием. Эта невозможность обусловлена внешними обстоятельствами.

(9) *Ээлери уткуп албас болза, ол бажыннарже кым-даа кире албас* (С.Сүрүн-оол).

ээ=лер=и	утку=п
хозяин=PL=POSS3	встречать=CV
бол=за	ол бажын=нар=же
AUX:быть=COND	тот дом=PL=LAT
кир=е	ал=бас
входить=CV	брать=NEGPrP

ал=бас
AUX:брать=NEGPrP

кым-даа
никто

‘Если хозяева не встретят, в те дома никто не может войти.’

В текстах иногда встречается АК, в которой первым компонентом выступает деепричастие на *=n*. Невозможность выполнять действия обусловлена субъективными причинами:

(10) *Чангыс кижиги хөйну чип албас мен* (А. Даржай).

Чангыс	кижиги=Ø
Один	человек=NOM
ал=бас	мен=Ø
AUX:брать=NEGPrP	я=NOM

хөй=ну	чи=п
много=ACC	есть=CV

‘Я один не могу много (огурцов) съесть.’

В моносубъектных АК инфинитивного типа доминирующие глаголы, получающие модальное значение в составе АК, могут употребляться либо в форме причастия, либо в форме деепричастия. В деепричастных АК – это глаголы адаптации (капацитива), пробного действия (гортатива); в причастных – едва не совершившегося действия (проксиматива).

АК с семантикой капацитива. В конструкциях инфинитивного типа указанной семантики первый компонент выражен глаголом в форме деепричастия. К числу таких глаголов относятся: *бил*= ‘уметь’, *чанчыгар* ‘привыкать’, *өөренир* ‘овладевать’. Модальное значение АК с этими глаголами можно определить как *адаптация к определенным условиям в результате постоянных занятий тем, что названо исходным*

глаголом. В ней имеется компонент подчеркивания способности субъекта совершить определенное действие в результате приобретенных навыков или достижения определенного физического состояния в ходе постоянных тренировок, повторяющихся движений и пр.

(11) *Кырган-ачам даянгыж-биле эптиг кылаштап чанчыгып калган* (Анк. 1995).

Кырган	ача=м=Ø
Старый	отец=POSS1Sg=NOM
кылашта=п	чанчыгы=п
ходить=CV	привыкать=CV
даянгыж-биле	Эптиг
палка=INSTR	Хорошо
кал=ган=Ø	
AUX:оставаться=PP=3SG	

‘Дед мой приспособился хорошо ходить с палкой’.

(12) *Чараштыр бижип өөренир* (TPC, 338).

чараштыр	бижи=п	өөрен=ир
красиво	писать=CV	учиться=PrP

‘Учиться красиво писать’.

Сочетание деепричастия на *=n* со вспомогательным глаголом *бил*= ‘уметь’ в модальном значении выражает способность (навык, умение) делать что-либо.

(13) *Кижиги-даа, суг-даа, даг-даа, дым-даа, хүн-даа тус-тус аажы-чангыг, ону чүгле ылгап билир-ле кижиги ылгап билир* (К-Л, Т.с., с. 69).

кижиги=Ø=даа	
человек=NOM=PRTCL	
дыт=Ø=даа	
лиственница=NOM=PRTCL	
аажы=чанг=ныг	ону
характер=нрав=POSSV	это
бил=ир=ле	
AUX:уметь=PrP=PRTCL	

суг=Ø=даа	
вода=NOM=PRTCL	
хүн=Ø=даа	
солнце=Ø=PRTCL	
чүгле ылга=п	
только различать=CV	
кижиги=Ø	
человек=NOM	

даг=Ø=даа	
гора=NOM=PRTCL	
тус=тус	
каждый в	
отдельности	

ылга=п	бил=ир
различать=CV	AUX:знать=PrP

‘И человек, и вода, и гора, и лиственница, и солнце имеют свой характер, это умеет различать только человек, знающий.’

АК с семантикой гортатива. В роли вспомогательного компонента используется глагол *көр=* ‘смотреть’ в форме императива. Он тоже формирует АК, хотя и несколько специфичную, отличную от сложных глаголов. Специфика сложных глаголов в том, что они являются аналогами аффиксальных производных аспектуальной семантики, а сочетание деепричастия на *=n* с глаголом *көр=*, выражающее идею призыва к совершению действия, таких аналогов не имеет и вряд ли может быть признано аспектуальным. Значение пробности – одно из значений категории модальности. Можно охарактеризовать его как модальность приглашения к действию (гортатив). Поэтому специфика сочетания *Tv=п* *көр=* усматривается в том, что оно функционирует именно как особая аналитическая конструкция сказуемого.

(14) *Карандаш-биле бижип көрөм* [TPC, с. 258].
карандаш=биле биж=ип көрөм
карандаш=COMIT писать=CV AUX:IMPER
‘Попробуй писать карандашом.’

(15) *Кезек туруп-туруп көдүрүп көргөн: ында бир-ле чүве чайтылаан* (Ыржым, с. 6).

Кезек тур=уп-тур=уп
некоторое время стоять=CV-стоять=CV
көр=ген ында
AUX:пробовать=PP бир=ле
там
что-то=PRTCL

көдүр=үп
поднимать=CV
чүве=Ø чайтыла=ан
вещь=NOM хлопать=PP

‘Некоторое время постояв, попробовала поднять: там что-то плескалось.’

Инфинитивные АК в тувинском языке выполняют функцию финитного сказуемого как в простом, так и в сложном предложении. В их формировании используются модальные, аспектуальные и каузативные глаголы, предикативы разных лексико-грамматических групп.

Мы рассмотрели только структурный тип инфинитивных АК с деепричастным первым компонентом. Он представлен АК с модальной семантикой возможности и невозможности. Близки к модальным и конструкции с семантикой гортатива.

Условные обозначения

ABL – исходный падеж; ACC – винительный падеж; AUX – вспомогательный глагол; CAUZ – каузативный залог; COMIT – комитатив; COMP – компаратив; COND – кондиционал; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; INFIX – инфикс; INFIN – инфинитив; LAT – латив; LOC – локатив; NEG – отрицание *=ба=*; NEGPrP – отрицательное причастие *=бас*; NOM – номинатив; PERS1 – персональность; POSSV – форма обладания *-лыг*; PP – причастие прошедшего времени *=ган*; PRTCL – частица; PL – множественное число; PrP – причастие будущего времени *=ар*; SG – единственное число; Ш – нулевая морфема.

Текстовые источники

Анк.1995	Анкетные материалы
А. Даржай	А. Даржай. Чечектер четкизи. – Кызыл, 1991..
Д. С.	Д. Сарыкай. Бүстүнмаан үүже. – Кызыл, 1978.
Е.Т.	Е. Танова. Е. Танова. Акым дугайында тоожу. – Кызыл, 1976.
К-Л, Т.с	М. Кенин-Лопсан. Тениң саамы. – Кызыл, 1993.
О.Со	С. Саган-оол. Төрээн кижилер. – Кызыл, 1980.
РТС	Русско-тувинский словарь / Под ред. Д.А. Монгуша. – М., 1980.
С.Т.	С. Тока. Араттың сөзү. – Кызыл, 1975.
TPC	Тувинско-русский словарь. – М., 1968.
Уйгу...кт	К. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. – Кызыл том. – Кызыл, 2002.
Ыржым	К. Кудажы. Ыржым булуң. – Кызыл, 1993.

Литература

- Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. – М., 1961.
Невская И. А. Употребление формы на *-рга* в шорском языке // Грамматические исследования по тюркским языкам. – Новосибирск, 1988. – С. 43–67.
Озонава А. А. Инфинитив в алтайском языке // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири. – Новокузнецк, 2008. – С. 115–119.
Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978.
Черемисина М. И. Аналитические конструкции инфинитивного типа в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. – Новосибирск, 2002. – С. 3–32.
Черемисина М. И., Монгуш Д. А., Шамина Л. А. Структурно-типологические характеристики сказуе-

мых в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарная наука в России. — М., 1996. — С. 224–230.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции мо-

дално-инфинитивного типа в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. — Новосибирск, 1995. — С. 52–68.

L.A. Shamina

The Infinitive of Tuvinian Language

The article analyzes the various means of infinitive construction usage in the contemporary Tuvinian language. These constructions have specific functions, their stability is connected with functional aspect of the infinitive.

Keywords: infinitive, infinitive construction, function, functional aspect.

УДК 930.25:398(=1–81)(571.56)

С.Д. Мухоплева

Архив как «строитель национального самосознания и идентитета»: К вопросу архивации рукописей олонхо и фольклорных документов коренных народов Якутии

Описывается архив Якутского научного центра СО РАН как крупное хранилище рукописей олонхо и фольклора коренных народов Якутии, приводится перечень архивов, хранящих записи якутского героического эпоса-олонхо в Якутии, Москве и Санкт-Петербурге, затрагиваются проблемы, с которыми сталкиваются современные ведомственные архивы. В связи с этим ставится вопрос о социальной функции фольклорного архива на современном этапе развития общества, рассказывается о мерах, которые приняты для решения проблем архивации эпического наследия в Республике Саха (Якутия), предлагаются первоочередные меры, необходимые для решения проблем архивации фольклорных документов в Якутии.

Ключевые слова: архивация фольклора, рукописи якутского героического эпоса-олонхо, коренные народы Якутии, социальная функция архива, этническая самоидентификация.

Якутский героический эпос-олонхо, отшлифованный за тысячелетия, содержащий в себе огромное информационное и энергетическое поле, воссозданное посредством символов, письменно стал фиксироваться, храниться в архивах и издаваться, начиная с первой половины XIX в. История его сбора и издания сравнительно хорошо изучена в трудах якутских фольклористов. Архивация же рукописей, аудио-, видеозаписей и документов олонхо еще не стала предметом научного исследования в якутской фольклористике.

Рукописи, записи олонхо на технических носителях и документы различного характера об эпосе якутов хранятся в разных архивах не только Якутии, но и других городов России, возможно, и за рубежом. К примеру, рукописи, аудиозаписи олонхо, рукописные документы по олонхо хранятся в ряде архивов г. Санкт-Петербурга: архиве РАН, Института востоковедения, Музея антропологии и востоковедения (Кунсткамера), Русского географического общества, Фонограммархиве ИРЛИ. В Республи-

ке Саха (Якутия) держателями документов по олонхо (на бумажных, технических аудио-, видео-, фотоносителях) являются следующие государственные учреждения: архив ЯНЦ СО РАН, кафедра фольклора ФЯФИК СВФУ им. М. Аммосова, сектор фольклора ИГИиПМНС СО РАН, ГНХКДо РС(Я), НВК «Саха», НА РС(Я), РНМЦ НТ и СКД, Отделы фонда и информации при НМЦ улусных управлений культуры, Музей музыки и фольклора народов Якутии. Кроме того, материалы по олонхо хранятся у частных лиц. Из всех этих учреждений самой богатой коллекцией рукописей и документов по олонхо обладает архив Якутского научного центра СО РАН.

Архив был создан на базе рукописного фонда ИГИиПМНС СО РАН (бывшего Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР), основа которого была заложена поступлением материалов фольклорной экспедиции 1938 г. С.Боло и А.Саввина. Официальной датой образования архива считается 2 июля 1959 г., когда был издан приказ №176 «Об упо-

рядочении хранения архивных документов в Якутском филиале СО АН СССР» председателя Президиума ЯФ СО АН СССР И.С. Рожкова [Приказы...]. Фондообразователями архива являются Президиум ЯНЦ и институты. Архив, кроме того, имеет личные фонды деятелей науки и культуры и фонд по энергетике. Документы по олонхо хранятся в двух фондах: фонде №4 — Личном фонде, №5 — фонде ИГИИПМНС СО РАН.

Фонд №4 — Личный фонд, состоит из 30 описей. Описи составлены на дела таких ученых, как М.Н. Ионова, С.А. Новгородов, Г.В. Ксенофонтов, Г.У. Эргис, С.И. Боло, А.А. Саввин, Г.А. Попов, Г.П. Тихонов, В.Н. Чемезов. Фамилии же писателей, дела которых хранятся в архиве ЯНЦ, тоже хорошо известны всем тем, кто знаком с культурой народов Якутии. Это А.Е. Кулаковский, Н.Д. Неустроев, А.И. Софронов, С.С. Яковлев-Эрилик Эристиин, Т.Е. Сметанин, П.Я. Туласынов, А.И. Федоров, А.Г. Абагинский, И.Д. Винокуров-Чагылган, Г.Г. Вешников-Баал Хабырыыс, С.Н. Новиков, Д.Н. Васильев, а также эвенские писатели Е.А. Никулин, Н.С. Тарабукин. Кроме того имеются личные дела таких деятелей, имена которых известны только специалистам (Бутырлин С.А., Мышкин М.П., Дубровин Е.А., Меликов Д.И., Кропачев). В этом фонде еще хранятся коллекция фольклорных материалов, переданная архиву Домом народного творчества, и архив Готовцевых — старост Баягантайской улусной управы.

На сегодня известно, что рукописи олонхо хранятся в описях Г.В. Ксенофонтова* и С.С. Яковлева-Эрилик Эристиина. Остальные описи личного фонда целенаправленно никем не изучались на наличие документов по олонхо. В этом отношении особый интерес вызывают коллекции Дома народного творчества, Готовцевых, описи самих фольклористов, писателей, собиравших эпос.

Фонд № 5, образованный из научных документов ИГИИПМНС СО РАН, содержит 16 описей. Описи составлены с учетом структурного и хронологического признаков института советского периода. Документы распределены по секторам: истории, социологии, искусствоведения, северной филологии, языка, литературы и фольклора. Отдельная опись составлена на документы дирекции. На дела секторов истории, языка, литературы и фольклора имеются не-

сколько описей. Возьмем документы сектора фольклора. Три описи составлены по хронологическому принципу: оп. 3 — сектор фольклора за 1936–1946 гг., оп. 10 — научные документы отдела литературы и фольклора за 1961–1971 гг., оп. 13 — сектор фольклора за 1972–1991 гг. Есть две специальные описи по олонхо: оп. 7 — рукописи полных и неполных записей олонхо за 1925–1988 гг., оп. 8 — рукописи, описывающие развитие сюжетов олонхо, за 1921–1988 гг.

В архиве отдельно хранятся машинописные копии особо ценных материалов по фольклору, в том числе олонхо, для пользователей. Из них в научный оборот твердо вошли документы описей под номерами 7 и 8. В этом особую роль сыграло издание указателя «Библиография олонхо [1982], где впервые были описаны рукописи записей олонхо. Следует сказать, что 45 единиц хранения эпоса остались не описанными в указателе, что выявлено в 2008 г. Н.А. Дьяконовой при описании рукописей. Часть рукописей не вошла в реестр по объективным причинам: они приняты на хранение после издания работы. Мы сегодня точно знаем, что в архиве хранится 151 единица полных записей от руки текстов олонхо. Это огромное богатство! А, между тем, это только крупные «бриллианты». Пока еще не описаны остальные документы по олонхо. В дальнейшем при составлении Каталога олонхо архива следует описать не только записи полных текстов олонхо или описания сюжетного развития текста олонхо, но и другие документы, имеющие отношение к олонхо, как, например рассказы и воспоминания об олонхосутах, анкеты об олонхосутах, дневниковые записи собирателей об олонхосутах, материалы о слетах олонхосутов и т.д. В связи с этим полному обследованию должны быть подвергнуты не только личные фонды и документы сектора фольклора, но и описи документов сектора истории за 1935–1989 гг. (оп. № 1), сектора языка за 1928–1949 гг. (оп. №4), сектора языка и литературы за 1947–1961 гг. (оп. № 6), сектора языка за 1962–1990 гг. (оп. № 12), поскольку в экспедиционных материалах, собранных этнографами и диалектологами, непременно найдутся и ценные документы по эпосу.

В дописьменном периоде художественные формы фольклора, к ним относится и олонхо, служили средством для фиксации особо важной информации в коллективной памяти. По-

* Как отмечено Г.У. Эргисом, в фонде Г.В. Ксенофонтова имеются 18 записей олонхо, в большинстве неполные. См.: Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. — М., 1974. — С. 87.

этому можно смело утверждать, что небольшой ведомственный Архив ЯНЦ СО РАН в своих «недрах» хранит бесценную информацию об этнической культуре народа саха. В архиве хранятся не только материалы по фольклорному жанру якутов — олонхо, тут сконцентрирована вся информация о традиционной культуре якутов и малочисленных народов Севера: эвенов, эвенков, юкагиров, долган, которая собиралась по крупицам несколькими поколениями исследователей ИГИИПМНС СО РАН и интеллигенцией Якутии в течение столетия.

О том, что сегодня фондодержатель важной этнической информации о коренных народах Якутии испытывает трудности в обеспечении сохранности материалов, учете документов, создании научно-справочного аппарата к ним, организации использования документов, хранящихся в их ведомствах, а также в комплектовании своих архивов новыми документами, известно. Для преодоления этих трудностей необходимо разработать комплексную многолетнюю программу. Первый важный этап в этом направлении — строительство специализированного здания для архива, которое планируется дирекцией ИГИИПМНС СО РАН. Это позволит решить вопросы создания оптимальных условий хранения, рационального размещения документов и их топографирования. Однако и это не решит всех проблем. Путь к созданию нормально функционирующего научного архива, отвечающего всем требованиям времени, представляется нам не таким простым. Обратимся для этого к существующему опыту.

Известно, что в России сложилась научная традиция хранения собранных фольклорных материалов при маломощных отделах фольклора НИИ АН или в университетах при кафедрах фольклора, т.е. фольклорные материалы хранятся в ведомственных архивах. Специализированных хранилищ фольклорных и этнографических материалов не имеется, поэтому решение задач, даже обеспечения сохранности хранимых документов, оказывается непосильным для многих ведомственных архивов. Однако в последние годы в российской фольклористике вопрос архивации фольклорных материалов постепенно становится одним из приоритетных направлений в рамках фольклорной текстологии. Есть отдельный положительный

опыт в преодолении этих трудностей и в академических институтах, и в университетах. К примеру, фонд фольклорных коллекций Научного архива Карельского научного центра РАН в 1979 г. признан одним из лучших по составу и научной обработке материала наряду с архивами Риги, Вильнюса, Тарту, Таллинна (Резолюция Всесоюзной конференции по координации собирательской работы и архивного хранения фольклора от 25 октября 1979) [Марковская, 2006, с 5]. Примечательно, что в институте сами фольклорные архивы, все хранящиеся в них материалы (объемы и структура фондов, их содержание и т.д.) и вопросы систематизации (используемые подходы к классификации, принципы составления описей, реестров, картотек, каталогов и т.п.) специально изучаются, о чем свидетельствует диссертационная работа Марковской Е.В. [2006].

Интерес представляет, на наш взгляд, и опыт работы лаборатории фольклора Поморского государственного университета (г. Архангельск), созданного, несмотря на глубокий интерес ученых-фольклористов и этнологов к традиционной культуре Архангельской области, только в 1995 г.*. Достижения в области архивации карельских и архангельских фольклористов в первую очередь можно объяснить благотворным влиянием прибалтийских и финских школ фольклористики, которые издавна целенаправленно разрабатывают проблемы архивации в специализированных Фольклорных архивах. Опыт финских фольклористов показывает, что потенциал ведомственного архива недостаточен для достижения таких высот в архивации фольклорных материалов, как в Финляндии**. Такой богатой коллекцией в совокупности, качеством систематизации и таким вниманием со стороны научных издательств не может похвастаться ни один ведомственный архив в России.

Противопоставление «ведомственный архив — самостоятельный Фольклорный архив» связано с пониманием самого слова «архив», ключевыми моментами, принципами архивного дела и историко-теоретическими, философскими проблемами традиционной культуры. Под словом «архив» традиционно подразумевается учреждение для сбора, обработки и долгосрочного хранения документов. Функция специализированного фольклорного архива не-

* Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера. Поморский гос. университет им. М.В. Ломоносова [Сайт]. URL:<http://folk.pomorsu.ru/> (дата обращения: 20.09.2010).

** Фольклорный архив Финляндии — хранитель памяти и традиций народа. URL:<http://www.kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs2/finugor-17.02.05.htm> (дата обращения: 20.09.2010).

сколько иная. Это не только сбор, обработка и хранение документов, но и, как пишут зарубежные специалисты по фольклорной архивации, архив должен функционировать как орган возрождения определенных элементов культуры этноса. Так, профессор Лаури Харвилаhti, директор Фольклорного архива Финляндии, считает, что фольклорный архив играет роль строителя национального самосознания и идентитета*. Е.Шмидт, венгерский этнолог, создавшая научный фольклорный архив северных ханты, в своем докладе «Архетип «Архива»: размышления о новом типе учреждения и его актуальных проблемах» излагает ключевые моменты архивного дела на фоне современных обско-угорских обществ и рассматривает конкретные актуальные моменты с точки зрения информационных процессов. Так же, как и Харвилаhti, она функцию архива фольклора видит в самоидентификации общества и, конкретизируя свою мысль, пишет о том, что фольклорный архив — это учреждение для спасения уходящей этнической информации, основная цель которого — воспроизводство самого первичного информационного фонда этноса [Шмидт, 2001, с. 267–280].

В России архиву такого типа в какой-то степени соответствовали Дома народного творчества, республиканские центры фольклора, которые сегодня на местах расформированы. Из существующих в настоящее время учреждений культуры в России функцию «строителя национального самосознания и идентитета» выполняет Институт традиционной культуры Государственного республиканского центра русского фольклора (г. Москва)**. Это учреждение нацелено на сбор традиционного информационного фонда одного этноса и адаптирование традиционных основ его культуры в современный общекультурный контекст. В сущности, по своей функции Институт традиционной культуры Государственного республиканского центра русского фольклора аналогичен фольклорным архивам Прибалтики и Финляндии.

Существует ли в Якутии учреждение, подобное вышеупомянутым фольклорным архивам или Институту традиционной культуры Государственного республиканского центра русского фольклора, которое играет роль «строителя национального самосознания и идентитета», «спасителя уходящей этнической информации»? В

какой-то мере такую функцию традиционно выполнял ИГИИПМНС СО РАН. Однако в нем не все вопросы традиционной культуры изучались в полной мере. Об этом свидетельствует то, что долгое время в институте не было специального структурного подразделения по этнографии. Об этом же свидетельствует и сегодняшнее бедственное положение рукописного фонда ИГИИПМНС СО РАН, хранящегося в архиве ЯНЦ СО РАН. Отчасти такую функцию в республике в советское время выполнял Дом народного творчества при Министерстве культуры и духовного развития, с установлением демократии он в силу неизвестных причин был расформирован. В нашей многонациональной республике всегда присутствовало стремление к установлению баланса отношений между народами, поэтому увлечение традиционной культурой, стремление к этнической и языковой самостоятельности в период демократии, видимо, стало своего рода антиценностью.

На стыке II и III тысячелетия всеобщее распространение средств информационной техники, различные процессы глобализации представляют реальную угрозу сохранению этнических особенностей даже многочисленных этносов в условиях информационного, все более интернационализирующегося общества. В силу этого судьба этносов, особенно малочисленных, как об этом с тревогой за судьбы обско-угорских народов ханты и манси писала этнолог из Венгрии Е.Шмидт [2001, с. 270–271], во многом будет зависеть от того, как они среагируют на вызов времени, сумеют ли создать прочное «учреждение памяти», которое необходимо для воспроизводства самого первичного информационного фонда этноса, т.е. самоидентификации народа в любых актуальных целях. О расширении социальных функций архива как учреждения в мировом пространстве свидетельствует рекомендация ЮНЕСКО, принятая в 1989 г. на 25-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Рекомендации..., 2003] о создании национальных архивов, где фольклорные материалы могли бы надлежащим образом храниться и предоставляться.

Якутский героический эпос — олонхо 25 ноября 2005 г. на третьем провозглашении в Штаб-квартире ЮНЕСКО признан шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества. В связи с этим в республике был разработан и принят Закон о Государ-

* Там же.

** Государственный республиканский центр русского фольклора [Сайт]. <http://www.centrfolk.ru/> (дата обращения: 20.09.2010).

ственной целевой программе (ГЦП) по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо. Закон о ГЦП вступил в силу 15 марта 2007 г. и должен работать до 2015 г. Ниже мы расскажем о мерах, которые приняты для решения проблем архивации в рамках этой программы, и проблемах, с которыми столкнулись, пытаясь внедрить программу в жизнь.

Программа была разработана сотрудниками сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН (в то время центра Олонхо ИГИ АН РС(Я)). Она состоит из 5 подпрограмм:

1. Международный центр олонхо и научные исследования по эпосу;
2. Защита, хранение и обеспечение сохранности эпического наследия;
3. Сохранение и возрождение аутентичной устной эпической традиции в РС(Я);
4. Олонхо и будущие поколения;
5. Театр олонхо и развитие современных форм выражения эпоса.

Из вышеназванных пяти подпрограмм вторая подпрограмма, которая называется «Защита, хранение и обеспечение сохранности эпического наследия», затрагивает вопросы архивации. Задачи этой подпрограммы: 1) обеспечение сохранности материалов по эпосу, находящихся в хранилищах республики; 2) создание на территории республики единой организационно-правовой модели и комплекса мер правовой защиты эпоса олонхо; 3) качественное улучшение кадрового потенциала в сфере хранения традиционной культуры.

В Законе о ГЦП в параграфе «Содержание проблемы и обоснование необходимости ее решения программными методами» написано так: «Материалы по олонхо хранятся разрозненно в архивах и хранилищах республики, условия хранения не соответствуют требованиям. Для сохранения этих уникальных материалов необходимо осуществить переход на новые способы хранения на основе информационных технологий. Реализация данной программы позволит увеличить количество отреставрированных и оцифрованных материалов до 100%. Имеющиеся материалы и записи олонхо, осуществленные в рамках выполнения мероприятий программы, будут расшифрованы фольклористами и этномузыковедами, что значительно увеличит корпус расшифрованных тестов — на 412%».

Для решения поставленных задач второй подпрограммы Закон о ГЦП предусматривает следующие программные мероприятия: 1) раз-

работку методических рекомендаций по реализации программных задач на местах, организацию периферийных научно-творческих групп и научное руководство ими; 2) социально-правовую защиту олонхо; 3) формирование, хранение, систематизацию фольклорно-этнографических материалов, хранящихся и поступающих в архивы и хранилища республики, фонды учреждений культуры, науки, образования; 4) организацию системы специальных семинаров, конференций по вопросам изучения, сохранения, распространения эпоса.

Подпрограмма «Защита, хранение и обеспечение сохранности эпического наследия» состоит из разделов и подразделов.

Первый раздел под названием «Создание законодательной базы по охране и защите якутского героического эпоса олонхо в РС(Я)» имеет подраздел «Разработка и принятие нормативно правовых актов». Руководителем этого раздела была назначена к.ф.н. А.Е. Захарова (она в то время работала заведующим Центром олонхо).

Второй раздел подпрограммы называется «Архивация эпического наследия народов РС(Я), создание ИС «Олонхо»». Он состоит из 12 подразделов: 1) Систематизация и перевод материалов по олонхо на цифровые носители для ИС «Олонхо»; 2) Перевод видеоматериалов по олонхо на цифровые носители, создание электронного каталога; 3) Электронная библиотека текстов олонхо; 4) Создание медиатеки аудио- и видеозаписей; 4) Деятельность ЯНФА при Международном центре олонхо; 5) Создание сети фольклорных архивов и специализированных библиотек по фольклору на базе учреждений культуры; 6) Проведение семинаров, круглых столов для фольклористов «Проблемы архивации и систематизации фольклора»; 7) Выпуск серии CD «Живые голоса предков»; 8) Создание электронной базы данных для ИС «Олонхо»; 9) Электронный библиографический справочник по олонхо; 10) Создание электронного архива по традиционной культуре народов Якутии; 11) Сохранение изданий якутского эпоса олонхо; 12) Разработка, развертывание и функционирование инфраструктуры ИС «Олонхо». Из этих 12 подразделов 9 подразделов, это нужно подчеркнуть, в целом посвящены переходу на новые способы хранения на основе информационных технологий и создания ИС «Олонхо». Руководителем этой основной работы на сегодня является замдиректора Института олонхо при СВФУ С.Е.Васильев. По остальным трем разделам («Деятельность Якутского научного

фольклорного архива при Международном центре олонхо», «Создание сети фольклорных архивов и специализированных библиотек по фольклору на базе учреждений культуры», «Проведение семинаров, круглых столов для фольклористов по проблемам архивации и систематизации фольклора») ответственным исполнителем была определена С.Д. Мухоплева.

Впервые в рамках реализации Программы произошел позитивный сдвиг в налаживании механизма социального партнерства научных, архивных работников и деятелей культуры, привлечено внимание руководителей и исполнителей проектов программы к наиболее важным вопросам обеспечения сохранности эпического наследия. В этом отношении представляют интерес Рекомендации республиканского семинара-совещания «Архивация фольклорных материалов: состояние, тенденции и перспективы развития». Семинар-совещание состоялся 8–10 апреля 2008 г. в г. Якутске в рамках выполнения рекомендаций «Семинара по выполнению рекомендаций ЮНЕСКО (1989 года) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации» и Закона Республики Саха (Якутия) «О Государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо на 2007–2015 гг.» (2007 г.).

Участниками семинара-совещания были приняты следующие рекомендации:

1. Правительству Республики Саха (Якутия):

1.1. Создать республиканский межведомственный научный экспертно-методический центр по архивации эпического наследия из числа сотрудников ИГИиПМНС СО РАН (головное учреждение), а также специалистов Комитета государственной архивной службы РС(Я), Министерства культуры и духовного развития РС(Я) и подведомственных учреждений, имеющих коллекции по эпическому наследию народов РС(Я).

1.2. Совместно с Президиумом СО РАН изучить возможность выделения рукописного фонда гуманитарного направления в Архиве ЯНЦ СО РАН, собранного сотрудниками ИГИиПМНС СО РАН в отдельную структуру для реорганизации в виде Центра по сохранению и изучению редких рукописей при Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

2. Министерству культуры и духовного развития РС(Я) совместно с Комитетом государственной архивной службы РС(Я) и Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН разработать законодательную базу для правового регулирования архивации фольклорных материалов и эпического наследия народов РС(Я) в течение 2008–2009 гг.

3. Институту гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН:

3.1. Совместно с ГУ «АРКТИКА»*:

– ежегодно проводить семинар-совещание разного уровня по актуальным проблемам архивации фольклорных материалов и эпического наследия народов РС(Я) с созданием постоянно действующего республиканского оргкомитета;

– подготовить к печати и издать материалы и документы семинара-совещания, опубликовать материалы о работе и рекомендациях семинара-совещания в республиканских и региональных СМИ.

3.2. Совместно с Национальной библиотекой РС(Я) и заинтересованными ведомствами, муниципальными образованиями, учреждениями культуры, науки и образования приступить к созданию Сводной электронной базы данных и Электронной библиотеки по эпическому наследию народов РС(Я) под руководством Центра олонхо.

4. Арктическому государственному институту искусств и культуры изучить возможность подготовки на факультете фольклора и этнокультуры народов Арктики в рамках специальности «Народное художественное творчество» фольклористов-архивистов для работы в фольклорных архивах и фондах республики.

К сожалению, ни один из пунктов Рекомендаций семинара-совещания по состоянию на сегодня не реализован полностью. Это свидетельствует об отсутствии механизмов отслеживания реализации Закона «О Государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо на 2007–2015 гг.», необходимости найти пути улучшения эффективности мероприятий и внести в программу необходимые коррективы в связи с изменениями, происходящими в общественной жизни республики. Тут надо учесть и то, что сегодня изменился

* Государственное учреждение «Агентство реализации креативных технологий и инноваций культуры Арктики».

статус ИГИИПМНС СО РАН, который был инициатором и разработчиком целевой Программы.

Сегодня, в ситуации осложнения реализации программных мероприятий, направленных на архивацию фольклорных материалов и эпического наследия народов РС(Я), ограниченного финансирования возникла острая необходимость в выделении рукописного фонда ИГИИПМНС СО РАН, созданного несколькими поколениями сотрудников и хранящегося в Архиве ЯНЦ СО РАН, в отдельную структуру. Вновь образованная структура должна быть нацелена на обеспечение сохранности, доступности и дальнейший сбор традиционного информационного фонда коренных народов Якутии и адаптирование традиционных основ их культуры в современный общекультурный контекст. Тогда в XXI в. архив постепенно станет «строителем национального самосознания и идентитета».

Отец якутской фольклористики Г.У. Эргис [1945] в инструкциях для собирателей традиционного фольклора писал о том, что надо спешить со сбором фольклора, что с уходом носителей традиции исчезнет сам фольклор. Он оказался прав. Сегодня традиционная сказительская практика возрождается благодаря трем факторам: наличию рукописного собрания и аудио-, видеозаписей олонхо в архивах, существованию в живых нескольких традиционных

олонхосутов и актуализации эпической памяти пассивных носителей традиции. Это символично. Сама жизнь нам подсказывает, что архив способствует реактивации, возвращению культурной информации в общество. Действительно, накопление информации в нормальном случае не вредит динамике развития общества, а скорее, наоборот: о силе общества можно судить по состоянию архивного дела.

Литература и примечания

Библиография олонхо: [Библиогр. указатель] / Отв. ред. Д.С. Макаров. – Якутск, 1982. – 67 с.

Марковская Е.В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (На материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Петрозаводск, 2006. – С. 10.

Приказы // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 3–5.

Рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора // Семинар по выполнению рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации: Сб. выступлений участников семинара. – Якутск, 2003. – С. 198.

Шмидт Е. Архетип «Архива»: размышления о новом типе учреждения и его актуальных проблемах // Journal de la Societe Ougrinne, fol. 89 (2001): P. 267–280.

Эргис Г.У. Спутник якутского фольклориста. – Якутск, 1945.

S.D. Mukhopleva

Archive as the «Builder of the national self-consciousness and identity»: to the question of archiving of manuscripts of Olonkho and folklore of the documents of the native people of Yakutia

The author describes the archive of the Yakut scientific center of the Siberian Branch of the Russian Academy of sciences as a major repository of manuscripts of Olonkho and folklore of the native people of Yakutia, leads the list of archives containing the recording of the Yakut heroic epos Olonkho in Yakutia, Moscow and St. Petersburg, addresses the problems faced by modern departmental archives. In connection with this raises the question of the social function of the folklore archive at the modern stage of development of society, reflects on the measures taken to solve the problems of archiving epic heritage in the Republic of Sakha (Yakutia), offers primary measures, necessary for the decision of problems of folklore archive of documents in Yakutia.

Keywords: folklore archive, manuscripts of the Yakut heroic epos Olonkho, the native people of Yakutia, the social function of the archive, ethnic self-identification.

А.Н. Данилова, П.Е. Заболоцкая

Характеристика образа богатыря в олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»

В статье рассматривается образ главного героя по имени Кулун Куллустуур с точки зрения его формульной, портретной характеристик и характеристики действий, которые наиболее цельно раскрывают его образ.

Ключевые слова: эпос, образ, сюжет, персонаж, формула имени, портретная характеристика, действие.

К изучению всей образной системы и способа изображения отдельного образа в эпических сказаниях якутов олонхо необходим комплексный подход, который помогает наиболее полно раскрыть идейное содержание, определить типы сюжетов, особенности жанровой формы, поэтики и др.

Система образов олонхо представляет собой основу эпического социума, где главный герой богатырь или богатырка *айыы* выступают в качестве носителей этических традиций и эстетических идеалов, а остальные персонажи, образуя отдельные группы вокруг героя, служат развитию основного конфликта. Их принято обозначать как второстепенные персонажи, хотя на сюжетном и функциональном уровнях они отличаются. Это мифологические персонажи, к которым относятся божества и духи-покровители, а также сверхъестественные существа Нижнего мира *абаасы*, и эпизодические персонажи, вводимые в эпическое сказание для усиления развития действий главного героя.

Как отмечают исследователи эпического сказания якутов Н.В. Емельянов и В.В. Илларионов, система персонажей олонхо устойчива и неизменна. В ней главный герой — богатырь или богатырка *айыы* выступает защитником племени *айыы аймага* (букв. люди, имеющие божественное происхождение), а его основными противниками являются богатыри из Нижнего мира *абаасы*, носители зла и всё разрушающей силы. К остальным персонажам относятся родители и родственники, рабы, «стражи» разных мест, божества, духи и множество других второстепенных персонажей» [Якутский героический эпос, 1993].

Впервые в якутской фольклористике основные образы олонхо изучил, составив их систе-

матизацию, фольклорист И.В. Пухов [1962]. Он выделил пять основных групп: 1) главный герой; 2) богатыри «айыы»; 3) женщины — героини олонхо; 4) противники героя; 5) рабы. Полагаем, что здесь эпические герои классифицированы исходя из той роли, которую каждый персонаж выполняет в сюжете и в зависимости от его социального статуса.

Вслед за ним исследователь Г.У. Эргис [1974] разделил основные образы олонхо так: 1) главный герой; 2) образы врагов племени *айыы*; 3) образ таёжного богатыря; 4) женские образы; 5) другие образы (образы родоначальников, вестника *Сорук Боллур*, старухи-сплетницы *Симэхсин эмэхсин*, тунгусского богатыря, девки-*абаасы* из Нижнего мира и др.). Отметим, что здесь в отдельную группу выделен образ таежного богатыря, а распределение других персонажей составлено по уровню их взаимодействия с главным героем.

В дальнейшем характеристика эпических персонажей и их изучение занимает значительное место в многочисленных статьях якутских фольклористов Л.Д. Нестеровой [1978], В.Т. Петрова [1978], В.П. Еремеева [1980].

Научную ценность для изучения структурно-семантических и типологических особенностей основных образов олонхо представляет работа А.Н. Даниловой [2008], которая выявила специфику образа женщин богатырок. На основе сравнительно-сопоставительного анализа автор рассмотрела функции главной героини, определила ее место в эпическом социуме, взаимодействие с другими персонажами и составила формульные характеристики.

Большое значение для изучения образов героев олонхо, системы знаков и символов имеет работа фольклориста А.Е. Захаровой «Архаическая ритуально-обрядовая символика народа

сах» [2004], в которой сделана попытка систематизировать категории эпических символов: мимики и жеста, где конкретно выделены ритуальные и церемониальные жесты: тоекратный «объезд» или «обход», тоекратное коленипоклонение, традиционная встреча гостей. Для изучения «богатырского гнева» автор предлагает определенные семиотические коды: животный, растительный, охотничий, звуковой, энергетический, традиционный предметный [Там же].

Интерес представляют и работы искусствоведа А.Г. Лукиной [1998, 2005], которая изучив пластически-танцевальную характеристику персонажей олонхо, разделила лексику данной характеристики на три группы: лексику, отражающую бытовые, естественные движения (1); и на элементы состязательных, военных, богатырских игр (2); а также подражательную, ассоциативную (3).

Итак, в специальных исследованиях дана классификация образов и характеристик основных героев олонхо, рассмотрены «богатырский гнев» и пластически-танцевальные движения, но недостаточно изученной остается система образов.

Главный герой (богатырь) или героиня (богатырка) имеют свое родовое происхождение и сословный статус, живут в определенном месте, у них свое назначение и функции. Они на разных уровнях вступают во взаимодействие с другими персонажами, попадают в различные ситуации и переживают различные состояния, особенно эмоционально реагируют на происходящее вокруг них: на поведение людей, на обстановку, на явления природы, на обстоятельства и т.д.

В данной статье рассматривается характеристика образа главного героя олонхо «*Куруубай Хааннаах Кулун Куллуштуур*» (Строптивный Кулун Куллуштуур), имеющего общий объем 11134 строки и записанного уроженцем Якутии, этнографом В.Н. Васильевым, в 1906 г. от чурапчинского сказителя И.Г. Теплоухова-Тимофеева. Текст впервые был издан в 1916 г. Э.К. Пекарским в серии «Образцы якутской народной литературы» на якутском языке и переиздан с переводом на русский язык в серии «Эпос народов СССР» в 1985 г. [Теплоухов-Тимофеев, 1985].

В олонхо повествуется о подвигах богатырей трех поколений: родоначальников богатыря айыы Кулун Куллуштуур и его жены удаганки

Кюн Толомон Ньургустай, их детей и внуков, основной целью героев является устройство семьи и защита племени айыы аймага. По определению Н.В. Емельянова [1983], данное эпическое сказание относится к олонхо ранних типов о женщинах-богатырках, хотя оно названо по имени богатыря мужчины.

По сюжету судьба героя богатыря айыы по имени Кулун Куллуштуур предreshена божествами в лице главы пантеона Юрюнг Айыы Тойона. Он должен жениться на богатырке-удаганке по имени Кюн Толомон Ньургуста и стать прародителем людей в Среднем мире. Также он должен выдержать натиск врагов и защитить племя айыы аймага от лихих набегов злых существ «абаасы» из Верхнего и Нижнего миров. Предначертание жизни героя записано на противоположной стороне Столбовой Горы, имеющей наскальные письмена, и занесено писарями властного Рока в небесную Книгу судеб.

Но герой восстает против их решения и «...на суде божеств не подчиняется установленной традиции, обращается к божествам дерзко, укоряет их за поселение его в неблагоустроенном мире и несправедливое решение женить на удаганке. Он обвиняет Юрюнг Айыы Тойона во властности» [Эргис, 1974]. Здесь проявляется очень своенравный, гордый и независимый нрав героя; именно из-за его строптивного характера в Среднем мире происходит нарушение порядка, и на него начинают наступать враги людей — злые существа абаасы.

В качестве материала в нашей работе использованы 1–2635 строк из текста олонхо [Теплоухов-Тимофеев, 1985], при этом большое внимание было направлено на его повествовательную часть. Хотя при изучении образа героя большое значение имеют и песенные фрагменты (монологи и диалоги героев), в которых герой объясняет мотив и причину своих действий, рассуждает по поводу создаваемой ситуации, восхваляет себя, выражает чувства, изъявляет желания, поясняет свое отношение к другим персонажам и т.д.

В образе богатыря айыы по имени Кулун Куллуштуур нами выделены такие составляющие: 1) формульная характеристика; 2) портретная характеристика; 3) характеристика действий, так как при совершении героем многочисленных действий большое значение имеют мимика, жест, пластика и движения, являющиеся внешним проявлением внутреннего состояния героя.

1) Формульная характеристика. Нами разработана структурно-семантическая модель именной формулы: ОР 1 (определяющий ряд), показывающий место обитания персонажа, +ОР 2, указывающий на родовое происхождение, +ОР 3, маркирующий индивид, +ИП (имя персонажа) + П (показатели): П 1 (показатель сословного статуса)+/или П 2 (показатель пола)+/или П 3 (показатель возраста). В первом определяющем ряду (ОР 1) – именной формуле эпический персонаж характеризуется по месту локализации.

Богатырь айы по имени Кулун Кулустуур живет в Среднем мире (Сибирь), но известен он во всех трех эпических мирах. Второй определяющий ряд (ОР 2) знакомит с родословной линией героя: родителями (отцом и матерью)

выступают божества конного скота Джесегей и его жена Джюсюлю. Из этого следует, что герой имеет божественное происхождение. В третьем определяющем ряду (ОР 3) идет маркировка персонажа. Для раскрытия сущности эпического персонажа цвет и средства передвижения являются показателями тех или других свойств персонажа. Между ездовым животным и всадником существует неразрывная связь: каков нрав коня, таков и хозяин. Ядро именной формулы – собственное имя персонажа (ИП). Имя героя является составным и представляет собой словосочетание Кулун Кулустуур (букв. жеребец быстроногий и резвый), т.е. формула имени эпического персонажа представляет собой особый канон передачи его образа (табл. 1).

Таблица 1

Формульная характеристика богатыря айы по имени Кулун Кулустуур

ОР 1 (место обитания персонажа)	ОР 2 (родовое происхождение)	ОР 3 (маркирующий индивид)	ИП (имя персонажа)	П 1 (показатель сословного статуса)
В Верхней Сибири названным, В нижнем мире названным, В Среднем же мире названным (Стр. 15, 18, 21)	Родился от младшего брата моего (Юрюнг Айы Тойона) Грозного Джесегей и Джюсюлю Хотун (Стлб. 2336-2337)	Владеющий конем: Огненный Рыжий конь, Который, резвясь, мотает головой; Буйный Рыжий конь, Который, резвясь, Перебирает ногами; Вихревой Рыжий конь, Который, резвясь, Помахивает хвостом (Стр. 8, 16-17, 19-20, 22-23)	Кулун Кулустуур (жеребец быстроногий и резвый) (Стр. 8)	Богатырь (Стр. 6)

2) Портретная характеристика. У богатыря айы Кулун Кулустуур «величаво-грозное обличье...могучий вид» (стлб.20), «ладные губы и зубы» (стлб.20), «...подвижные черногого серебра брови и глаза» (стлб.30), «гладкие белые руки», «длинные мощные ноги», «огромная спина», «широкая выпяченная грудь» (стлб.40). Он красивого телосложения «с высокими бедрами...с гибкой талией...с широкими плечами...с прямой шеей...» (стлб.50), очень сильный и ловкий «человек, от рождения имеющий силу сорока девяти отборных богатырей» (стлб.2409-2410), «крепко сбитый и быстрый на ноги» (стлб.50), который

мог по девять суток без отдыха проводить в играх и состязаниях.

Как видим, в портретной характеристике передается не только внешний вид героя, но и особенности его поведения.

3) Характеристика действий. Для характеристики образа главного героя Кулун Кулустуур особенно важным представляется изучение совершаемых им действий, вытекающих из разных ситуаций, и выражающихся различными жестами, мимикой, пластикой и движениями, передающими внутреннее состояние богатыря (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика действий богатыря айыы по имени Кулун Кулустуур

Ситуация 1	Состояние 2	Мимика 3	Жест 4	Пластика 5	Движения 6
Герой одинок	Беспокойный				То стремительно вбегал [в юрту], то суетливо выбегал из нее ...стал человек этот гневаться и роптать..... (384–385, 387)
Встреча с птичкой, принесшей весть об его женитьбе	Рассердился	На обеих висках его волосы встали торчком, Из обоих висков его, шипя, разгораясь, Синие огни вверх поднялись, Похожие на разворошенный костер; Из обоих глаз у него с треском посыпались искры, Словно из кремнистого огнива... (650, 652–654, 657–658)	На мощных серебряных пальцах его, Сложенных вместе голова к голове, Стала кожа лопаться, и светлая, чистая кровь его Брызнула дрожащими струйками... (642, 644–647)	Спинные сухожилия стали стягиваться, Выгибаясь, как упругое дерево; Ноги у него стало сводить, [гнуть], подобно лучку черкана... (638–641)	Приподняв над своей головой острую пальму с черной нечистью ..., побегал за птичкой... Он побегал рысью, топоча ногами, [На бегу] гневные слова произнося, Со свистом ударил острой сабельной пальмой... От этого удара птичка разлетелась на семь частей, превратившихся в семь дымков ... (662–666, 721–723)
Состояние богатыря после встречи с птичкой	Не успокоился, продолжает сердиться				И ложится навзничь, Он лежал, с шумом харкая алой кровью, Когда кровь на спине у него Вскипала, бурля и подступала к горлу... Он пришел в себя. Оказывается, трое суток он так провел. Тут же вскочил... Схватил рукавицы и шапку, сорвал из плотной шкуры завесу, Выломал толстые засовы, вышиб тяжелую дверь И выскочил наружу... (750–759, 764–768)

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6
Подготовка к встрече с женщиной-удаганкой	Злой	Стоит он, смотрит в упор глазами, мечущими огонь, Смотрит, насупившись, глазами, налитыми кровью... (821–822)		Выпрямился он, словно струна. Опершись на пальму свою с черной нечистью... Стоит он, повернув ее вниз [острием]; Держит под мышкой – острием вверх – Грозное копьё свое, пылающее огнем кровожадности... (805-806, 808-810)	
Встреча с женщиной-удаганкой	Злость перерастает в яростный гнев	Из обоих висков его синие огни, шипя, разгораясь, вверх поднялись Похожие на разворошенный костер; На самой макушке у него заплясал огонь... Из обоих глаз у него с треском посыпались искры... (1167–1170, 1172)	Могучие мышцы стали разрываться, Стали напрягаться мощные сухожилия, Порываясь вырваться наружу (1175–1177)	От гнева у нашего человека Спинные сухожилия стали стягиваться, Выгибаясь, как упругое дерево; Ноги у него стало сводить, [гнуть], подобно лучку черкана... (1162–1166)	Прямо держа над собой Девяностопудовую железную палицу свою, Грузно затопал к женщине навстречу... ... бросился ей навстречу с шумом... И, зычно крикнув, молниеносно ударил он Девяностопудовой железной палицей-булавой своей По ослепительно белому ясному лику ее... От сильного удара палица-булава богатыря На мелкие кусочки разлетелась... (1180–1183, 1235, 1237–1240, 1245–1246)
Битва богатыря с женщиной-удаганкой	Очень злой, ненавидит женщину-удаганку				И с зычными криками Стали биться, хватать, Раздирать друг друга... С криками подталкивать друг друга,

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6
					С воплями бросая друг друга через бедро, Стали друг друга перекидывать... Гневно они вопили, зычно кричали... Постыдными словами перебрасывались... переругивались... Женщина резко толкнула в грудь нашего человека и попятилась назад, А он бросился за нею, Устрашающе топая ногами, Словно разъяренный бык... (1277–1279, 1309–1311, 1351–1352, 1355–1356, 1387–1392)
Поднятие богатыря в Верхний мир	Удивляется, поняв, что происходит, возмущается	Мгновенно ослепнув... (1510 IV) И чем шире силится раскрыть узкие шелки глаз, тем больше погружается в темноту...(1510 IV)	...он хватается за деревья и травы... (1510 IV)	Говорит, бьется, пружинится, Но, вместо того, чтобы освободиться, Чувствует: веревка еще туже стягивает его... (1510 IV)	Вопит и сетует... (1510 IV) Как понесло его вверх с шумом, Словно сухой березовый лист шуршал. В ушах у него будто Мерзлый тальник засвистел. Долго ль летел он – не понял, Быстро ль неся – не уразумел. Кричал он, продолжая лететь так... Вдруг ему в нос ударило запахом ладана... (1636–1640, 1642, 1644–1645)
Встреча богатыря с божествами	В смятении	Бессмысленно озираясь по сторонам... увидев его... [божество Юрюнг Айыы Тойон] (1657, 1706)		Словно новорожденный ребенок стоял он...(1656)	Наш человек тут же опустился как столб, Провалившись в землю до самой промежности (1655)

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6
Богатырь за трапезой	Довольный, радуется				Прочь отпихнул он ложку, взял тот кубок- <i>айах</i> ...разом опорожнил... В рот опрокинул, как в яму. Прочь отпихнул он нож от себя... Разом отодрал он зубами мясо с костей, Набил полный рот бедром-огузком... Толстые концы костей разжевывал он с [таким] хрустом... И сплевывал размельченные мелкие крупички. Крепкие кости, мозг из которых он с хлюпаньем высосал, С грохотом побросал их на бересту. Как в кожаный мешок, понабил, Как в суму, понапихал в себя... (1825–1826, 1829, 1831, 1909–1917, 1920–1922)
Встреча с божествами	Обижается, но не хочет уронить свое достоинство Чувствует неловкость, стесненность от присутствия старших, солидных господ	Стоит и не моргая Таращит глаза, словно глупый, На всех сорока четырех тойонов (2300–2302)		Пройдя так, расставил ноги И прямо встал Перед сорока четырьмя тойонами. И «здравствуй» не говорит, И шапку не снимает... (2294–2299) Тогда наш человек Трижды поклонившись тойонам, Преклонив колено... (2471–2472)	И грузно поднялся наш человек. Пошел, до паха продавливая Ссохшуюся глину, До ямок коленных чашечек вдавливаясь в мерзлую глину. Настежь распахнул дверь и ввалился в дом. Пошел ступая вразвалку, Тяжелой поступью По золотому полу... Что [можно] разворотить – разворачивал, Что [можно] проломить – проламывал; Где проходил – весь пол разворотил... (2275–2279, 2284–2285, 2289–2291)

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
					Кинулся он к шапке своей, Упавшей с головы, Схватил ее И, топая ногами, Разворачивая сверкающий золотой пол... Настежь распахнул Золотые двери дома И с шумом выскочил наружу... (2543–2548, 2552–2554)
Он в плену у божеств	Успокоился и засыпает, уверенный	Видит он...(2635)		Грузно переваливаясь, выбрался человек наружу. Тяжелой поступью шел он...(2628–2629)	Наш человек тотчас скинул одежду свою, Пихнул под голову шапку и рукавицы, Лег на спину... Спавший вскочил... воскликнул... Человек встал, схватил одежду свою, Мигом напялил ее, Собрал свои железные доспехи и снаряжения. Сходил на двор... Вернувшись толкнул дверь сибирки, И она опрокинулась... (2572–2574, 2622–2627) Вниз острием волочил острую пальму свою, Под мышкой держал грозное копьё свое (2630–2631)

Главным отличием движений героя является тяжесть шагов («тяжелой поступью») и ходьба «вразвалочку» (стлб.2280), что указывает на его тяжелый вес («грузно поднялся») (стлб.2270), также в тексте его движения сравниваются с движениями животных: горноста, быка и лошади.

Из табл. 2 видно, что внутреннее состояние богатыря зависит от обстоятельств и меняется

в соответствии с развитием главного сюжета. Оно представлено как беспокойством, гневом, злостью, ненавистью, смятением, удивлением, проявлением радости, удовольствия, обиды, так и чувством уверенности и боязнью.

В заключение можно сказать, что характеристика образа богатыря *айыы Кулун Кулустуур* в одноименном *олонхо* рассмотрена с использованием специальных его составляющих: фор-

мультной, портретной характеристик и характеристики действий, которые наиболее цельно раскрывают образ эпического персонажа.

Все сказанное выявляет особенности и отличия образов богатырей одних олонхо от других (они не похожи друг на друга), что в дальнейшем требует тщательного их изучения и, несомненно, может помочь в создании эпических образов при исполнении и постановке олонхо на сцене.

Литература

Данилова А.Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2008.

Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов олонхо. — М.: Наука, 1983. — 248 с.

Еремеев В.П. Мифологические персонажи в якутских сказках // Мифология народов Якутии. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. — С. 53-59.

Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). — Новосибирск: Наука, 2004. — 312 с.

Лукина А.Н. Традиционная танцевальная культура якутов. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. — 175 с.

Лукина А.Г. Традиционные танцы саха: Идеи, образы, лексика. — 2-е изд., испр. — Новосибирск: Наука, 2005. — 365 с.

Нестерова Л.Д. Главные герои сказок и олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1978. — С. 159-162.

Петров В.Т. Изображение персонажей в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1978. — С. 97-100.

Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 256 с.

Теплоухов-Тимофеев И.Г. Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустуур. Саха олонхото. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1985 (текст олонхо на якут. и русск. языках). — 608 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. — М.: Наука, 1974. — 354 с.

Якутский героический эпос — олонхо: Учеб. пособие / Сост. Н.В.Емельянов, В.В. Илларионов. — Якутск, 1993.

A.N. Danilova, P.E. Zabolotskaya

Characteristic image of the bogatyr in the Olonkho «Obstinate Kulun Kullustuur».

In article considers the image of the main hero named Kulun Kullustuur from the point of view of his formula, portrait characteristics and the characteristic of actions which most wholly open his image.

Keywords: epos, image, plot, character, name formula, portrait characteristic, action.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

УДК 398(571.56–17)

В.Е. Васильев

Этнографические этюды Момского улуса

За время командировки с 11 июня по 6 сентября 2012 г. автору сообщения удалось собрать новые сведения, дополняющие известные данные по верованиям саха и эвенов. Эти полевые материалы отражают синкретичность поверий саха, а также сохранность некоторых реликтов, восходящих к культурному наследию древнетюркского периода.

Ключевые слова: саха, эвены, культы, Айыыһыт, ыһыах, погребения, религиозные поверья, обряды, атрибуты, шаманизм, жертвоприношения.

В поселке Буор Сыһыы, расположенном на берегу Индигирки напротив районного центра Хонуу, я оказался невольным пленником бездорожья. До отъезда по маршруту горных пастбищ оленьего стада «Бэркичэх» оставался еще целый месяц, и чтобы не тратить зря время, я решил собирать материалы по этнографии саха. С первых же дней начал расспрашивать старожилых, а в свободное время обследовать близлежащие объекты. Так, было установлено, что вокруг поселка имеются четыре кладбища, расположенных в местностях Тэмтэкэс, Кукаакылаах аһага, Барча Хатарбыт, а также на пригорке около разрушенной совхозной фермы.

Последнее кладбище ничем от других не отличается. Мы посетили его 13 июня и на опушке леса обнаружили остатки оленьих рогов, конского черепа, бочку с пеплом сожженных вещей и седло коня, висевшее рядом на дереве. Но, пожалуй, самой удивительной находкой оказалась коновязь *сэргэ* с орлом на вершине и юбилейной надписью «1945–1995 гг.», вкопанная в землю и укрепленная вбитыми колышками. Рядом лежат обломки крыльев. Судя по низкому уровню шейки и расположению в безлюдном месте было ясно, что столб попал сюда в результате «репрессии». Так оно и оказалось. Хозяин дома И.Д. Слепцов (Дьаһалта Киэсэ), у которого я остановился, поведал мне эту историю: однажды к ним приехала женщина-экстрасенс и, увидев перед зданием администрации этот столб, заявила, что нельзя ставить коновязи с орлами, так как орел — хищная птица. А утром люди обнаружили, что ночью кто-то срубил

коновязь. Мужики по следам топора определили, что это кощунство было совершено женщиной, и отнесли срубленный столб на пустырь за кладбищем.

Священное дерево *арыктаах мас*, где хранятся души шаманов. Пос. Буор-Сыһыы. 2013 г.
Архив В.Е. Васильева

В тот же день около площадки для устройства праздника *ыһыах* мною было обнаружено старое дерево *арыктаах мас*. По убранному в кучу ветвям вокруг полянки было видно, что кто-то следит за чистотой священного дерева.

© В.Е. Васильев, 2013.

Информацию об этом дереве предоставила А.А. Голикова (1939 г.р.), рассказавшая, что она регулярно посещает это место, «кормит природу» и убирает мусор. Раньше она работала дояркой на ферме Тойон Уйалаах. Там около дороги стояло дерево со скученной кроной *арык*. Каждой весной женщины вешали на ветвях этого дерева плаценты новорожденных телят. Так они поступали для предохранения помета от собак и птиц.

Известно, что в прошлом плацента символизировала душу *кут* людей и животных. Это наводит на мысль, что крона дерева *арык* является хранилищем душ живых существ, оберегаемых хозяйкой земли *сир иччитэ*. На правоту этой догадки указывает легенда о происхождении названия местности *Обо төрөөбүт* («Родился ребенок»), рассказанная отцом домохозяйки Д.И. Слепцовым (1930 г.р.). В старину жили две родные сестры. Они были бездетными и сильно горевали из-за этого. Поэтому поехали к одному шаману и попросили предсказать судьбу. Шаман сказал им: «Идите к дереву *арыктаах мас* и совершите обряд *алгыс*. Тогда будете иметь детей». Во время заклинания девушки увидели, как с кроны *арык* упали вниз два насекомых — жук и шмель. Они проглотили их, после чего обе зачали детей. Однажды одна из сестер, съевшая жука, начала менерячить и в припадке одержимости произнесла слова: «Если я рожусь, то стану очень кровожадным шаманом *сиэмэх ойуун*. Поэтому мне лучше уйти обратно, съевши сердце и печень матери». Та женщина умерла при родах. А вторая разрешилась от бремени нормально. Ее сын стал известным светлым шаманом *айыы ойууна*. Дмитрий Иннокентьевич вспоминает, что в детстве они жили в той местности, и к ним приезжал фольклорист Сэһэн Боло. Он срисовывал карандашом кальку с серебряного седла его отца.

В этой легенде примечательно, что в священном дереве хранились души доброго и злого шаманов, которые могли стать двоюродными братьями по линии матерей. Однако дух-хозяйка земли не позволила злему шаману появиться на свет. Впрочем, обычай хранения помета скота на ветвях любого толстого дерева в этом селе наблюдается нередко при обходе села по краю леса. Так, чуть севернее от дерева *арыктаах мас* растет большая лиственница, на нижних сучках её висят около десяти ведер, внутри которых оказались засохшие плаценты телят, завернутые в сено. Еще семь сломанных ведер валялись вокруг дерева.

На следующий день, 14 июня, я посетил семью Соркомовых и узнал, что это дерево растет за *хотоном* А.В. Согдоевой, семья которой в 1990-х гг. создала первое крестьянское хозяйство. Она вешала на ветвях дерева *айыыһыт* (плаценты) коров. Описание обряда мы получили от М.Г. Герасимовой (1934 г.р.). Когда она работала на ферме, доярки вешали *айыыһыт* (последы) коров на одном дереве. В ведра их не помещали, а заворачивали в сухое сено, хранили внутри эмалированной посуды в течение трех дней, затем выносили из *хотона* и, повесив на палку длиной полметра, укрепляли на ветвях дерева. Женщины вешали плаценты ради того, чтобы коровы были плодовитыми. Если корова отелится вне поля зрения хозяев, то она сама съедает послед. Нельзя давать грызть *айыыһыт* собакам. А плаценту, повешенную на дереве, не клюют даже вороны. Бабушка М.Г. Герасимовой, жившая в Тойон Уйалаахе, послед ребенка заворачивала в сено, на третий день выносила в лес и вешала на дереве. Позднее и мать информатора все детские места *кэнэбэски* оставляла на лиственнице.

Аналогичные сведения мы записали в с. Суон Тиит от П.Г. Корякиной (1934 г.р.). По ее сло-

Дерево, на котором висят ведра с плацентами телят (*айыыһыт*). Пос. Буор-Сыһыы. 2013 г.
Архив В.Е. Васильева

вам, почитание плаценты *айыһыт* прекратилось, когда создали колхозы и совхозы. Старик вообще молчал о старине. Они боялись открыто говорить, так как их могли раскулачить даже за содержание десяти коров. Раньше плаценты телят заворачивали в сено, обвязывали вокруг деревяшки длиной около метра и поднимали на дерево. Зимой хранили три дня, а летом выносили сразу. Таким способом прятали в глубине леса и плаценты детей. Послед вешала на дерево мать ребенка.

Эти сведения дополняет Дмитрий Иннокентьевич, который признается, что он найденные в поле плаценты кобылиц поднимает на лабаз или просто вешает на тальнике. Около села люди оставляют на помостах и последы коров. На южной окраине Буор Сыһы, за изгородью для коней, действительно, стоят три лабазы, на которых лежат трупы двух собак и один мешок, видимо, с последом жеребенка. Лабазы имеют схожее строение: перекладыны, установленные между тонкими деревьями в виде треугольника, обложены настилами из жердей. Размеры помостов одинаковы: высота — 150 см, длина 150–200 см, ширина с восточной стороны — около 80 см. Все воздушные погребения ориентированы с запада на восток. На шее одной собаки виден ошейник. Возможно, здесь были погребены охотничьи собаки.

Погребение собаки на треугольном охотничьем лабазе, ориентированном по линии запад–восток.

Пос. Буор Сыһы. 2013 г.

Архив В.Е. Васильева

В отделе культуры района от А.Е. Корякиной я узнал, что 21 июня в с. Соболюх состоится праздник *ыһыах*. Она посоветовала мне поехать туда и распорядилась, чтобы в моторной лодке оставили одно место для этнографа. Так, благодаря Алене Егоровне, я оказался в

Соболюхе. Старое название села — Сэргэлээх. На *ыһыахе* всеобщая трапеза была устроена по отдельным кругам отцовских родов *аҕа ууһа*. Во время этого застолья я беседовал со старожилами. По словам Л.П. Хабаровой (1939 г.р.), *айыһыт* коровы или лошади всегда нужно вешать на молодое дерево, идущее в рост. Послед нельзя вешать на старое и засохшее дерево. Плаценту ребенка обертывали сеном или помещали внутри ведра и вешали в лесу. В древности *айыһыт* детей хоронили за камельком, около левого чуланчика *үгэх*.

По рассказам местных жителей, около села шаманских *арангасов* нет. На кладбище лежат В.П. Корякин (1919–2000 гг.) и М.Г. Корякин (1929–1997 гг.). Около могил стариков сородичи повесили шкуры ездовых коней. Во время спортивных игр мне удалось кратко поговорить с Ю.М. Корякиным (1961 г.р.), который весьма скромно поведал, что Василий Прокопьевич (Баһыкаан) являлся ему дядей по отцу (*абаҕа*). Коня отца они сначала оседлали как перед началом дороги, ударили в лоб и завалили головой на восток. Кровь коня спустили, а потроха и мясо сварили для поминок. При этом они работали наугад.

Эта информация сильно заинтриговала меня, и я попросил главу села помочь мне машиной и проводником. Но найти транспорт оказалось не так просто — в день праздника никто не хотел туда ехать, а старая машина администрации (к большому удовольствию водителя) сломалась. Вечером глава наслега нашла проводника Г.А. Слепцова (1970 г.р.), который скорым ходом повел меня через лес. Геннадий Афанасьевич хорошо знал озеро Хоптолоох, поэтому мы быстро дошли до кладбища.

В десяти метрах к востоку от могилы старика Баһыкаана стоит *кэрэх*. Шкура белого коня направлена на восход солнца. Между двумя деревьями, стоящими на расстоянии двух метров, на высоте 170 см прибиты параллельно две жерди, на которые наброшена шкура коня с седлом и попоной на спине. Отрезанная голова и хвост отдельно привязывались с внешних сторон стволов лиственниц. Под ними оставлен котелок. *Кэрэх* старика Михаила, стоящий на юго-восточной окраине кладбища, идентичен первому: между двумя деревьями на высоте 160 см с помощью двух длинных жердей поднята шкура белого коня с седлом и попоной на спине. На черепе, укрепленном с помощью проволоки, сохранились уздечка и недоуздок. *Кэрэх* смотрит на восток. Угли от костра обнаружены в западном углу комплекса. У двух

Кэрэх ездового коня старика М.Г. Корякина (1929–1997 гг.) на озере Хоптолоох. Село Соболюх. 2013 г. Архив В.Е. Васильева

кэрэхов отсутствуют стремяна и копыта, что говорит о быстрой разрушаемости памятников. Той же ночью мы вернулись обратно в Хонуу.

Эти сведения отлично дополняют данные, полученные ранее в поселке Буор Сыһыы. Там, в лесочке за кладбищем Тэмтэкэс, в пяти местах сохранились обломки седел, обрывки сбруй, стремяна и удила. На одном толстом дереве обнаружена привязанная проволокой голова белого коня с четырьмя копытами, поблизости валяются кости конских черепов и один позвонок — атлант *хайылык*. Найдена также сломанная пополам ложка, воткнутая у корня другого дерева.

У.Г. Соркомова (1941 г.р.) рассказала, что там был погребен ее сын Гаврил. Она оставила у могилы уздечку его коня, закопала под деревом колокольчик и украшения оленя. Саха называют поминального коня *өлүннүк сылгыта*, забивают утром ударом в лоб, поставив мордой к восходу солнца. Кровь коня выпускают, перерезав горло. Из внутренних органов ничего не берут, все заворачивают в шкуру и сжигают. Первый позвонок *хайылык* не отделяют от черепа, голову и копыта вешают на дереве. Ее муж Н.Е. Соркомов дополняет: личные вещи покойников начали сжигать с 1960-х гг., а раньше все вещи оставляли у основания деревьев. Для женщин забивали коров, а для мужчин — коня или быка. В могилу раньше клали еду (чай, табак), а у ног оставляли соль против паразитов. У левого плеча покойника клали чашку, а с правой стороны — свечу и коробку спичек. Черти водят душу в течение 40 дней, поэтому для дальней дороги покойнику шили торбаса с тремя подошвами.

Обычай сжигания внутренностей коня является для саха не типичным. По словам Е.К. Корякина (1938 г.р.), эвены разделяют мясо погребального оленя *эһнээ таба* по суставам, не ломая костей, но внутренности оленя не едят. Это подтверждает С.И. Атласов (1936 г.р.), который в детстве видел похороны своей бабушки-эвенки. У могилы старик Г.П. Слепцов-1 забил двух оленей и положил на лабаз очищенные кости и внутренности, завернув их в свежие шкуры. Саха не сжигали вещи усопших. На месте Кукаакылаах аһага (раньше там кладбища не было) у могилы его деда повесили на дереве голову коня, привязав пестрой веревкой *эриэн сэбэһэ*, и оставили там дорожную суму *матаба*. А нынче на том месте даже крест не сохранился.

5 июля в Буор Сыһыы произошло примечательное событие. От сельчан я случайно узнал, что в доме главы наслега появился запоздалый теленок *ороһу*, и сразу направился к ним. Погостив и поев олады из молозива, начал расспрашивать хозяйку. Е.М. Слепцова (1949 г.р.) рассказала, что бычка в честь открытия игр «Дети Азии» назвали «Азия». Она два дня хранит послед в тазе внутри *хотона* и сегодня хочет спрятать его под кучей навоза *балбаах*. И тут я предложил повесить *айыһыт* бычка на дереве. Евдокия Михайловна охотно согласилась. Она поместила послед в ведро, накрыла сверху сухим сеном, и мы направились к дереву за хлевом Согдоевых. Обряд совершили просто: женщина трижды обошла дерево по солнечному кругу, обрызгивая землю йогуртом *суорат*, и повесила на нижнем суку ведро с плацентой. При уходе мы собрали вокруг дерева мусор и подняли наверх выпавшие ведра.

Вблизи лабазы с мешком (последа?) я заметил палку длиной более одного метра, привязанную к двум тонким деревьям. Эта находка напомнила мне перекладину *сатанах* из трех березовых колышков, которую устанавливали перед очагом для роженицы. На третий день после родов колышки и сено, на котором лежал ребенок, прятали в лесу [Боло, 1994, с. 183]. По другой информации, в день проводов богини Айыһыт послед хоронили в землю [Ойунский, 1962, с. 174]. Таким образом, обычай установления на ветвях дерева палок с намотанными на них плацентами хранит память о березовой перекладине *сатанах*. В старину раз-

вильчатые коновязи под названием *сатанак* ставились и на празднике *ыһыах*.

Дерево с развилчатыми ветвями использовалось для принесения жертвы *кэрэх*: шаманы цельные шкуры коней вешали на перекладине *куочай* и направляли острые палки на запад, восток или юг [Боло, 1994, с. 200]. Однако в Собоолохе люди забыли о *куочае* и нарушили цельность шкур коней. Ориентировка погребальных лошадей на восток не согласуется с данными фольклора. На Вилое саха оседланную лошадь перед забоем ставили мордой к западу. Отрезанную голову также обращали к западу. Череп с первым шейным позвонком вешали у могилы. Иногда к ним присоединяли кости от различных частей тела, связывая их вместе пестрой веревкой [Попов, 1949, с. 306–307]. Воздушные погребения священных лошадей *ытык* были отмечены в Сунтарском районе до 1928 г. [Попов, Бравина, 2009, с. 3–5, 10–11].

Наши полевые материалы находят подтверждение в гравюре XVIII в., на которой изображена сцена похорон. Перед могилой на столбе высотой до уровня лабаза висит шкура коня, направленная на восток/юго-восток. На столбах помоста висят лук с колчаном и бубен с колотушкой. На западной стороне сидят люди, собравшиеся на тризну [Шишигина, 2005, с. 199]. Интересно: на пегом коне шамана нет седла и уздечек, это заставляет нас подумать, что здесь был изображен жертвенный конь *садаба ат*.

Культовый священный дерева в родильных и погребальных обрядах саха имеет исконно древнетюркские корни и связан с лесостепной зоной Южной Сибири. Вспомним легендарного Огуз-хана, появившегося на свет из нароста Мирового дерева, а также прародителя половцев Кыпчака, родившегося из дупла полого дерева [Ахинжанов, 1989, с. 54–55]. Мифы и пре-

дания древних тюрков подчеркивают живучесть религиозных культов саха, донесших до северного края ойкумены традиции южных коневодов Евразии.

Литература

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. — 293 с.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: Предания якутов бывшего Якутского округа. — Якутск: Бичик, 1994. — 352 с.

Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание (Опыт анализа якутской сказки) // Произведения: воспоминания, доклады, статьи, рассказы. — Якутск: Якутское кн. изд-во, 1962. — С. 128–194.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывш. Вилюйского округа // СМАЭ. — Т. XI. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 255–323.

Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.). — Якутск: Бичик, 2009. — 32 с.

Шишигина А.Н. Научное исследование Якутии в XVIII веке: (по материалам Второй Камчатской экспедиции). — Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. — 299 с.

Список информаторов

1. Атласов Спиридон Иннокентьевич (1936 г.р.)
2. Герасимова Матрена Гаврильевна (1934 г.р.).
3. Голикова Анна Алексеевна (1939 г.р.).
4. Корякин Егор Константинович (1938 г.р.).
5. Корякин Юрий Михайлович (1961 г.р.).
6. Корякина Прасковья Герасимовна (1934 г.р.).
7. Слепцов Дмитрий Иннокентьевич (1930 г.р.).
8. Слепцова Евдокия Михайловна (1949 г.р.).
9. Соркомов Николай Егорович (1944 г.р.).
10. Соркомов Ульяна Гаврильевна (1941 г.р.).
11. Черемкина Анна Михайловна (1927 г.р.).
12. Хабарова Людмила Петровна (1939 г.р.).

V.E. Vasilyev

Ethnographic sketches on Minsky ulus

During the trip from 11 June to 6 September 2012, the author managed to collect new information that supplements the known data on the beliefs of Sakha and the Evens. These field materials reflect syncretism of beliefs of Sakha and also safety of the relicts which are dating back to the cultural heritage of the ancient Turkic period.

Keywords: Sakha, Evens, cults, Ajyyhyt, Yhyakh, burial, religious beliefs, rituals, attributes, shamanism, sacrifices.

В.В. Ушницкий

Экспедиция летом 2011 г. в Синьцзянь-Уйгурский национальный округ на озеро Канас

Автор, участник экспедиции Тувинского государственного университета, рассказывает о посещении труднодоступного горного района Синьцзянь-Уйгурского национального округа. Экспедиция знакомилась с жизнью тувинцев, проживающих в окружении многомиллионного китайского населения и сумевших сохранить язык и обычаи.

Ключевые слова: Китайский Алтай, тувинцы, туризм, синьцзянская кухня, деревня Хом, озеро Канас, тувинская культура.

Глобализм и стремительное развитие азиатских стран в современное время позволяют спокойно посещать самые далекие уголки Азии и даже совершать экспедиции. В этом смысле очень интересной страной является Китай. После падения Великой стены, мешавшей культурным и научным отношениям между двумя странами, вдруг обнаружилось, что в Китае спокойно проживают представители многих сибирских народов, в том числе и тех, которые уехали в XVII в. и сохранили свою самобытность и этнографическое своеобразие в окружении многомиллионного китайского населения. Это, в первую очередь, дауры — соседи якутов на Амуре вплоть до Алдана, фуюйские кыргызы — потомки енисейских кыргызов, переселенных в XVII в. Есть в провинции Хейлунцзянь (бывш. Маньчжурия) якуты и эвенки, имеющие свой национальный округ.

С 26 июля по 7 августа 2011 г. научная экспедиция Тувинского государственного университета в составе руководителя экспедиции доцента ТГУ, докторанта МГУ Елены Айжы, Ларисы Шимит, бывшего аспиранта МГУ Михаила Резяпкина и меня, н.с. ИГиИПМНС СО РАН В.В.Ушницкого, выехала в КНР, в труднодоступный горный район Синьцзянь-Уйгурского национального округа, в район высокогорного озера Канас, где проживают этнические тувинцы. Путь в закрытый район Китая был трудным: сначала в Новосибирске пришлось доставать туристическую путевку в Китай, затем в Пекине — оформлять визу для заезда в Синьцзянь, потом двое суток ехать в поезде через весь Китай в Урумчи. В Пекине совершил самостоятельную прогулку в Гугун —

Императорский дворец. Это старый город — столица династии Цин, его посещают ежедневно сотни тысяч китайцев со всех провинций страны. Поездка в поезде через весь Китай в вагоне вместе с китайцами была очень познавательной, через окно были видны ухоженные поля, не было ни клочка земли, не занятого под различные культурные растения и строения. Но Синьцзян удивил нескончаемой каменистой пустыней, на многие тысячи километров тянется самая длинная и суровая пустыня мира — Такла-макан. Столица Синьцзяна Урумчи расположена в оазисе. В Урумчи встретились с переводчиком Тулумжи и водителем Бати, оба из провинции Дорбольджин, по национальности дёрбёты или ёёд (ойраты), у нас их сородичей называют калмыками.

29 июля после безостановочной езды по прекрасной платной шоссейной дороге (900 км) открылись виды красивых гор. По пути останавливались в городе Карамай, вокруг были расположены нефтяные вышки и курсировали огромные нефтевозы. По горному серпантину экспедиция проникла в район Китайского Алтая. Здесь в пограничной зоне тоже долго оформляли необходимые документы. И наконец, все препятствия позади. После сложной езды по высоким горам, где проложены прекрасные шоссейные дороги, по которым передвигаются огромные туристические автобусы, открылся внизу вид тувинского поселка, где давно ожидали приезда земляков.

Перед входом в деревню Хом наверху были расположены два Оваа — священных места из сокровища нагромождения камней, почитае-

мые местным населением. По тувинскому обычаю наверху повязали ленты, землю по кругу полили молочными продуктами и водкой. Потом местные подсказали, что первое Оваа — ложное, оно специально сделано для туристов, чтобы они не трогали расположенное чуть подалеже второе Оваа — имеющее буддийскую символику.

В тувинской юрте с портретом Чингисхана

Наконец прибыли в деревню Хом. Это тувинское село, хотя в нем мирно сосуществуют и другие национальности: дунгане, уйгуры, кыргызы, казахи и монголы. Здесь нас встретили и сопроводили в один двор. Там в доме, ничем не отличающемся от обычного крестьянского подворья в Сибири, живет тувинская семья, обычно в длинном доме они имеют отдельно кухню и отдельные дома-комнаты, в которых принимают гостей-туристов. Здесь встретили очень дружелюбно, был накрыт торжественный стол. Рядом располагалась дружественная, интернациональная компания. Там были тувинец, казах, кыргыз и уйгур. Все они спели свои национальные песни, особенно старался майор-пограничник, сам тувинец. Он спел популярную песню тувинцев «Хонгорай», об отцовских землях, потерянных тувинцами.

Национальная тувинская или синьцзянская кухня: бешбармак (баранина в собственном соку со свежей картошкой), суп (муун), молочная водка (арака) — нам очень понрави-

лись, особенно после китайской кухни в поезде.

С китайцами у тувинцев сложились нормальные отношения. Скотоводы продают мясо сами, это у них традиционный бизнес. Молоко не продают, молочные продукты употребляют сами. Информатор, бабушка Арзона, училась до 5-го класса. Дальше не училась. Молодые

сейчас учатся в университетах. Все обучившиеся приезжают обратно в деревню. До 1999 г. работали в бюджетной сфере. Сейчас работают на основе кратковременного контракта с фирмами и различными службами. Этих денег не хватает для нормального существования. Пенсии нет. Раньше были государственные пенсии, сейчас их выдают только некоторым гражданам.

У каждой семьи есть собственный автомобиль китайского производства. У нескольких семей есть по 4–5 машин. Раньше были государственные магазины, сейчас все частными стали. В огороде сажают картошку. Остальное плохо растет.

Раньше все занимались пчеловодством. Была маленькая местная пчела. Китайская пчела съела местную пчелу. Мужчины зимой заняты содержанием скота. Сейчас китайские власти запрещают заниматься охотой. Летом дома электрическую энергию получают от солнечной батареи. Государство никак не помогает населению. Кредиты сейчас не выдают.

Имеются зимние и летние домики — ёю и ёюл. Простой навес, летник называют сэвет. Современные тувинцы живут в двух местах. Летом все лошади находятся в летнике. В середине сентября переселяются с пастбища на зимник. До июня скот содержится здесь. До марта дают скошенное сено. С марта до июня скот кормится тебеневкой. У семьи бывает до пяти лошадей. Снег обычно лежит толстым слоем до 1,5 и 2 метров. Раньше было много волков. Всех их уничтожили ядом. Они съедали много лошадей, поэтому их истребили.

По словам тувинского информатора, тувинцы живут нормально, помогает государство. На кабанов охотятся с помощью хахпана*. Шоссейная

* Хахпан (тув. яз.) — капкан.

дорога в Канасе построена семь-восемь лет назад. Раньше тувинцы Канаса жили в кибитках, чабаны ездили только на лошадях. Тогда лес охранил человека. Раньше рыбы было много и она была очень большая, сейчас — очень мелкая.

Тувинская деревня Кынас. Сани, заимствованные у русских старообрядцев. Стрельба из лука — старинное национальное развлечение местных урянхайцев

По сообщению охотника Малчина, на волка охотятся с помощью хахпана. Раньше брали с собой мылтык*. В 80-х годах китайцы специально приходили, чтобы собирать оружие. Собирали оружие в течение девяти-восьми лет. Лук делают из обычного дерева. Тетиву изготавливают из коровьей жилы. Весной во время Цагаан Сара соревнуются в стрельбе из лука. Стреляют в пешем положении. Мальчики летом соревнуются в куреше**. Когда наступает праздник Обо***, тогда проходят соревнования по борьбе. Падение на землю считается проигрышем. Раньше происходили драки, сейчас они искоренены. Дома отапливаются зимой дровами. Печи делают сами. Топят их 3 раза в день. Издалека сами доставляют сухое дерево. Сено и дрова летом возят тракторами, зимой на лыжах — чанэ. Чанэ делают сами. Железные изделия раньше изготавливали кузнецы, сейчас их покупают.

Лес для строительства дома продается. Можно также приобрести готовые стропила. Если

не хотят, режут их сами на пилораме. Например, десять человек в течение двух недель строили дом с помощью пилы и топоров.

Километраж здесь принято считать с помощью крика. Расстояние, на котором можно услышать крик, считается за километр. Метры никто не считает. Зимой в горах бывает до двух-трех метров снега, поэтому спускаются вниз. Охотятся на белку — тиин и на волка. Деревья китайские власти пилить не разрешают.

Каждое утро в селе Хом начиналось с того, что девушки завязывают лица платками и огромными метлами подметают шоссейную дорогу, заваленную конским навозом. Китайские туристы и местные люди передвигаются по деревне на лошадях. В деревне все стараются принять туристов, получить с них деньги за ночлег и угощение.

Синьцзянь, по крайней мере район озера Канас, поразил нас удивительным интернационализмом представителей всех проживающих там народов. Например, в тувинских селах Хом и Канас рядом живут в мире дунгане, киргизы, казахи, монголы, уйгуры, тувинцы, мы встречались еще с дёрбётами, солонями, даурами и торгоутами. Несмотря на рыночные отношения, Китай сохраняет коммунистическую идеологию, здесь лозунг о пролетарском интернационализме, как и в прежние времена в СССР, является не пустым словом. Хотелось бы, чтобы национальные разногласия не привели к распаду коммунистического Китая, как это случилось в СССР. Тувинцы Канаса живут за счет этнического туризма. Правительство Китая поддерживает их в этом отношении, дает субсидии. В высокогорном районе функционирует отличная шоссейная дорога, перевозящая туристов со всего Китая.

В Хоме туризмом занимаются китайцы, они нанимают дома. В деревне Канас туризмом занимаются приезжие казахи, монголы, дунгане и другие. Тувинцы получают сорок юаней за

* Мылтык (тюрк. яз). — ружье.

** Куреш — поясная борьба у тюркских народов Средней Азии и Южной Сибири.

*** Обо, обоо (бур., монг. овоо, хак. обаа «куча, груда, насыпь») — место поклонения местным духам, состоящее из кучи камней или деревьев, украшенных ленточками или флажками.

Тувинский хомусист исполняет мелодию.
Тувинцы зарабатывают у туристов своим древним искусством

вход в свое жилище с каждого туриста. Руководитель группы туристов передает деньги хозяину. Тувинцы Канаса не держат скот в пределах деревни, это запрещено. Государство по программе развития туризма выделяет деньги три раза в год по 4 тысячи 300 юаней.

Тувинцы в Канасе живут тем, что показывают китайцам свои национальные костюмы и

бытовую утварь, исполняют песни и танцы, возят на лошадях в горы.

Экспедиция в Синьцзянь, знакомство с тувинской культурой обогатили нас новыми знаниями о тюркской культуре и этнографии, мы воочию увидели, как живут наши тюркоязычные братья в многонациональном Китае. Вообще хотелось бы поработать по отдельной программе изучения малых народов Китая, в этом интереснейшем и экзотическом для нас регионе. Этот интерес объясняется тем, что тюрко-монгольские народы Китая, несмотря на усиленную китаизацию, сохранили традиционную культуру и старые диалекты. Особый интерес

для якутских этнографов представляют следующие этносы Китая: салары Цинхая, тувинцы и дауры в Синьцзяне, эвенки (самоназвание — йэкэ) и солоны в Хейлунцзяне (бывшая Маньчжурия), баргуты и тумэты во Внутренней Монголии, фуюйские киргизы — потомки енисейских киргизов XVII в.

V.V. Ushnitsky

Expedition by summer of 2011 in Sintszyan-Uygursky the national district on the lake Kanas

The author, the participant of expedition of the Tuva state university, tells about visiting the remote mountainous area of the Sintszyan-Uygursky national district. Expedition got acquainted with life of the Tuvinians living in an environment of the multimillion Chinese population and managed to keep language and customs.

Keywords: Chinese Altai, Tuvinians, tourism, sintszyansky cuisine, village Hom, lake Kanas, Tuvan culture.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Спиридон Алексеевич Иванов

(К 85-летию со дня рождения)

Одному из ведущих якутских языковедов, заслуженному деятелю науки РС(Я), доктору филологических наук, старшему научному сотруднику сектора грамматики и диалектологии ИГиПМНС СО РАН Спиридону Алексеевичу Иванову в этом году исполнилось 85 лет.

Спиридон Алексеевич родился 16 марта во II Кюлятском наслеге Вилюйского района. В Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР Спиридон Алексеевич пришел в 1969 г., проработав до этого учителем якутского языка в школе и редактором Якутского книжного издательства. Научные исследования он начал с изучения грамматики, написав раздел «Имя прилагательное» в академическом издании «Грамматика современного якутского литературного языка» (М., 1982). В разделе было дано подробное описание морфологической структуры прилагательных, приведена их тематическая классификация. Как известно, прилагательное в якутском языке представляет собой особую часть речи с точки зрения исторического развития лексического состава и произошедших в нем семантических сдвигов. Работа над этой темой побудила молодого ученого обратиться к проблеме исторического развития якутского языка, значительный материал для изучения которой представляют разговоры.

На сегодняшний день С.А. Иванов — единственный квалифицированный специалист в области якутской диалектологии. Первым его крупным трудом в этой области языка стала монография «Аканье и оканье в говорах якутского языка» (Якутск, 1980). Монография стала основой для защиты кандидатской диссертации, которую Спиридон Алексеевич защитил в

1982 г. В ней были представлено системное описание наиболее распространенного диалектного явления якутского языка, ранее привлекавшего внимание таких выдающихся исследователей-тюркологов, как В.В. Радлов, Е.И. Убрятова и др. С.А. Иванов изложил свою точку зрения на внешние и внутренние причины возникновения и территориального распределения акающих и окающих вариантов слов, подкрепив ее обширным материалом.

Крупным достижением не только якутской диалектологической науки, но и тюркологии в целом стала монография Спиридона Алексеевича «Центральная группа говоров якутского языка», изданная в 1993 г. в издательстве «Наука» в г. Новосибирске. По этой же теме в 1995 г. он защитил докторскую диссертацию. В ней был представлен глубокий анализ основных различий в области вокализма и консонантизма в фонетической системе центральной диалектной зоны. Бесспорным достоинством исследования является успешное применение сравнительного метода, в результате чего автору удалось выявить условия и причины диалектных различий в фонетике. Работа была высоко оценена крупными специалистами, в том числе членом-корреспондентом РАН А.В. Дыбо, выступившей официальным оппонентом. В этом исследовании впервые были использованы результаты картографирования материала говоров. Они позволили автору зафиксировать первоначальный очаг зарождения характерных для разных зон языковых явлений и проследить их дальнейшее территориальное распространение.

С.А. Иванов известен как один из основоположников лингвистической географии как самостоятельного направления якутской диалектологии. Еще в конце 60-х годов были составлены пробные атласы по отдельным говорам. При непосредственном участии Спиридона Алексеевича были составлены атласы центральной, северо-западной и вилюйской диалектных зон. Вслед за этим встала задача созда-

ния национального атласа якутского языка, представляющего собой синтез всех предыдущих региональных карт.

С этой задачей Спиридон Алексеевич успешно справился и «Диалектологический атлас якутского языка» в двух частях был издан. Первая часть атласа была опубликована в 2004 г. в г. Якутске. Он составлен из 82 лингвистических карт, отражающих фонетические различия в области вокализма и консонантизма в говорах якутского языка. Вторая часть атласа, изданная в 2010 г. в г. Новосибирске, содержит 90 лингвистических карт. На картах условными знаками отмечено территориальное распределение наиболее характерных диалектных явлений в области фонетики, морфологии и лексики якутского языка. По методике составления атлас относится к аналитическим картам — к каждой карте дается авторский комментарий, освещающий вопросы историографии, по возможности, истории и типологии картографируемого диалектного явления.

В целом «Диалектологический атлас якутского языка», составленный С.А. Ивановым, представляет собой первый фундаментальный национальный свод диалектологического материала, зафиксированного на современной территории Республики Саха (Якутия) методом фронтального обследования. Работа, по мнению авторитетных специалистов, может быть отнесена к достижениям мирового уровня, поскольку к настоящему времени из современных тюркских языков атласы подобного уровня имеют только азербайджанский, башкирский и чувашский языки. По тюркским языкам Сибири работа по составлению диалектологических атласов пока не завершена. Кстати сказать, справиться с задачей создания атласа помог художественный талант Спиридона Алексеевича — он сам наносил специальные обозначения на карты, и помощь чертежника при издании атласа не понадобилась.

Создание атласа позволило автору перейти к проблемам исторической диалектологии, чем он в настоящее время и занимается. На сегодняшний день им завершены обобщающие исследования морфологических и лексических особенностей говоров якутского языка. Результаты исследования морфологических различий в говорах изложены в монографии, издание ко-

торой ожидается в следующем году в СИФ «Наука» в г. Новосибирске.

С.А. Иванова как высококвалифицированного специалиста, приглашают для участия в фундаментальных научных и научно-популярных проектах. Так, он автор разделов «География диалектов», «Говоры якутского языка» в издании «Якутия. Историко-культурный атлас», выпущенном в 2007 г. Он также написал разделы «Диалектные особенности якутского языка. Диалектологическая карта распространения языка. Говоры якутского языка» в коллективной монографии «Якуты (Саха)», изданной в серии «Народы и культуры» Институтом этнографии и антропологии РАН им. М.К. Миклухо-Маклая.

С.А. Иванов продолжительное время успешно занимался методической и педагогической работой. Он соавтор учебников якутского языка для 4-го, 5-го, 6-го классов, которые получили статус стабильных, и методических пособий. Читал также лекции по курсу «Якутская диалектология» в якутском отделении ЯГУ им. М.К. Аммосова. Он активно занимается редактированием, рецензированием научных изданий, выступает официальным оппонентом докторских и кандидатских диссертаций.

Нельзя не отметить серьезное отношение к делу, исключительную порядочность, внимательное, доброжелательное отношение к коллегам Спиридона Алексеевича, высоко ценимые всеми, с кем он общается.

Вклад С.А. Иванова в науку отмечены Почетным знаком СО РАН «Серебряная сигма», Благодарностью Президиума РАН, медалью Президента АН РС(Я) «За заслуги в развитии науки Республики Саха (Якутия)», знаком отличия РС(Я) «Гражданская доблесть». Он ветеран тыла, заслуженный ветеран СО РАН.

Всех друзей и коллег радует, что Спиридон Алексеевич продолжает научную деятельность с новыми научными идеями и планами, в добром здравии, в окружении любящих его родных. Желаем Спиридону Алексеевичу здоровья, долгих лет жизни, исполнения всех замыслов.

Н.И. Данилова, д.ф.н., завсектором
грамматики и диалектологии
ИГИИПМНС СО РАН

Петр Алексеевич Слепцов

(К 85-летию со дня рождения)

12 июля 2013 г. исполняется 85 лет Петру Алексеевичу Слепцову — талантливому учёному-тюркологу, доктору филологических наук, профессору, действительному члену АН РС(Я), действительному члену Нью-Йоркской АН, лауреату Государственной премии РС(Я) в области науки (1993), за-

служенному деятелю науки РС(Я) и РФ, заслуженному ветерану СО РАН, главному научному сотруднику сектора лексикографии ИГиЛПМНС СО РАН. Его общий трудовой стаж — 57 лет, из них научной деятельности — 53 года.

Выходец из далёкого северного колымского улуса, где было проблематично получить даже среднее образование (окончил среднюю школу экстерном), он в 1956 г. с красным дипломом окончил историко-филологическое отделение Якутского государственного педагогического института по специальности «Учитель русского языка и литературы». Четыре года проработав в родном районе учителем русского языка, завучем, директором школы, заведующим райпедкабинетом, в 1960 г. поступил в очную аспирантуру Якутского филиала СО АН СССР. По окончании очной аспирантуры в 1963 г. поступает в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР на должность младшего научного сотрудника. С 1968 г. — старший научный сотрудник, с 1972 г. — завотделом языкознания, с 1998 г. — главный научный сотрудник отдела толкового словаря (ныне — сектора лексикографии).

П.А. Слепцов известен в тюркологическом мире как специалист по лексикологии, лексикографии и истории якутского литературного языка. Его вклад в якутское и тюркское языкознание огромен. В многочисленных трудах П.А. Слепцова разработаны основные теоретические положения к созданию толкового словаря якутского языка, определен статус языка фольклора, в частности, якутского эпоса олонхо как устной формы литературного языка. П.А. Слепцов впервые в якутской филологии на основе всестороннего изучения, определил язык произведений дореволюционных основоположников якутской литературы как основу

литературного языка донационального типа, вскрыл социальные, социолингвистические и собственнолингвистические закономерности развития терминологической системы младописьменных литературных языков. В виде обобщения результатов многолетнего изучения процессов формирования и развития норм якутского литературного языка им впервые в науке обоснована и предложена периодизация развития младописьменных языков; выдвинуты научно-теоретические положения о сущности и основных признаках младописьменных литературных языков.

Ему принадлежит более 200 научных публикаций. Из них 10 монографических работ. Наиболее значимые из них: «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)» (Якутск, 1964), «Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)» (М.: Наука, 1975). Первая монография стала основой кандидатской диссертации Петра Алексеевича, которую он блестяще защитил в Новосибирске в 1965 г. В работах, посвященных русским лексическим заимствованиям, рассмотрены заимствованные слова, имеющие определенные, точно очерченные значения и выражающие новые общественные, хозяйственные, культурные и научные понятия. В настоящее время он также продолжает исследование по этой теме и в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» готовит к изданию Толковый словарь лексических заимствований в якутском языке (традиционное наследие (XVII в. — XX в.)). Его учебное пособие «История якутского языка. Ч.1 (1983)», удостоенное премии, стало настольной книгой не только студентов, но и учителей и ученых-лингвистов.

Итогом его многолетней работы над якутским литературным языком явился выход в свет фундаментального труда в двух книгах: «Якутский литературный язык. Истоки, становление норм» (Новосибирск, 1986); «Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм» (Новосибирск, 1990). В этих монографиях исследованы язык дореволюционной письменности и зачинателей якутской художественной литературы, становление норм современного литературного языка в 20–30-е годы XX в., процесс разработ-

ки и внедрения грамматических, фонетических, орфографических норм и изменения норм словоупотребления на богатом фактическом материале учебной, художественной и общественно-политической литературы. Кроме того, рассматриваются дискуссионные вопросы взаимоотношения младописьменного литературного языка на различных этапах его развития с языком художественной литературы и устного народного творчества. Из исследований Петра Алексеевича вырастает тема докторской диссертации «Якутский литературный язык: истоки, нормы словоупотребления». Защита диссертации состоялась в виде научного доклада в Институте языкознания в г. Москве в 1990 г., став ярким событием как в якутологии, так и в тюркологии. Именитые оппоненты член-корр. АН Казахской ССР К.М. Мусаев и действительный член, вице-президент Чувашской национальной академии Н.П. Петров по достоинству высоко оценили докторскую диссертацию П.А. Слепцова. Н.П. Петров в своем отзыве написал: «Не многие тюркские народы имеют подобные фундаментальные исследования по теории и истории своего литературного языка. Петр Алексеевич счастливо сочетает в одном лице как теоретика литературного языка, впервые разработавшего научно-теоретические основы его нормативности, пути и методы его дальнейшей нормализации, так и признанного нормализатора и кодификатора норм якутского литературного языка... Эта работа являет собой выдающийся научный вклад не только в якутском языкознании, но и во всей тюркологии».

Петр Алексеевич — соавтор таких крупных научных изданий, как: «Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху» (Якутск, 1971), «Грамматика якутского литературного языка» (М., Наука, 1982), удостоенной премии СО АН СССР, а также автор вузовского учебного пособия «Саха тылын историята» (Якутск, 2007).

В 2008 г. Петр Алексеевич издал солидный сборник «Ступени и проблемы якутского языкознания» наиболее значимых и актуальных работ, написанных им на протяжении почти полувековой научной деятельности. Статьи, включенные в этот сборник, затрагивают не только теоретические проблемы, но и прикладные вопросы современного якутского языкознания — в них отражены вопросы ретроспективного изучения современных проблем, перспектив развития и задач дальнейшего изучения якутского языка.

П.А. Слепцов — крупный организатор науки. Он руководитель и координатор всей академической языковедческой работы в Якутии. Петр Алексеевич является руководителем научно-исследовательских работ языковедов института в рамках приоритетного направления СО РАН по гуманитарным наукам «Якутский язык: системные отношения в грамматике и лексике; функционирование» (2010–2012 гг.) и «Якутский язык: грамматический и лексический строй; функционирование» и (2013–2016 гг.), объединяющих четыре блока исследований.

Большой вклад Пётр Алексеевич внёс также в подготовку научных и научно-педагогических кадров. Под его научным руководством защищены 20 докторских и кандидатских диссертаций. В настоящее время под его руководством 8 аспирантов и соискателей работают над диссертациями.

Учёный регулярно принимает участие во многих международных, всероссийских научных конференциях (Москва, Алма-Ата, Астана, Казань, Элиста, Турция и др.).

Современный этап развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха семантики, и поэтому среднее и молодое поколение якутских исследователей под непосредственным руководством Петра Алексеевича разрабатывает новые перспективные направления в этой области якутского языкознания. Защищены и изданы оригинальные монографические исследования по семантике якутских слов: по эмоционально-экспрессивным словам В.И. Лиханова (1994), лексическим синонимам Н.Н. Васильевой (1996), переносным значениям слов Е.Н. Афанасьевой (1996), лексической полисемии непроизводных имен прилагательных Ф.Н. Дьячковского (1997), средствам выражения экспрессивности А.М. Николаевой (2006) и т.д. Как крупный специалист, исследовавший проблемы литературного языка, Петр Алексеевич уделяет немалое внимание становлению стилистических норм и терминологии якутского языка. По этой тематике под его руководством были защищены кандидатские диссертации В.И. Быгановой «Якутская терминология (этапы становления)», Н.М. Борисовой «Функционирование языка саха в сфере периодической печати (по материалам газет «Саха сирэ» и «Сахаада» 1990 гг.)», Г.Г. Торотова «Функционально-стилистическая дифференциация определений в современном якутском языке».

Благодаря оригинальным задумкам и исследованиям П.А. Слепцова якутские языковеды новой формации вышли на передовые рубежи

тюркского языкознания, более того, открыли новые перспективные направления, а по некоторым позициям разрабатывают свежие теоретические концепции, интересные и для общего языкознания. Это такие направления, как социолингвистика и лингвофольклористика. Под научным руководством Петра Алексеевича защищены кандидатские диссертации по этой тематике: Т.В. Аргуновой «Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект)», Р.И. Васильевой «Языковая ситуация в условиях многоязычного общества в Республике Саха (Якутия)» (на материале взаимодействия якутского и русского языков в Приленье), Н.И. Ивановой «Интерферентные явления в устной речи билингов-саха» (на материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции), Е.И. Избековой «Числительные в олонхо: структура и семантика», Л.В. Роббек «Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект)» и т.д.

П.А. Слепцов — один из ведущих якутских лексикографов, глубоко вникающих в историко-культурную роль свидетельств языка и письменной речи. Под его руководством, редакцией и в соавторстве создан «Якутско-русский словарь» (М., 1972), который явился первым нормативным словарем среднего объема на якутском языке.

Понимая всю важность и ответственность перед будущими поколениями в сохранении родного языка, как первоосновы национальной духовной культуры, а также в обеспечении нации высшей формой родного языка — литературным языком национального типа, Петр Алексеевич своевременно сумел сосредоточить основные силы своих учеников-языковедов Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР на создании очень сложной и трудоёмкой работы — многотомного академического Толкового словаря якутского языка. Данное предприятие стало одним из основных приоритетных направлений деятельности Института (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). Этот грандиозный проект Петра Алексеевича, начатый в 1972 г., в настоящее время находится на стадии завершения. Из запланированных 15 томов, вышло в свет 9 томов общим объемом 480 п.л. Задача разработчиков словаря состоит в том, чтобы на добротном и документированном материале полно и системно раскрыть уникальное содержание и структуру одного из древнейших тюрк-

ских языков. Главное его достоинство — полное, четкое и развернутое толкование значений слов на двух языках — якутском и русском. В этом заключается не только общенациональное значение словаря, но и общекультурные перспективы его широкого использования в тюркологическом мире. Кроме того, словарь должен стать авторитетным пособием по культуре якутской речи. Этим проектом Петр Алексеевич привлек представителей нескольких поколений языковедов из числа своих учеников и единомышленников к очень сложной, иногда только кажущейся монотонной, но всегда увлекательной, интересной и перспективной сфере научной деятельности — лексикографии. Благодаря этому проекту создан высокопрофессиональный коллектив словаристов, объединенных в одну слепцовскую школу якутских лексикографов.

Плоды научной и педагогической деятельности Петра Алексеевича Слепцова дают крепкие всходы в трудах учеников, укрепляя и расширяя его теоретические идеи и взгляды.

Кроме своей основной работы, П.А. Слепцов несёт большую общественную нагрузку. Он инициатор и организатор специализированного Совета по защите кандидатских диссертаций по специальности 10.02.06. «Тюркские языки». В 1994 г. добился организации специализированного Совета по защите докторских диссертаций по тюркским языкам, 17 лет являлся его председателем. За это время защищено 34 кандидатских 8 докторских диссертаций. Долгое время являлся заместителем председателя Совета по языковой политике при Президенте РС(Я). С 1965 г. бессменный член учёного совета института, член и председатель многочисленных республиканских комиссий по различным вопросам языкового строительства, один из основных разработчиков «Закона о языках в Республике Саха (Якутия)». В настоящее время является членом Российского комитета тюркологов, Объединенного ученого совета АН РС(Я), членом двух диссертационных советов по защите докторских диссертаций («Языки народов РФ (якутский язык)» и «Литература народов РФ (якутская литература)»), заместителем главного редактора редакционной комиссии по переработке «Орфографического словаря языка саха для второго издания», членом экспертной комиссии по терминологии. С 2009 г. — зам. главного редактора журнала «Наука и образование», с 2008 г. — член редсовета журнала «Урало-алтайские исследования». При его непосредственном участии издаются науч-

ные и научно-популярные издания, учебные пособия, словари и т.д.

Петр Алексеевич успешно сочетал научную работу с педагогической деятельностью. Он долгие годы читал курс лекций по «Истории якутского языка», «Якутскому литературному языку» и «Языку олонхо» студентам факультета якутской филологии и национальной культуры Якутского государственного университета (ныне СВФУ) имени М.К.Аммосова.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность и активная общественная работа отмечены многочисленными правительственными и отраслевыми наградами и грамотами.

Профессор П.А. Слепцов — один из ярчайших представителей якутской науки, создавший свою научную школу, заслуженно пользуется среди коллег и общественности республики большим авторитетом. И в свои 85 лет Петр Алексеевич как всегда плодотворно трудится в своем родном институте, полон сил и новых идей.

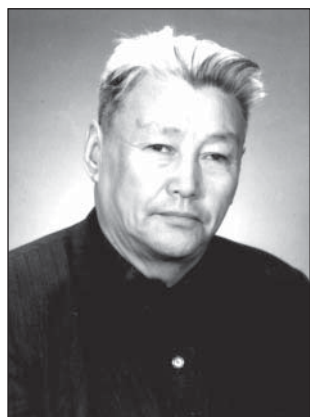
*В.Д. Монастырёв, к.ф.н.,
завсектором лексикологии*

*ИГИИПМНС СО РАН
Н.Н. Васильева, к.ф.н.,
с.н.с. сектора лексикографии
ИГИИПМНС СО РАН*

Николай Николаевич Тобуроков

(К 80-летию со дня рождения)

Когда речь идет о национальном литературоведении Сибири, об истории и развитии тюркского стихосложения, взаимосвязях фольклора и литературы, специалисты в числе первых называют имя известного якутского литературоведа, доктора филологических наук, профессора, действительного

члена Международной тюркской академии (г. Москва), члена Союза писателей Республики Саха (Якутия), заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия) Николая Николаевича Тобурокова, которому 1 марта с.г. исполнилось 80 лет.

Природа одарила его сразу тремя талантами — быть большим ученым-исследователем, выдающимся педагогом и умелым организатором. Мало кому из современных ученых удастся соединить в себе все эти три качества и стабильно оправдывать их многие годы. Он стал основателем собственной научной школы, которая заняла прочное положение в литературоведческой науке России, особенно ее Сибирского региона. Он выпустил немало востребованных

в современной филологии научных работ, подготовил большое количество учеников, среди которых известные ученые и талантливые педагоги. Подавляющее большинство литературоведов республики относится к числу его прямых учеников.

Н.Н.Тобуроков родился в 1933 г. в Верхневилюйском улусе в с. Оросу. Генеалогическое древо ученого, по утверждению известного этнографа Г.В.Попова, восходит к XVII в. Основателем фамилии Тобуроковых считается прадед Николая Николаевича охотник Тавро (переименованный позднее в якутское Тобуруо), имеющий в своем роду и русские корни.

Будущий ученый рано остался сиротой и воспитывался старшими братьями и сестрами, которые оказали огромное влияние на его формирование как личности. Нужно отметить, что генетически в этой семье была изначально заложена огромная тяга к высокой словесности и просветительству. Сами посудите, из семи детей Тобуроковых пятеро стали учителями. Немудрено, что результатом царившего в семье культа Книги и Слова, непревзойденным мастером, классиком якутской поэзии стал старший брат Николая Николаевича народный поэт Якутии Петр Николаевич Тобуроков, а сам Николай Николаевич всю свою жизнь посвятил изучению природы рождения стиха, поэтического слова.

Плодотворный и содержательный жизненный путь большого ученого связан с национальным литературоведением, поэзией.

Около 50 лет тому назад Николай Николаевич, выпускник Вилуйского педагогического училища, затем Якутского педагогического института, пришел в науку с небольшой по объему книгой «Углубленное изучение жизни и творчества Эрилик Эристина в школе» (на якут. яз., 1961). Несмотря на малый размер, работа изначально показала незаурядность и одаренность молодого автора, его умение творчески работать с литературным текстом, склонность к аналитическому разбору творчества писателя в широком историко-культурном контексте, способность к глубоким теоретическим обобщениям.

Впоследствии литературовед, будучи научным сотрудником Института языка, литературы и истории, защитил кандидатскую диссертацию по исследованию жизни и творческого пути Эрилик Эристина (1965). Ему посвящены монографии Тобурокова «Эрилик Эристин» (1963, 1992), «Писатель корчагинской закалки» (1979). Заслуги Тобурокова в изучении жизни и творчества Эрилик Эристина отмечены в 1992 г. Литературной премией имени писателя.

В научном мире Николай Николаевич признан одним из основоположников сложного научного направления в якутском литературоведении — стиховедения. В 1984 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Становление и развитие стихосложения в советской поэзии тюркоязычных народов Сибири». Его новаторские труды «Вечный поиск волшебства» (1981), «Якутский стих» (1985), «Современная поэзия народов Сибири» (1986), «Проблемы сравнительного стиховедения» (1991), «Хакасское стихосложение» (1991), «Сибирью рожденные» (1992) получили широкое признание среди тюркских ученых. Он до сих пор остается единственным стиховедом, проводившим глубокий сравнительный анализ поэзии якутов, алтайцев, тувинцев, хакасов и бурят. В своих изысканиях Николай Тобуроков не стал «кабинетным ученым», он лично объездил Сибирский регион, собрал уникальный поэтический материал, изучение которого дало очевидные результаты, свидетельствующие о близком родстве стиховых систем тюрко-монгольских народов Сибири. Сам Николай Николаевич придает исключительное значение изучению стиховых форм: «... Я доказываю на материалах стихосложения взаимовлияние, взаимопроникновение культур разных народов, поступатель-

но развивавшихся многие столетия... Через систему стихосложения можно проследить эволюцию восприятия окружающего мира различными этносами... Я показываю в своих исследованиях, что у тюрков в поэзии общего, а что собственно национального. Каждый должен осознать себя ветвью одного дерева» (Республика Саха, 19 марта 1994 г.). Эти исследования Н.Н. Тобурокова легли в основу развития целого научного направления — интеллектуально-научной интеграции стиховедов, изучающих тюркоязычную поэзию Сибири. Так, под научным руководством Н.Н. Тобурокова успешно защитили кандидатскую диссертацию по тувинской поэзии У.А. Донгак, эвенской поэзии А.А. Винокурова; написал научно-исследовательскую работу хакас С.А. Майнагашев. Авторитетное мнение ученого по многим проблемам развития национальных литератур служит точкой опоры в исследованиях алтайских (Н. Киндикова), тувинских (У.А. Донгак), хакасских (А.Л. Кошелева) литературоведов, бурятских исследователей (В.Ц. Найдаков и его литературоведческая школа), башкирских ученых (Р.Н. Баимов, Г.Б. Хусаинов) и др.

Находясь в творческом содружестве с такими известными литературоведами и фольклористами России, как Г.О. Ломидзе, Н.С. Надъярных, В.Ц. Найдаков, А.А. Соктоев, В.Г. Родионов, Н.А. Алексеев и др., Николай Николаевич стал основателем собственной научной школы. Под его руководством подготовлены и защищены 9 кандидатских и 2 докторских диссертации. Научные интересы учеников, несомненно, формировались под влиянием Учителя. Его идеи и взгляды на природу художественного творчества находят развитие в их работах. Так, широко известны труды первых аспирантов Николая Николаевича, ныне докторов филологических наук, профессоров П.В. Максимовой-Сивцевой, В.Б. Окоороковой; прямой последовательницы его стиховедческой школы М.Н. Дьячковской; литературоведов Л.Н. Романовой, В.Г. Семеновой, Е.А. Архиповой, М.П. Поповой и др.

Николай Тобуроков, как крупный ученый, уделяет большое внимание всем трем разделам литературоведения — истории, теории и критике. Наряду с исследованием стихосложения в 70-е гг. XX в., ученый все более углубляется в изучение истории литературы. Его научные взгляды, изложенные в коллективных монографиях «История советской многонациональной литературы», «Якутская советская литература и искусство», «История якутской литературы.

Середина XIX — начало XX века», в работе «История якутской литературы» (на як.яз.), легли в основу многих трудов, касающихся истории якутской литературы, где зарождение и развитие якутской письменной литературы показаны как результат сложного, многовекового процесса, включающего в свой ареал древнетюркскую письменную культуру и литературные памятники XIX в.

В своих суждениях об историческом пути развития национальной литературы Николай Николаевич удивительно последователен и принципиален. Он твердо убежден в том, что наследие писателей прошлого надо оценивать независимо от происходящих политических перемен эпохи, по их истинному художественному достоинству и вкладу в духовное развитие нации. Одним из примеров такого отношения к истории литературы, может стать его многолетняя борьба за объективную оценку художественного творчества и государственной деятельности Платона Алексеевича Ойунского. Статьи Н.Н. Тобурокова об основоположнике якутской советской литературы, основанные на достоверных исторических документах, фактах, убедительно показали высокую степень литературного таланта поэта, писателя, драматурга, значимость его научных трудов, историческую оправданность его государственной деятельности.

Живой интерес ученого-литературоведа вызывают и писатели-современники, представляющие текущий литературный процесс. Литературно-критические работы Тобурокова отличаются особой ответственностью автора в оценках, в определении места писателя в развитии национальной литературы. В одном из своих интервью он признался: «... Лично я стараюсь делать обобщения на основании анализа десятков произведений. Пока все не перечитаю у автора за перо не берусь» (Респ. Саха, 19 марта 1994, с. 2). Результатом такого вдумчивого, обстоятельного анализа стала его работа о жизни и творчестве Андрея Кривошапкина [1999], в которой представлен глубокий анализ творчества писателя с точки зрения ментального отражения действительности. Его выступления, речи о творчестве писателей-современников отличаются объективной и принципиальной оценкой, умением выпукло показать творческие достижения и обратить внимание на моменты, не совершенные в художественно-эстетическом отношении.

Творческий почерк Николая Николаевича глубоко индивидуален. В его работах восхищает высокий профессионализм, твердая убежден-

ность в суждениях и умозаключениях, широта познаний и взглядов исследователя, требовательного ценителя художественного слова. В каждой работе — будь то небольшая статья или обширная монография — у автора свой угол зрения, свой собственный голос.

Николай Николаевич — умелый организатор и руководитель. Продолжительное время, работая в аппарате обкома КПСС республики (1964–1974 гг.), курировал вопросы культуры и науки. Затем Николай Николаевич был заместителем директора и руководителем отдела литературы в Институте языка, литературы и истории ЯНЦ СО РАН (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). За период руководящей работы он сумел разработать оптимальные механизмы контролирования и стимулирования научной результативности. В институте его помнят как принципиального, объективного и требовательного руководителя, для которого выше всех критериев стояла научная Истина.

Почти сорок лет спустя, в начале 90-х гг., Николай Николаевич вернулся к педагогической работе, с которой начиналась его трудовая деятельность. Наверно, в этом проявилась высшая мудрость большого ученого, продиктованная потребностью щедро делиться своим опытом и знаниями, особым чувством ответственности за науку будущего. Немало среди филологов, учителей, литературоведов республики тех, кто получил от него путевку в мир знаний и науки. Работая около 20 лет в университете, он подготовил не один десяток высококвалифицированных кадров, молодых ученых и учителей.

Сегодня он, будучи профессором Северо-Восточного федерального университета им. М. Аммосова, плодотворно сочетает научно-исследовательскую деятельность с педагогической. В результате блистательного слияния научного поиска с педагогическим мастерством возникли его учебные пособия и научные труды «Изучение жизни и творчества А.Е.Кулаковского в высшем учебном заведении», «История якутской литературы», программа для вузов «Якутская литература», «Жизнь и деятельность Афанасия Уваровского» (в соавт. с Ю.И. Васильевым), «Алампа» (в соавт. с В.Г. Семеновой), учебники по якутской литературе для 10–11 кл. якутской школы (в соавт. с Н.И. Филипповой, П.В. Максимовой). Сейчас ученый увлечен большой и значимой работой по исследованию стиха олонхо.

Николай Николаевич Тобуроков внес значительный вклад в развитие национальной гуманитарной науки. Научные интересы якутского литературоведа охватывают широкий круг проблем, как общетеоретических, кардинальных для национального литературоведения и литературной критики, так и более частных, вскрывающих национальное своеобразие поэзии. Наряду с этим, ученый часто выражает на страницах периодической печати, в публичных выступлениях свою гражданскую позицию по наиболее важным общественным вопросам и проблемам развития якутской науки.

В его творческом багаже сегодня около 200 научных работ, 24 монографии и учебных пособий. Николай Николаевич — во всех своих ипостасях человек замечательный и поистине избранный. Присущая ему, как ученому, педагогу и организатору, энергетика и целеустремленность, эрудиция и научная принципиальность вызывают истинное почтение у его коллег, учеников, да и просто почитателей литературы. Якутский ученый заслуженно пользуется большим авторитетом не только в республике, но и далеко за ее пределами.

Во всей деятельности Николая Николаевича проявляется талант, с одной стороны, сохра-

нять преемственность научных традиций, с другой — быть восприимчивым к новейшим научным подходам и идеям. Его педагогический и организаторский талант привлекает в науку способную молодежь. Проявлением его дальновидности как ученого-организатора, стала неутомимая работа по открытию и функционированию под его руководством диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Литература народов РФ (якутская литература)», благодаря чему за последние годы литературоведение Якутии пополнилось новыми именами перспективных молодых исследователей.

Мы, ученики Николая Николаевича, благодарны судьбе за данную нам возможность учиться у него и работать рядом с ним. Он служит для нас неиссякаемым источником творческого вдохновения в науке.

Желаем ему долгих лет жизни, здоровья, новых достижений в любимом деле, новых достойных учеников-последователей!

*Л.Н. Романова, к.ф.н.,
завсектором литературоведения
ИГИиПМНС СО РАН.*

Василий Игнатьевич Федоров

(К 80-летию со дня рождения)

27 апреля 2013 г. исполнилось 80 лет со дня рождения доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику сектора истории Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Василию Игнатьевичу Федорову. Он родился 27 апреля (в день республики) 1933 г. в Хангаласском улусе — на родине видных деятелей науки Г.В. Ксенофонтова и Г.У. Эргиса, первого Президента РС(Я) М.Е. Николаева. Воспитывался в традиционной якут-

ской семье, где ему привили трудолюбие, целеустремленность, настойчивость и ответственность. Его родной V Мальджегарский наслег был самым отдаленным, и маленькому Васе приходилось ежедневно в любую погоду проходить до школы пешком девять километров.

Свою трудовую биографию, как и подавляющее большинство представителей национальной интеллигенции того периода, Василий Игнатьевич начал в 1954 г. в школе в качестве учителя, а затем стал директором семилетней школы в Ленском районе, где проработал до 1958 г. В том же году он окончил Якутский госуниверситет, и способного к организаторской деятельности молодого человека выдвинули на новую работу — вторым, а позднее первым секретарем Ленского райкома ВЛКСМ. В советские

времена школа комсомола являлась подлинной кузницей подготовки управленческих кадров, где осуществлялся справедливый и объективный отбор будущих претендентов на высокие посты. В 1961 г. его выдвинули на более ответственную должность — заведующего отделом Ленского райкома КПСС. Так состоялось вхождение Василия Игнатьевича в обиход местных партийно-советских руководителей. После окончания в 1964 г. Новосибирской высшей партийной школы он возглавил лекторскую группу обкома КПСС, где отточил мастерство публичных выступлений перед населением, и в дальнейшем работал вторым секретарем Усть-Алданского райкома КПСС.

После окончания в 1973 г. Академии общественных наук при ЦК КПСС (1973) в биографии Василия Игнатьевича произошли значительные изменения, связанные с дальнейшим профессиональным ростом, — от деятеля районного масштаба до республиканского. Он стал заведующим отделом науки и учебных заведений Якутского обкома КПСС. Новое должностное назначение было подкреплено блестящей защитой в 1973 г. в Москве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук и публикацией монографии «Рабочий класс в Советах» (Якутск, 1974). В те времена среди чиновничества отсутствовала модная ныне погоня за учеными степенями любым путем. В диссертации Василий Игнатьевич продемонстрировал, по общему признанию маститых рецензентов, высокие качества теоретического обобщения собранного и обработанного огромного массива документального материала.

В последующие годы Федоров работал на ключевых постах республиканского масштаба: секретарем Якутского обкома КПСС (1978–1984 гг.), заместителем председателя Совета министров (1984–1990). Этот период в истории Якутии не был застойным по сравнению с другими регионами страны, поскольку местное партийно-советское руководство во главе с выдающимся государственным и политическим деятелем Г.И. Чиряевым сумело осуществить социально-экономическую и социокультурную модернизацию региона. Василию Игнатьевичу тогда поручили социальную и культурную сферы, где им были достигнуты впечатляющие успехи.

Так, Федоров принимал участие в укреплении материально-технической базы объектов социально-культурной сферы. С 1974 г. по 1990 г. были введены в эксплуатацию школы — на 85321 ученическое место; дошкольные учреж-

дения — на 41544 места; больницы — на 3315 коек; клубы, дома культуры — на 20930 мест. В районных центрах происходил переход на каменное строительство новых социальных объектов. К 1982 г. построили здания Театра оперы и балета, ректората Якутского госуниверситета, Дома пионеров, институтов физтехпроблем, биологии, горного дела, второго корпуса Института мерзлотоведения и т.д. В 1989 г. началось строительство Медцентра. Он внес также существенный вклад в развитие и укрепление материально-технической базы учреждений среднего специального и профтехобразования. В республике были построены здания техникумов (кооперативный, связи, сельского хозяйства, финансов, алданский горный) и профтехучилищ, готовящих квалифицированных рабочих для «Якутзолото», геологии, кинофикации.

В 1980-е гг. Василий Игнатьевич возглавил четыре официальные делегации республики на международные выставки в Бухаресте, Лейпциге, Саппоро и Вене. Именно тогда Якутия впервые презентовала себя на столь высоком профессиональном уровне, и мировое сообщество благосклонно восприняло это. Одним из организаторов этих мероприятий был В.И. Федоров. Тогда возникла и другая добрая традиция — проводить Дни литературы и искусства ЯАССР, которые в 1982 г. прошли в Москве и Ульяновске, в 1986 г. — в Иркутской области, в 1988 г. — в Амурской, юбилей — 90-летие со дня рождения П.А. Ойунского впервые отмечался в Москве в 1983 г.

Стоит также отметить принципиальную позицию секретаря обкома и заместителя председателя Совета министров ЯАССР Федорова, твердо отстаивавшего на федеральном и местном уровне позицию видных представителей якутской интеллигенции Г.П. Башарина, А.Е. Мординова, Сем. и Софр. Даниловых, Д.К. Сивцева—Суорун Омоллона и других. В 1970–1980-е гг. продолжалась острая борьба за литературное наследие основоположников художественной литературы якутов А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова. Здесь следует особо подчеркнуть бережное отношение к местным кадрам научной и творческой интеллигенции со стороны Василия Игнатьевича.

В 1990–1992 гг. Федоров возглавлял Госкомитет по печати ЯАССР, в 1992–1993 гг. был заместителем председателя Комиссии по государственным наградам при Президенте Республики Саха (Якутия). После ухода с гос-

службы он вновь обратился к научным изысканиям.

В 1993 г. Василий Игнатьевич поступил на работу в Институт языка, литературы и истории СО РАН в качестве старшего научного сотрудника. И здесь его богатый организаторский талант был востребован в полной мере. Его назначили завотделом истории, а затем замдиректора института. В трудный и лихой ельцинский период он внес неоценимый вклад в финансирование гуманитарных наук, в организацию разработки ряда крупных целевых научных программ и установление международных контактов с зарубежными исследовательскими центрами.

С 2000 г. по настоящее время Федоров работает в институте главным и ведущим научным сотрудником. В 2002 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Якутия в начале XX века: социально-экономическое и общественно-политическое развитие (1900–февраль 1917 г.)». Ныне он признанный и авторитетный специалист по истории общественно-политической и социально-экономической истории Якутии начала XX столетия.

В монографии «Якутия в начале XX в.: социально-экономические отношения (Новосибирск, 2002) Василий Игнатьевич исследовал социально-экономическую историю Якутии, включающую демографические процессы, особенности формирования рынка, традиционные занятия коренного населения, земельные отношения, кустарно-промышленные предприятия. Показал деятельность местной власти по развитию хозяйства, путей сообщения, государственного регулирования процесса колонизации области и т.д. В монографиях «Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919 гг.)», кн. 1. (М., 2002) и кн. 2 (Новосибирск, 2010) раскрыл общественно-политическую жизнь края, включая события, связанные с русско-японской, I мировой войнами, Февральской и Октябрьской революциями. Особое внимание уделил съезду представителей улусов (1908) и съезду якутов (1912). Изучил формирование и борьбу политических партий и общественных движений в регионе. Раскрыл особенности становления земского самоуправления в крае. Стоит отметить добротность этих капитальных трудов, где обобщен обширный массив архивных документов. С математической точностью подсчитаны и приведены в табличном виде цифровые данные по развитию экономики и социокультурной сферы.

В.И. Федоров — автор около 100 научных трудов. Как горячий патриот своей «малой родины» он был ответственным редактором книги «Хангаласский улус: история, культура, фольклор» (Якутск, 2007). Руководил группой авторов по истории XX в. в «Историко-культурном атласе Республики Саха (Якутия) (М., 2007). В 2010–2012 гг. он являлся научным руководителем проекта «Власть и общество: политические и социальные трансформации в Якутии. XIX — 20-е гг. XX вв». Проект был выполнен в рамках программы IX/85.1. «Власть и общество в Сибири: проблемы взаимодействия и социально-экономического развития региона в XVI–XX вв., (координатор — член-корр. РАН В.А. Ламин). Он включен в авторский коллектив III тома «Истории Якутии», готовящейся к новому изданию (2012–2015 гг.). Активно участвует в общественной жизни,

Василий Игнатьевич состоял членом диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Якутском государственном университете, членом редколлегий издания серии «Улусы и города РС (Я)», членом Общего собрания ЯНЦ СО РАН. Ныне является членом ученого совета института и принимает участие в редактировании сборников, отдельных трудов историков, рецензировании издаваемых монографий.

В.И. Федоров избирался депутатом Верховного Совета Якутской АССР IX–XI созывов, в 1984–1992 гг. являлся членом Правительства ЯАССР. Его многочисленные государственные и научные заслуги отмечены высокими наградами: орденом «Знак Почета», медалями Союза ССР, почетными званиями «Заслуженный работник народного хозяйства ЯАССР», «Ветеран Сибирского отделения АН СССР», Почетной грамотой Президента РС(Я), медалью им. Н.В. Черского и др.

Своими научными трудами В.И. Федоров внес вклад в разработку фундаментальных проблем в области истории Якутии на рубеже XIX–XX вв. Старается быть в курсе последних достижений науки. Имея опыт руководящей работы, умело использовал его в качестве руководителя темы НИР. Требователен и отлично организует сотрудников на коллективную работу, настойчив в достижении цели. В коллективе пользуется заслуженным авторитетом.

*Е.П. Антонов, к.и.н.,
доцент, завсектором истории Якутии
ИГИиПМНС СО РАН*

Гаврил Николаевич Курилов — Улуро Адо

(К 75-летию со дня рождения)

Известный юкагирский ученый, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РС(Я), главный научный сотрудник сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН Гаврил Николаевич Курилов родился в 1938 г. в Оленинградской тундре Нижнеколымского района Якутии в семье последнего юкагирского шамана. Отец, Нико-

лай Николаевич, был оленеводом, отличным знатоком родного языка и фольклора и передавал эти знания своим детям. Мать, Анна Васильевна, была на двадцать два года младше мужа, всю свою жизнь посвятила воспитанию детей. Именно родители заложили в детях любовь к родному слову, сыграли огромную роль в том, что их сыновья: Семен, Гаврил, Николай — стали известными всему миру писателями, учеными.

Гаврил Николаевич с детства познал тяжкий труд оленеводов. После окончания Хара-Тальской начальной школы он работал пастухом в юкагирском колхозе «Оленевод». Затем продолжил учебу в Андриюшкинской семилетней школе.

В 1954 г. поступил учиться в Чурапчинское педагогическое училище, после его закрытия последний курс закончил в Якутском педучилище. После успешного окончания учёбы в 1958 г. поступает на северное отделение Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, который закончил в 1962 г.

Сын потомственных оленеводов, Гаврил Николаевич высшее образование получил в Ленинграде — одном из крупнейших культурных и научных центров мира. Здесь началось его становление как ученого, поэта, гражданина.

По окончании ЛГПИ им. А.И. Герцена в 1963–1964 гг. работал лаборантом в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, в 1964–1965 гг. — учителем русского языка и литературы в Андриюшкинской восьмилетней школе.

В 1965–1968 гг. учился в аспирантуре Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. В 1969 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сложные имена существительные в юкагирском языке», написанную под руководством выдающего ученого-тунгусоведа, профессора В.И. Цинциус. Диссертационное исследование Г.Н. Курилова получило высокую оценку таких выдающихся ученых, как академик В.М. Жирмунский, профессор В.А. Адмони, профессор В.М. Павлов и др. Он становится первым юкагирским ученым-языковедом и создателем юкагирской письменности.

Научная деятельность Г.Н. Курилова тесно связана с Институтом языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, а затем и созданным на основе сектора северной филологии, одного из подразделений ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Он прошел путь от лаборанта до заведующего сектором палеоазиатской филологии.

В 2000 г. Г.Н. Курилов успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль якутского языка в заимствовании)», в которой рассматриваются пути обогащения и совершенствования словарного состава языка юкагигов. Это исследование было опубликовано в печати в 2003 г. в издательстве «Наука» (г. Новосибирск).

Одним из фундаментальных трудов Г.Н. Курилова является «Юкагирско-русский словарь» (Новосибирск, Наука, 2001), содержащий около 11 тысяч лексических единиц языка тундренных (нижнеколымских) юкагигов. Каждая лексическая единица словаря сопровождается фразовыми примерами, большинство из которых представляют полевые материалы самого автора.

В течение длительного времени, работая в фольклорно-лингвистических экспедициях, он собрал богатый материал по языку, фольклору и этнографии юкагигов, который позже лег в основу его работ. В 2005 г. в Новосибирске выходит из печати первое современное академическое издание фольклорных произведений лесных и тундренных юкагигов. В его основу легли полевые материалы А.Н. Лаптева и составителя тома Г.Н. Курилова. Фольклорные тексты тундренных юкагигов были опублико-

ваны впервые. В томе представлены образцы повествовательных жанров юкагирского фольклора. Особую ценность изданию придают тексты на двух наречиях из III отдела книги «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.И. Иохельсоном», опубликованной в 1900 г.

В 2006 г. в г. Якутске вышла из печати очередная крупная работа Г.Н. Курилова «Современный юкагирский язык», в которой наиболее полно раскрываются лексические, фонетические и грамматические особенности юкагирского языка.

Круг научных интересов Г.Н. Курилова широк, многообразен и охватывает актуальнейшие проблемы юкагирского языкознания.

Он стал автором орфографии юкагирского языка, утвержденной Правительством РС(Я) в 1986 г. В 90-х годах он разработал Концепцию возрождения и сохранения юкагирского языка. Являлся активным членом Комиссии по языковому строительству при Президенте РС(Я).

Под руководством Г.Н. Курилова подготовлены молодые научные кадры сектора палеоазиатской филологии и кафедры северной филологии СВФУ им. М.К. Аммосова: Ю.Г. Курилов, М.П. Лукина, С.Н. Курилова, А.Е. Прокопьева, Э.С. Атласова и др.

Г.Н. Курилов — талантливый юкагирский поэт, печатающийся под псевдонимом Улуро Адо, что в переводе с юкагирского означает «сын олеринской тундры». Первые стихотворения он начал писать еще в 1961 г. Первая подборка стихотворений молодого поэта вышла в 1965 г. в популярном литературно-художественном журнале «Юность». И в том же году впервые на юкагирском языке публикуется сборник стихов и рассказов под названием «Юкагирские огни» (Якутское книжное издательство, 1965 г.).

В 1976 г. Г.Н. Курилов был принят в Союз писателей СССР. Он заведовал на общественных началах отделом северной литературы при Союзе писателей Якутии. Под псевдонимом Улуро Адо вышли более 20 книг на юкагирском, русском, якутском, эстонском языках, в которых воспеваются родной край, отражается боль и тревога за судьбу древнего юкагирского народа.

Его пьеса «Мой друг Чага» несколько раз ставилась в детском кукольном театре г. Хабаровска, а по его либретто в 80-е годы прошлого столетия балетмейстером М. Сайдыкуловой в Театре оперы и балета в Якутске был поставлен балет «Амо и его друзья» на музыку В. Каца.

Г.Н. Курилов — известный общественный деятель. В свое время создал Совет старейшин юкаги́ров, почти 10 лет был его предсе-

дателем. Принимал активное участие в создании юкагирских общин «Чайла» и «Тэки Одулок». Совместно с коллегами В.Д. Лебедевым, П.П. Багаевой, А.Н. Мыреевой, В.Г. Рахтилиным и др. организовали «Геван» — радиожурнал, который вещал на эвенском, эвенкийском, юкагирском и чукотском языках.

Зная проблемы народа, его чаяния и ожидания, с конца 80-х годов он ставит вопрос о национальном самоуправлении в местах компактного проживания народов Севера для более эффективного и комплексного решения вопросов сохранения народа. Благодаря его деятельности в 1992 г. села Андриюшкино и Нелемное получили статус национальных сельских Советов. После ликвидации Советов Гаврил Николаевич выдвинул идею создания Суктулов — формы национального самоуправления юкаги́ров. Только благодаря неутомимой и многогранной деятельности Улуро Адо эта идея, преодолев многочисленные препоны, воплотилась в Законе Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского народа», реализация которого началась с 2008 г. Сегодня Суктулы созданы и работают в п. Андриюшкино и с. Нелемное.

Одним из главных условий сохранения языка любого народа является функционирование системы национального образования. Поэтому с конца 70-х годов Гаврил Николаевич поставил вопрос о начале преподавания родного языка в школах с. Нелемное и п. Андриюшкино, мест компактного проживания юкаги́ров. Им была разработана примерная Программа юкагирской национальной школы и Программа непрерывного обучения родному языку. Именно он стал автором первого букваря на юкагирском языке.

В настоящее время Гаврил Николаевич — почетный председатель Совета старейшин юкагирского народа, президент Союза юкаги́ров России, член Совета старейшин Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Якутии, Ассамблеи народов РС(Я). Он член Союза писателей РФ, академик Академии духовности РС(Я).

Г.Н. Курилов удостоен званий «Заслуженный деятель науки РС(Я)», «Заслуженный работник культуры ЯАССР», «Отличник народного образования ЯАССР», награжден знаком «За гражданскую доблесть».

Г.Н. Курилов — пример высокого профессионального отношения к проблемам коренных малочисленных народов Севера, преданности выбранному жизненному пути.

Т.Е. Андреева., к.ф.н.,
замдиректора ИГИиПМНС СО РАН.

Петр Никифорович Дмитриев

(К 75-летию со дня рождения)

4 июня 2013 г. исполнилось 75 лет известному фольклористу, писателю и журналисту П.Н. Дмитриеву. Как много талантов в одном человеке! Истоки дарований, несомненно, кроются в семье. Петр Никифорович Дмитриев родился в местности Айалаах Харанского наслега Мегино-Кангаласского

улуca в семье колхозников шестым ребенком. Отец, Никифор Федорович, был известен как олонхосут и знаток фольклора, а мать, Дарья Павловна, была первой якутянкой, награжденной за ратный труд доярки орденом Ленина. Она славилась и как исполнительница якутских народных песен. С детства, слушая дома сказки, песни и олонхо, Петр полюбил устное творчество, и сам впоследствии стал прекрасным исполнителем тойуков, заводил осуохай.

По окончании Майинской средней школы в 1956 г. отработал три года по комсомольской путевке на ферме в колхозе им. Ленина. Появилась семья: он женился на любимой однокласснице Марии, родились дочери Дария, Сардана и Майя.

Затем была учеба в Якутском государственном университете на историко-филологическом факультете. Пожалуй, эти годы были самыми яркими и наполненными в его жизни. Он занимался в спортивных секциях, в литературном кружке «Сэргэлээх уоттара» («Сергеляхские огни»), пел в студенческом ансамбле. В те годы вместе со своими однокурсниками Николаем Рыкуновым, Петром Аввакумовым, Иваном Сысолятиным он стал членом Союза писателей.

В 1964 г., вернувшись в родной район дипломированным специалистом, работал учителем в Жабыльской и Тылыминской семилетних школах, затем директором — в Россолодинской восьмилетней. Позже его направили в Мегино-

Кангаласский райком комсомола, где он работал первым секретарем. Возможно, Петр Никифорович стал бы успешным чиновником-функционером. Но судьба сложилась иначе, любовь к науке и творчеству возобладавала...

В 1969 г. Петр Никифорович поступил в аспирантуру ИЯЛИ АН СССР. Учебу он умело сочетал с творчеством. В те годы Дмитриев стал известен как детский писатель. Его первая книга «Сайылыгым барахсан» («Милый мой летник») увидела свет в 1970 г. Затем были изданы «Маайыс» («Майя») (1973 г.), «Дьийэрэнкэй» (1980 г.), «Ойуур ойууһута» («Лесной художник») (1982 г.), «Хаар балаҕан» («Снежный балаган») (1987 г.), «Күрээйэхчэй» («Маленький беглец») (1990 г.), «Туллук хаара» («Снег пуночки») (2003 г.), «Остуоруйа отуута» («Сказочный шалаш») (2008 г.). Эти сборники стихотворений были тепло встречены читателями. Некоторые произведения включены в хрестоматии для дошкольников, в сборники и учебные пособия по внеклассному чтению. На его стихи созданы десятки песен для детей. Переводы русских былин «Илья Муромец», «Алеша Попович и Добрыня Никитич», «Сухман Непропьевич», сказок А.С. Пушкина, стихов С. Маршака и С. Михалкова были напечатаны в периодической печати и изданы отдельной книгой.

Судьбоносной можно назвать встречу с певицей Анегиной Ильиной в те годы. Молодые люди полюбили друг друга и поженились. Анегина Егоровна заменила мать дочерям Петра Никифоровича. Супруга Мария скончалась от болезни, когда девочки были маленькими.

С 1972 г. на протяжении 20 лет Петр Никифорович возглавлял фольклорные экспедиции ИЯЛИ АН СССР, а впоследствии ИГИИПМНС СО РАН. Им записано 30 полных текстов олонхо. Якутский писатель и фольклорист Д.К. Сивцев-Суорун Омоллон так оценил его труд: «Это тогда, когда некоторые олонхо имеют по 8–10 тысяч строк. Признаться никто из якутских фольклористов такого, я бы сказал, подвига еще не совершил!»

Первые записи эпических произведений фольклорист сделал в 1973 г. в Таттинском улу-

се от олонхосутов С.И.Собакина (Сэмэтэ) «Оҕо Ньургун бухатыыр» и П.В.Аммосова «Хараҕаччы Сүүрүк бухатыыр». С экспедициями Петр Никифорович объездил почти всю республику и записывал народные песни, предания, легенды и другие произведения фольклора. Впервые для фиксации якутского эпоса он использовал новые в то время методы: магнитофонную запись, видеозапись. Благодаря этому удалось сохранить эпические образцы с живыми голосами сказителей. Фольклорист запечатлел на фотографиях образы известных олонхосутов Н.И. Степанова (Ноорой), С.Г. Алексеева (Уустарабыс), К.Л. Федорова (Көскөйө) и др.

Удача сопутствовала Петру Никифоровичу в ходе исследовательской работы. В 1973 г. в Якутском Центральном государственном архиве он обнаружил считавшийся ранее утерянным отрывок олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» П.А. Ойунского (VIII песню). После соответствующей текстологической работы этот широко известный ныне эпос был опубликован, и теперь о нем знают далеко за пределами страны. В 1993 г. в разгар подготовки юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию П.А. Ойунского в архиве Якутского научного центра Дмитриев обнаружил первую песнь богатыря Нюргуна Стремительного в авторизованном переводе известного ленинградского ученого-филолога А.С. Полякова. Эту работу переводчик провел в далеком 1937 г. На рукописи имеется надпись самого автора олонхо.

П.Н. Дмитриев — автор более ста научных, научно-популярных статей и фольклорных публикаций. Им в соавторстве с Г.В. Поповым составлена хрестоматия «Якутский фольклор» (1986 г.), изданы брошюры «Пламя поколений» и «Владимир Державин». В его записи, с вводной статьей и комментариями началось издание олонхо на якутском языке. В 1980 г. было издано олонхо П.П. Ядрихинского-Бэдьээлэ «Дьырыбына Дьырылыатта», затем в 1995 г. «Күн Эрили» Н.И. Степанова-Ноорой, в 2008 г. — «Оҕо Тулаайах» В.О. Каратаева, в 2009 г. — «Үөлэн Кыырдыт» В.Н. Попова-Бочоох. Петр

Никифорович участвовал в издании эпоса «Кыыс Дэбилийэ» в двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

С 2002 г. по инициативе первого Президента РС(Я) М.Е. Николаева началось издание эпической серии «Саха боотурдара» («Якутские богатыри»). Петр Никифорович активно участвовал в издательской работе и как составитель, и как член редакционной коллегии. В 2010 г. вышел в свет 8 том серии «Горнай олонхоло» («Олонхо Горного улуса»), который был составлен им.

В 2003 г. Петр Никифорович совместно с Сарданой Платоновной Ойунской подготовил и выпустил полный авторский текст монументального героического эпоса «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Нюргун Ботур Стремительный»), а также активно участвовал в издании этого олонхо на русском языке в переводе В. Державина в 2007 г.

Петр Никифорович принял активное участие в подготовке материалов для ЮНЕСКО по якутскому героическому эпосу. Благодаря заслуге якутских ученых в 2005 г. олонхо было признано этим крупным международным центром шедевром устного нематериального наследия человечества. Это событие дало толчок всестороннему изучению и популяризации эпического наследия.

За заслуги перед наукой и духовной культурой Петр Никифорович удостоен премии Общественного фонда им. П.А. Ойунского, ему присвоены почетные звания «Заслуженный работник культуры РС(Я)», «Заслуженный ветеран СО РАН», «Почетный гражданин Мегино-Кангаласского улуса», награжден медалями, знаками отличия «Гражданская доблесть», «Учитель учителей» и Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, Верховного Совета ЯАССР и Правительства РС(Я).

*Е.С. Куприянова, м.н.с. сектора
якутского фольклора
ИГИИПМНС СО РАН*

Анатолий Гаврильевич Нелунов

(К 70-летию со дня рождения)

Кандидату филологических наук, заслуженному ветерану СО РАН, старшему научному сотруднику сектора лексикографии ИГиЛПМНС СО РАН А.Г. Нелунову 2 марта 2013 г. исполнилось 70 лет.

Анатолий Гаврильевич родился 2 марта 1943 г. в с. Кобяй Кобяйского района Якутской АССР. В 1967 г., после окончания якутского отделения историко-филологического факультета Якутского государственного университета, поступил в аспирантуру родной Alma Mater, но в тот же год был призван в ряды Советской армии. Отложенная аспирантура успешно была завершена в 1971 г., и в 1972 г. он был принят на работу в Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. Защитив в 1979 г. кандидатскую диссертацию в г. Алма-Ате по глагольной фразеологии якутского языка, А.Г. Нелунов вошел в число ведущих фразеологов тюркской лингвистики. Этой сфере якутской филологии он надолго сохранил верность и является сейчас единственным специалистом по якутской фразеологии.

А.Г. Нелунов — ученый-фразеолог, имеющий в своем филологическом багаже богатейший советский, российский и международный опыт тюркологического языкознания. Он автор монографии «Глагольная фразеология якутского языка» (Якутск, 1981), «Якутско-русского фразеологического словаря» в двух томах (Новосибирск, 1998, 2002) и около 100 научных статей. Вместе с коллегами он участвовал в создании «Инструкции для составления толкового словаря якутского языка» (Якутск, 1989), «Краткого толкового словаря якутского языка» (Якутск, 1994), «Орфографического словаря якутского языка» (2002). Он один из основных составителей, переводчиков и ответственных редакторов «Понятийно-терминологического русско-якутского словаря по психологии» (1994), «Уголовного кодекса РФ» (2002) и т.д.

Важным направлением научной деятельности А.Г. Нелунова являются общие проблемы фразеологии, лексикографии якутского языка.

Изданный в г. Новосибирске (1998, 2002) «Якутско-русский фразеологический словарь» (ЯРФС) А.Г. Нелунова представляет собой синхронный срез в развитии якутского языка, отражает языковую картину мира посредством фразеологических единиц (далее ФЕ). Это первое фразеографическое издание в тюркологии якутского народа, посвященное ФЕ современного якутского языка, и свидетельствует о новом этапе развития изучения лексикона якутского языка. Практическая значимость данного словаря состоит в исключительной актуальности и насущной необходимости подобных двуязычных лексикографических и фразеографических изданий в условиях гармоничного двуязычия в Республике Саха (Якутия).

Автор придерживается узкого понимания фразеологии. Благодаря скрупулезному изучению ФЕ якутского языка Анатолием Гаврильевичем в ЯРФС зарегистрированы фразеологические выражения, постоянные эпитеты и модальные выражения. Глубинный анализ семантической мотивированности / немотивированности ФЕ позволил автору четко разграничить степень семантической связности/слитности компонентного состава ФЕ и провести четкую дифференциацию центрального пласта фразеологии — идиом и ФЕ с мотивированной семантикой составляющих ее компонентов. Использование буквального перевода исходного свободного словосочетания дает ясную картину степени семантического переосмысления анализируемой ФЕ. В предисловии дается четкое отграничение ФЕ от слова, свободного словосочетания, составных терминов, обосновываются с филигранной точностью возможности соотношения/несоотношения постоянных эпитетов, модальных словосочетаний, пословиц и поговорок с учетом их семантической трансформации с фразеологией.

Достоверность и актуальная узуальная употребляемость ФЕ современного якутского языка проиллюстрированы примерами из художественной литературы, устного народного творчества и периодической печати.

После тщательного анализа более 150 выражений с пометой «диалектное», зафиксированных в словаре Н.С. Григорьева «Саха тылын сомоҕо домобун тылдьыта» [1974], автор пришел к выводу, что «диалектных фразеологизмов остается около 30–40» [ЯРФС, с. 47]. При

анализе заимствованных словосочетаний из русского языка автор скрупулезно отбирает лишь те ФЕ, которые встречаются более четырех раз, что свидетельствует о большой достоверности отобранного фразеологического материала.

«Якутско-русский фразеологический словарь» А.Г. Нелунова — первый опыт двуязычного фразеографического исследования оставит свой достойный след в науке и послужит неисчерпаемым источником для дальнейших научных изысканий не только в области якутской фразеологии, но и в русле когнитивно-типологических исследований ФЕ родственных и неродственных языков.

Научное творчество А.Г. Нелунова, активно сочетается с разработкой практических вопросов. Он участвовал в разработке «Закона о языках в Республике Саха (Якутия)» (1992), «Госпрограммы по сохранению и развитию государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)». На протяжении 40 лет он бессменный член Совета по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия).

В настоящее время А.Г. Нелунов плодотворно работает над редактированием и составлением многотомного Большого толкового словаря якутского языка, восемь томов которого изданы в издательской фирме «Наука» в г. Новосибирске. Это совершенно новое направление в области лексикографии тюркских языков и вызвано потребностями современного общества.

А.Г. Нелунов ведет большую научно-организационную и общественную работу. В 1991–1998 гг. он занимал должность заместителя директора по науке. В то время по его инициативе был создан отдел терминологии, где нача-

лась разработка и создание банка терминологических данных по отдельным отраслям науки и производства. Анатолий Гаврильевич — организатор и активный участник международных, всероссийских и республиканских научных конференций, много внимания уделяет приобщению школьников к науке. Он является научным руководителем и консультантом исследовательских работ учащихся Игидейской средней школы им. Э.К. Пекарского Таттинского улуса. Активно пропагандирует научные знания в СМИ. Он член Общего собрания Якутского научного центра СО РАН.

В свободное от работы время Анатолий Гаврильевич предпочитает проводить время за шахматами. Он неоднократный чемпион по шахматам и шашкам среди сотрудников институтов Якутского научного центра СО РАН.

Многолетний добросовестный труд и вклад А.Г. Нелунова во имя процветания якутской филологической науки отмечены правительственными наградами. Он награжден знаками «Гражданская доблесть», «380 лет вхождения Якутии в состав России», почетными грамотами РАН, Президиума СО РАН, Академии наук Республики Саха (Якутия).

Анатолий Гаврильевич прекрасный отец и дедушка.

Свой юбилей наш старший коллега встречает с новыми идеями, планами, полным жизненной энергии. От всей души желаем Анатолию Гаврильевичу доброго здоровья на долгие годы, активной творческой жизни, заботы и внимания окружающих и близких, благополучия во всем.

*Ф. Н. Дьячковский, к.ф.н.,
завсектором лексикологии
ИГИиПМНС СО РАН*

НЕКРОЛОГ

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ ПЕТРОВ

30.03 1929–6.01.2013

В начале января 2013 г. научная общественность Якутии проводила в последний путь заслуженного деятеля науки РС(Я), заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН, члена Международной тюркской академии, доктора филологических наук, профессора Николая Егоровича Петрова.

Ученый-грамматист, автор ряда крупных монографических исследований Николай Егорович Петров по своей работе был тесно связан с двумя крупными учреждениями науки и высшей школы Республики Саха (Якутия) – Институтом языка, литературы и истории ЯНЦ СО РАН и Якутским государственным университетом им. М.К.Аммосова.

В 1959 г. после окончания Якутского пединститута Николай Егорович Петров поступил в аспирантуру ЯФ СО АН СССР и совмещал учебу с работой в должности младшего научного сотрудника института. Без малого сорок лет жизни ученого посвящены науке и организации науки – с 1963 г., после защиты кандидатской диссертации, и по 1986 г. Николай Егорович беспрерывно возглавлял сектор грамматики и диалектологии, где в дальнейшем проводил исследования как главный научный сотрудник вплоть до перехода в университет в 1998 г.

Под руководством Н.Е.Петрова в институте проведены обобщающие научные исследования по якутскому языку; написаны и изданы два тома академической грамматики: «Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 1. Фонетика. Морфология». (М., 1982); «Ч. 2. Синтаксис» (Новосибирск, 1995). Н.Е. Петров выступил как один из разработчиков ее теоретической концепции и автор разделов по служебным частям речи. Под его

непрерывным вниманием находились вопросы орфографии якутского языка: он являлся одним из составителей «Орфографического словаря якутского языка», вышедшего в 1963 г. под редакцией Л.Н. Харитонова, в 1975 г. вышел новый, переработанный и дополненный словарь под редакцией самого Н.Е. Петрова. Под его руководством группа научных сотрудников приступила в 1986 г. к работе над созданием большого орфографического словаря, который увидел свет в 2001 г. В секторе в этот период также велась работа по картографированию диалектов якутского языка.

Научный вклад Н.Е. Петрова характеризуется новизной подхода к изучению служебных частей речи и грамматической категории модальности. В своих исследованиях он утвердил ранее неизвестный якутской грамматической традиции функциональный подход к языковым фактам и впервые на материале якутского языка обосновал теорию языковой модальности. Это нашло отражение в его монографиях «Частицы в якутском языке» (1978), «О содержании и объеме языковой модальности» (1982), «Модальные слова в якутском языке» (1984), «Модальные сочетания в якутском языке» (1988), «Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке» (1999). Н.Е. Петров плодотворно занимался и вопросами лексикографии. Он являлся одним из авторов вышедшего в 1972 г. «Якутско-русского словаря». А в многотомном Большом толковом словаре якутского языка все статьи по служебным частям речи написаны им.

Как известно, Н.Е. Петров был щедро наделен от природы талантом исполнителя тойука и запевалы осуохая. Этим обусловлен его научный интерес к изучению фольклора и якутской народной музыки. В трудах, выполненных в этом направлении, он изложил свой взгляд на современное состояние и перспективы развития жанров народного творчества. Много сил и творческой энергии Николай Егорович приложил к созданию общества «Осуохай», чем способствовал возрождению интереса и приобщению

нию масс населения к традиционной культуре народа саха.

Н.Е.Петров внес значительный вклад в подготовку высококвалифицированных профессиональных и научных кадров. Последние 15 лет жизни он полностью посвятил сфере высшей школы, читал курсы по актуальным проблемам якутской филологии, истории якутского языкознания, обрядовой терминологии и по языку олонхо на основе авторских программ и методических пособий. Под его руководством и с его научной консультацией были защищены кандидатские и докторские диссертации.

Многолетний плодотворный труд Н.Е. Петрова отмечен многими заслуженными наградами. Его научная и педагогическая деятельность, его колоссальное трудолюбие, верность выбранному пути останутся навсегда в благодарной памяти его коллег и учеников как яркий пример и твердый ориентир на жизненном пути.

Н.И. Данилова, д.ф.н.,
завсектором грамматики и диалектологии

Н.И. Попова, к.ф.н.,
замдиректора ИГиПМНС СО РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Тамара Егоровна — канд. филол. наук, замдиректора ИГИиПМНС СО РАН, taan.2001@mail.ru.

Антонов Егор Петрович — канд. ист. наук, завсектором истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН, antegor@yandex.ru.

Бакаева Эльза Петровна — докт. ист. наук, замдиректора УРА «Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН», ebakaeva@yandex.ru.

Бравина Розалия Иннокентьевна — докт. ист. наук, завсектором археологии ИГИиПМНС СО РАН, РС(Я), bravina.RI@bk.ru.

Бурнашева Наталия Ивановна — д.и.н., в.н.с. сектора истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН, сл. тел. 35-43-40.

Васильев Валерий Егорович — канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН, РС(Я), valera_305@mail.ru.

Данилова Надежда Ивановна — докт. филол. наук, завсектором грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nadev2008@mail.ru.

Данилова Анна Николаевна — канд. филол. наук, м.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН, danilova.aanchyk@yandex.ru.

Дьячковский Федор Николаевич — канд. филол. наук, завсектором лексикологии ИГИиПМНС СО РАН, fedjatschxov0801@mail.ru.

Заболоцкая Парасковья Еремеевна — кандидат искусствоведения, преподаватель Арктического государственного института искусств и культуры, e-mail: zabpasha2008@gmail.com.

Куприянова Елена Степановна — м.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС, otdelolonxo@mail.ru.

Марфусалова Венера Петровна — канд. пед. наук, доц. кафедры начального образования пединститута СВФУ им. М.К. Аммосова, marfvenera@yandex.ru.

Монастырев Владимир Дмитриевич — завсектором лексикографии ИГИиПМНС, demamon.92@mail.ru.

Мухомлева Светлана Дмитриевна — канд. филол. наук, с.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН, otdelolonxo@mail.ru.

Новгородов Иннокентий Николаевич — докт. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим и естественным специальностям Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова, i.n.novgorodov@mail.ru.

Попова Наталья Иннокентьевна — канд. филол. наук, замдиректора ИГИиПМНС СО РАН, nat.porova@rambler.ru.

Прокопьева Александра Егоровна — канд. филол. наук, м.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН, сл. тел. 36-01-97.

Пудов Алексей Григорьевич — канд. филос. наук, доцент, завкафедрой философии, ИиСЭН экономического факультета ФГБОУ ВПО «Якутская государственная сельскохозяйственная академия», agro_on_line@mail.ru.

Романова Екатерина Назаровна — докт. ист. наук, завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН, РС(Я), e_romanova@mail.ru.

Романова Лидия Николаевна — канд. фил. наук, завсектором литературоведения ИГИиПМНС, litved@mail.ru.

Саввинов Андрей Саввич — докт. филос. наук, профессор, и.о. завкафедрой философии СВФУ им. М.К. Аммосова, сл. тел. 32-03-25.

Сулейманов Александр Альбертович — канд. ист. наук, м.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН, alexas.1306@mail.ru.

Ушницкий Василий Васильевич — канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН, boma@mail.ru.

Харабаева Виктория Ивановна — лаборант сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, Stabilo.83@mail.ru.

Шамина Людмила Алексеевна — докт. филол. наук, г.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, сл. тел. 8(383) 330-84-69.

Яковлев Эдуард Михайлович — гл. архивист ГКУ РС(Я) «Национальный архив» РС(Я), сл. тел. 43-95-52.

Яковлева Евдокия Павловна — канд. философ. наук, доцент кафедры философии СВФУ им. М.К. Аммосова, Yakov_eva@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Andreeva Tamara Egorovna - Candidate of philological sciences, deputy director of Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: taan 2001@mail.ru

Antonov Egor Petrovitch — Candidate of historical sciences, head of the history of Yakutia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: antegor@yandex.ru

Bakayeva Elza Petrovna – Doctor of historical sciences, deputy director IRA “Kalmyk institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Science”, e-mail: ebakaeva@yandex.ru

Bravina Rosaliya Innokentevna – Doctor of historical sciences, head of the archeological section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, RS(Y), e-mail: bravina RI@bk.ru

Burnashova Natalia Ivanovna – Doctor of historical sciences, leading research officer of history of Yakutia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, phone: 35-43-40

Vasilyev Valeriy Egorovich — Candidate of historical sciences, senior research officer of ethnographical peoples of the North-east of Russia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, RS(Y), e-mail: valera305@mail.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna — Doctor of philological sciences, head of grammar and dialectology of the Yakut language section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nadev2008@mail.ru

Danilova Anna Nickolaevna - Candidate of philological sciences, junior research officer of the Yakut folklore section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: Danilova.aanchyk@yandex.ru

Dyachkovsky Fedor Nikolaevich — Candidate of philological sciences, head of the Yakut language lexicology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: fedjatschxov0801@mail.ru

Zabolotskaya Paraskovya Eremeyevna – Candidate of art criticism, teacher of Arctic state University Art and Cultural, e-mail: zabpasha2008@gmail.com.

Kupriyanova Elena Stepanovna - junior research officer of the Yakut folklore section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: otadelolonxo@mail.ru

Marfusalo Venera Petrovna – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of primary education of the pedagogical Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, e-mail: marfvanera@yandex.ru.

Monastyrev Vladimir Dmitrievich – head of lexicography section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: demamon 92@mail.ru

Mukhopleva Svetlana Dmitrievna – Candidate of philological sciences, senior research officer of Yakut folklore section Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: otadelolonxo@mail.ru.

Novgorodov Innokentiy Nickolaevich – Doctor of philological sciences, associate of Department of Foreign languages for Technical and Natural sciences, Institute of Foreign philology and Regional studies, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, e-mail: i.n.novgorodov@mail.ru

Popova Natalia Innokentyevna — Candidate of philological sciences, deputy director of Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nat.popova@rambler.ru

Prokopyeva Alexandra Egorovna - Candidate of philological sciences, junior research officer of paleoasian philology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, phone: 36-01-97.

Pudov Alexey Grigorevich – Candidate of philosophy sciences, associate professor, head of department of philosophy economic faculty North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, e-mail: agro_on_line@mail.ru

Romanova Ekaterina Nazarovna — Doctor of historical sciences, head of ethnography of the people of the North East of Russia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: e_romanova@mail.ru

Romanova Lidia Nickolaevna – Candidate of philological sciences, head of literary criticisms of Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: litved@mail.ru

Savvinov Andrey Savvich – Doctor of philosophical sciences, professor, alternate head of department of philosophy, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, phone: 32-03-25.

Suleimanov Alexandr Albertovich – Candidate of historical sciences, junior research officer of arctic researches, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: alexas1306@mail.ru

Selyutina Prayda Yakovlevna — Doctor of philological sciences, professor, chief researcher of Institute of philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: alexas1306@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasilyevich — Candidate of historical sciences, senior research officer of ethnography of the people of the North East of Russia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: boma@mail.ru

Kharabaeva Victoria Ivanovna – laboratory assistant of grammar and dialectology section of Yakut language, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: Stabilo.83@mail.ru.

Shamina Ludmila Alexeevna – Doctor of philological sciences, chief research officer section of languages of Siberian Institute of philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, phone: 8 (383) 330-84-69.

Yakovlev Eduard Mikhailovich – chief archivist, PE “National archive” RS (Y), phone: 43-95-52.

Yakovleva Evdokiya Pavlovna – Candidate of philosophic sciences, associate professor of department of philosophy North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, e-mail: Yakov_eva@mail.ru

Адрес редакции:

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Подписано в печать 20.06.2013.
Формат 60х90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 16,25. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦНТИ ИГИиПМНС
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69.
